

Международный издательский центр
«Этносоциум»

Тюменский Государственный Медицинский Университет
Московский Государственный Технический Университет
имени Н.Э. Баумана

Н.И.Губанов, Н.Н.Губанов

МЕНТАЛЬНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Москва 2016

УДК 1/14
ББК 87.3

Рекомендовано к изданию кафедрой философии и истории
Тюменского государственного медицинского университета
и кафедрой философии Московского государственного
технического университета им. Н.Э. Баумана

Рецензенты:

Рябова Е.Л., доктор политических наук, профессор.

Туманян Т.Г., доктор философских наук, профессор.

Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Ментальное
и физическое пространство: Монография. – М.:
Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 144 с.

В монографии показано, что Р. Декарт признавал наличие пространственных характеристик лишь у объективной реальности, т.е. у материальных объектов, а Д. Беркли и И. Кант считали пространство формой существования субъективной реальности, т.е. духовных явлений. Авторы показывают, что пространственные характеристики присущи как материальным, так и ментальным объектам. К пространственным свойствам психических явлений относятся их локализация, экстрапроекция, структура и протяжённость экстрапроекции в трёх измерениях. Показано соотношение ментального (субъективного) и физического (объективного) пространства в условиях адекватного и неадекватного восприятия. Для эмпирической верификации философских положений использованы данные науки о малоизученных феноменах чувственного отражения – иллюзиях, галлюцинациях, миражах, сновидениях. Раскрыт закон пространственного проецирования чувственных образов, неадекватное истолкование которого способствовало признанию тождественности образа и объекта в различных гносеологических концепциях, а также было одной из причин возникновения теории первичных и вторичных качеств.

Книга может представить интерес для философов, психологов, физиков, физиологов и всех лиц, интересующихся фундаментальной и вечно актуальной проблемой пространства.

© Губанов Н.И., Губанов Н.Н., 2016.

© Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.

Содержание

Предисловия

Пространство, информация, структура.....	5
Научная философия о ментальном и физическом пространстве.....	10
Введение.....	14

Глава 1.

Из истории проблемы

«ментальный мир и пространство»

§ 1.1. Античные авторы о местонахождении души.....	29
§ 1.2. Истолкование пространства как способа организации материального, но не духовного бытия.....	30
§ 1.3. Истолкование пространства как способа организации духовного бытия.....	36

Глава 2.

Пространственные характеристики ментальных явлений

§ 2.1. Пространственная локализации ментальных явлений Критика персонализма – эффекторной конценции образа.....	41
§ 2.2. Ментальное пространство в условиях адекватного восприятия.....	49
§ 2.3. Закон пространственного проецирования чувственных образов.....	60

Глава 3.	
Закон пространственного проецирования	
чувственных образов и гносеологические концепции	
§ 3.1. Презентационизм и репрезентационизм.....	75
§ 3.2. Концепция первичных и вторичных качеств.....	78

Глава 4.	
Ментальное пространство	
в условиях неадекватного восприятия	
§ 4.1. Ментальное пространство при иллюзиях, галлюцинациях, миражах, сновидениях.....	86
§ 4.2. Соотношение ментального и физического пространства.....	101

Глава 5.	
О пространственной локализации явлений	
общественного сознания	
§ 5.1. Взаимосвязь индивидуального и общественного сознания.....	106
§ 5.2. Кодово-семиотический механизм функционирования общественного сознания.....	116
Заключение.....	130
Список использованной литературы.....	134

ПРЕДИСЛОВИЯ

Пространство, ментальное пространство, информация, структура

В монографии Н.И. Губанова и Н.Н. Губанова ставится задача, которая теснейшим образом связана, пожалуй, с самой сложной и трудноразрешимой на сегодняшний день проблемой выяснения природы идеального, или иначе — проблемой онтологической сущности сознания. Сознания не как просто свойства материи человеческого мозга, а именно со стороны того, что в нём реально переживается, или так или иначе дано. Авторы монографии поставили перед собой задачу определения пространственных особенностей идеального. Коль скоро сознание является свойством материального органа — человеческого мозга — значит, и оно само, как свойство материального объекта также материально. После такой постановки вопроса некоторым сразу может прийти в голову история, связанная с т.н. «вульгарными материалистами», Бюхнером, Фогтом и Молешотом. История, согласно которой мозг вырабатывает мысль так же, как печень вырабатывает жёлчь. Кстати, уже во времена, когда было высказано такое суждение, было ясно, что речь идёт лишь о некоторой аналогии. А аналогия в реальной практике науки и философии практически никогда не бывает полной, иначе — изоморфной. Думаю, что т.н. «вульгарных материалистов» есть смысл сегодня оправдать. Как следует из их дальнейших пояснений, речь идёт о том, что человеческая мысль имеет свой материальный субстрат, или коррелят. Не следует забывать и о т.н. психо-физиологическом дуализме, к которому нередко прибегали при объяснении феномена человеческого сознания. По нашему мнению, нет ничего странного в предположении, что реальное сознание является неким эпифеноменом доступных для сегодняшних исследований мозговых процессов.

Впрочем, проблема, конечно гораздо глубже. Ибо свести всё только к мозговым процессам в проблеме содержания сознания — т.е. идеального — не получится. И по самым различным причинам. Дело в том, что содержание сознания, не сам мозговой процесс, задаётся отнюдь не только, да и не столько строением человеческого мозга, а совсем иными причинами. Причинами, которые связаны с самим образом жизни человека. Да, исторически, эволюционно вид разумного человека, *homo sapiens sapiens*, возникает как результат биологической эволюции, т.е. вполне материалистически, по-дарвиновски объяснимый. Но это только лишь намечает пути объяснения феномена сознания чело-

века, но не даёт его полного и удовлетворительного объяснения. В том числе в аспекте пространственных характеристик феномена сознания, или, как предпочитают говорить авторы монографии — человеческого менталитета.

Авторы монографии совершают своего рода исследовательский подвиг, обратившись к проблеме пространственных характеристик человеческого менталитета, идеального. Ни много ни мало, они претендуют на реальное объяснение того, что такие характеристики существуют, и обосновывают свои выводы большим, весьма существенным и показательным материалом. В чём их можно только поддержать и приветствовать. Н.И. Губанов и Н.Н. Губанов представляют читателю монографии очень богатый и последовательно связанный материал. Материал, с которым трудно спорить, и с которым даже трудно не согласиться. Сомнений в их квалификации как исследователей данной проблемы просто не возникает. И всё-таки хотелось бы обратить внимание на ряд обстоятельств, которые, с одной стороны, поддерживают позицию авторов монографии, а с другой — ставят новые вопросы.

Первое, с чем, думается, должны согласиться все разумные читатели, это вопрос о том, может ли философия быть научной, или, если говорить прямо, — наукой. Так как монография, очевидно, построена на положении о признании научности философии. Здесь можно указать на следующие моменты. Философия, во все времена, возникает и существует как неизбежное следствие такого феномена, как мышление; человеческое мышление, так как иного мы просто не знаем. Мышление человека представляет собой рациональную обработку чувственного материала и в пределе выходит на некие предельные же обобщения. Эти обобщения касаются всех видов человеческого опыта, доступного на той или иной стадии развития человечества. Очевидно, что на донаучной стадии человеческого мышления, а это ступени магии, мифологии, да во многом ещё и античной натурфилософии, а также в период господства схоластики в средние века, подобные обобщения носили некий неадекватный природе мышления характер. Хотя и в это время появилось немало вполне разумных положений, в тех же Ведах, Древних китайских книгах, текстах таких культур, как Древний Вавилон, Древний Египет. Ну и, конечно же, в работах первых античных натурфилософов, прежде всего, Фалеса.

Философия, как уровень предельных рациональных обобщений, — это результат действия объективных законов развития мышления. А там, где появляется последовательно научное мышление (начиная с XV века европейской истории), там с необходимостью появляется, правда, не сразу, в борьбе с предшествующими традициями, научная

философия. Т.е. философия, ориентированная на требования, критерии научности — научная философия.

Авторы монографии нисколько не сомневаются в том, что философия может и должна быть научной. Сама их работа является примером именно последовательно научной философской обработки проблемы пространственных особенностей сознания, менталитета. Об этом говорит центральное для работы понятие «ментальное пространство». Это подтверждается, ещё раз обратим внимание, огромным конкретным фактуальным материалом работы. Вопрос в том, что возникает ощущение, что чего-то здесь не достаёт. Чего? Начнём с того, что тема, поднятая в монографии, имеет немалую историю. В своё время нами был подготовлен реферат на статью П.К. Саппеса «Является ли зрительное пространство евклидовым?»¹. То есть, вопрос о природе пространственных характеристик, по крайней мере, чувственного уровня человеческого сознания, не так уж и нов. В настоящее время в англо-саксонской философии активно обсуждается проблема соотношения умственной способности человека и его тела, так называемая *mind-body problem*. Иное дело, что авторы монографии поставили этот вопрос на совершенно новом уровне, в совершенно новых, универсальных масштабах. За что, конечно, им нужно отдать должное. Проработав огромный материал, авторы монографии фактически подвигают нас к мысли о том, что сознание со стороны его предметного содержания, т.е. собственно идеального, является даже чем-то большим, чем просто свойством человеческого мозга. Учитывая подходы своего непосредственного предшественника Д.И. Дубровского и его известного по дискуссии 70-х годов прошлого века о природе сознания оппонента Э.В. Ильенкова, Н.И. Губанов и Н.Н. Губанов формулируют очень значимые выводы — можно и нужно говорить об особых пространственных характеристиках человеческой ментальной реальности.

Да, монография Н.И. Губанова и Н.Н. Губанова, прежде всего, связана с обоснованием пространственной специфики чувственного уровня человеческого сознания. Именно эта сторона сознания подтверждается большим конкретным материалом работы. Что представляет несомненный интерес для философского сообщества. Уделено внимание и возможным пространственным характеристикам рационального, теоретического уровня сознания, т.е. мышлению. Здесь следует отметить активное использование авторами структурной аналогии различных видов пространств. Более того, по нашему мнению, моногра-

1 См.: Саппес П.К. Является ли зрительное пространство евклидовым? / Пер. с англ. // Реферативный журнал ИНИОН АН СССР. Общественные науки за рубежом. Серия 3. Философия и социология. 1979. № 4. С.26-30.

фия Н.И. Губанова и Н.Н. Губанова вполне обоснованно и достаточно всесторонне доказывает положение о том, что в философском смысле, на уровне предельного обобщения пространство, как философская категория, должно рассматриваться как некий универсальный структурный инвариант всех без исключения систем. Систем, существующих как в природе (физической в широком, античном смысле), так и в обществе, так и во внутренней духовной жизни человека — идеальных систем, иначе — идеальных моделей. В этом смысле такое понимание пространства, очевидно, сближается с определением предмета математики, данным Н. Бурбаки — математика есть наука об абстрактных структурах.

Наконец, пожалуй, наше последнее рассуждение. Мы тоже являемся сторонниками последовательно материалистического, причём, отнюдь не вульгарного объяснения природы человеческого сознания, менталитета, идеального. Мы даже высказали положение о том, что идеальное является особой формой движения материи, вырастающей непосредственно из социальной формы, но опосредованно и на основе всех других форм движения материи — физической, химической, биологической. Согласно нашей своеобразной формуле, человек есть физико-химико-био-социо- идеальнопредметное существо. $\Psi = \Phi \circledast X \circledast B \circledast C \circledast ИПс$ ².

На наш взгляд, и это очевидно присутствует в монографии Н.И. Губанова и Н.Н. Губанова, важнейшим фактором в объяснении природы идеального, содержания человеческого сознания, включая его пространственный, а также временной и другие аспекты, является фактор информационный. Информация, как мы считаем, — это присущее всякой вещи, материальной или идеальной, в т.ч. всякому чувственному или рациональному субъективному образу, их внутреннее многообразие, внутренняя форма, устройство. Но можно ли считать информацию, информационный аспект вещи её пространственной характеристикой? Судя по тексту монографии — да, можно. Это почти одно и то же. Мы даже готовы с этим согласиться. Разве что со следующим пояснением.

Ещё школьные сведения об устройстве человеческого мозга, а также о таком приборе, как детектор, т.е. разделитель электромагнитных волн различной частоты, как это имеет место, например, в телефоне, любом радиоприёмнике, наталкивают нас на некую мысль. А именно. Как все

2 См.: Халин С.М. Идеальное как особая форма движения материи (Онтологическая гипотеза) // Философия в современном мире: диалог мировоззрений. Материалы VI Всероссийского философского конгресса. Нижний Новгород, 27-30 июня 2012 . В 3 томах. Т. II. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. 2012. 467 с. С. 73.

знают, знаменитый персонаж детективов А. Кристи Эркюль Пуаро постоянно напоминал о серых клеточках, т.е. о клетках коры головного мозга. С именем И.П. Павлова мы связываем раскрытие функций лобных долей, т.н. второй сигнальной системы. Т.е., если мы хотим именно материалистически, даже субстанциально разобраться в устройстве нашего сознания, в том, как происходит разделение и формирование различных образов, чувственных и рациональных, наглядных и ненаглядных (предельно абстрактных), нужно найти соответствующие носители, материальные разделители соответствующих «волн» информации. Конечно, любой реальный субъективный образ, будь то чувственный или рациональный, несводим ни к каким субстанциальным механизмам, являясь именно живым переживанием, реальным состоянием реального организма в определённое время в определённом месте. Но можно, думается говорить о механизме разделения той предметной информации, которая дана нам в этом реальном переживании, и той информации, того физиологического разнообразия, которое остаётся вне этого нашего переживания.

В этом, как нам думается, и состоят функции второй сигнальной системы и коры головного мозга. Они, просто – напросто выполняют своеобразные детекторные функции. Они отделяют предметную информацию от информации о состоянии тех или иных отделов мозга, которые выступают носителями соответствующей предметной информации и закрепляют определённые виды предметной информации. Здесь важно также отметить роль речи, языка со стороны их представленности в мозговых структурах. С этими тремя агентами и можно, на наш взгляд, связать пространственные характеристики человеческого сознания, менталитета. К чему практически напрямую подводит монография Н.И. и Н.Н. Губановых.

*Доктор философских наук, профессор
С.М. Халин, г. Тюмень*

Научная философия о ментальном и физическом пространстве

Среди современных философов весьма широко распространено мнение о том, что философия – не наука и не может быть наукой. Чаще всего при этом ссылаются на то, что философия не поддаётся эмпирической верификации и, значит, не отвечает одному из основных критериев научности. Нередко ещё отмечается, что любая философия имеет сугубо личностный характер и поэтому не может быть объективной. Отказ от принципов научности породил массу философских сочинений, отличающихся отсутствием строгой аргументации и дефиниций, произвольными утверждениями, отрывом от достижений современной науки, псевдоновизной, усложнённым трудно понимаемым языком. С.М. Халиным ещё в 1998 году была обоснована позиция «признания научности философии, но не всей и не всякой, а лишь той, которая ориентирована на современные критерии научности, и прежде всего объективности подхода к своим предметам»³. Мною это мнение полностью разделяется.

Предлагаемая читателям монография – пример, даже образец, того, как философия может быть научной. Авторами предпринимается успешная попытка доказательства существования ментального (субъективного) пространства, выявления его особенностей и установления его соотношения с физическим (объективным) пространством. *Тем самым в оригинальной авторской концепции Н.И. Губановым и Н.Н. Губановым осуществляется синтез идей Р. Декарта и И. Канта о пространстве.* До настоящего времени вслед за Р. Декартом одни философы признавали существование объективного пространства, а духовные явления считали внепространственными. Другие, напротив, вслед за Д. Беркли и И. Кантом считали пространство формами либо духа вообще, либо априорными формами чувственного созерцания. И только Б. Рассел, Г. Рейхенбах, А.М. Мостепаненко и некоторые другие немногочисленные авторы кроме физического пространства признавали наличие перцептуального пространства, но его природу, условия формирования, соотношение с физическим пространством не исследовали⁴. Все эти вопросы

³ Халин С.М. Познание и метапознание (Проблема типологического единства). Тюмень: изд-во ТГУ. 1998. С.69.

⁴ См.: Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Пер. с гл. Киев: Ника_Центр. 1997. 560 с.; Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Пер. с нем. М: Прогресс. 1985. 344 с.; Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат. 1974. 240 с.

разработаны в данной монографии. Авторами, в частности, показано, что ментальное пространство – это способ организации психических модальностей (красное, зелёное, тёплое, твёрдое и др.), формирующих в ходе перцептивно-предметной деятельности трёхмерную структуру, проецированную вовне. В условиях адекватного восприятия ментальное пространство в большой степени совпадает с физическим пространством, а в условиях неадекватного восприятия ментальное пространство значительно, а часто и кардинально, отличается от физического пространства, в котором пребывает субъект.

В работе даны определения главных понятий: пространства, ментального (субъективного) пространства, образа, знака, значения, кода, модели, иллюзий, галлюцинаций. Основные положения сформулированы ясно и строго аргументированы. Но главная особенность книги – умелая широкая эмпирическая верификация обосновываемых положений. Авторы дают гносеологическую интерпретацию данных биофизики, физиологии анализаторов, нейрофизиологии, психологии, патопсихологии, психиатрии и на основе этого производят философские обобщения. Используют материал о плохо изученных психических феноменах: иллюзиях, галлюцинациях, миражах, сновидениях.

Отказ от признания научности философии у многих современных авторов в наибольшей мере выражается в утверждении о неприменимости понятия истины к философии. А есть ещё более радикальная, даже одиозная, точка зрения: понятие истины утратило свою значимость и должно быть устранено не только из философии, но и из науки. Эту точку зрения отстаивают философы постмодернисты Ж. Деррида, Р. Рорти и другие⁵. Сторонники этой позиции имеются и среди отечественных авторов.

Так, журнал «Эпистемология & Философия науки» провёл панельную дискуссию, ведущее положение которой – необходимость замены в науке понятия истины понятием смысла⁶. Эту позицию разделяли Л.А. Маркова, А.П. Огурцов, Ю.С. Моркина. А что такое смысл, они так и не объяснили. Только один участник дискуссии, А.Л. Никифоров, сохранил здоровую критичность к попыткам устранить из науки понятие истины и, в частности, отметил, что *«понятие смысла настолько неопределённо и расплывчато, что его использование для характеристики науки ничего не проясняет»*⁷.

5 См.: Губанов Н.И. Нищета философии постмодернизма // Философия и общество. 2007. №1. С. 54–68]

6 Панельная дискуссия // Эпистемология & Философия науки. 2009. Т. XXII. №4. С. 48–77.

7 Там же. С. 62.

По результатам отмеченной дискуссии получается, что не только философия, но и наука должна быть без истины. И это пространно обосновывается в журнале, который должен всемерно способствовать развитию науки. К счастью, представителям частных наук нет никакого дела до таких сверхутончённых дискуссий, которые чем-то напоминают описанную Г. Гессе игру в бисер. Перефразировав слова известного классика, об этих авторах можно сказать, что «страшно далеки они от науки». Но учёные как искали, так и будут искать истину. Это же относится и к объективным философам. Ещё Пифагор утверждал, что «иные... рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины»⁸. А через два с половиной тысячелетия в 1928 году один из виднейших учёных XX века Г. Рейхенбах написал: *«Важнейшей целью научной философии можно считать установление понятия объективной истины в качестве высшего критерия философского познания»*⁹.

По моему мнению, распространение положений о необходимости отказа от категории истины – вызванный постмодернизмом результат растерянности и потери здоровой критичности к агностическим и релятивистским концепциям в условиях возникшего сейчас безбрежного плюрализма мнений и отсутствия ответственности за содержание публикаций со стороны авторов и издателей. Распространённой стала установка: «Я имею право на свою точку зрения», но без учёта того, что эта точка зрения должна основываться на изучении всей истории философии и относящихся к теме данных частных наук.

Анализ различных сфер культуры позволяет заключить, что истина существует во всех науках – естественных, математических, технических, социальных, гуманитарных, философских. Существует также художественная истина, т.е. истина произведений искусства, если они реалистичны. Разве А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский не дали нам истинных произведений? Имеется также нравственная истина, исходящая из критериев добра и зла: например, действия Киева сейчас по отношению к народу Донбасса – это зло, поскольку Киев убивает граждан, которые не хотят починиться фашистской хунте. И везде истина – соответствие знания объекту, т.е. фрагменту действительности, с которым субъект взаимодействует. В гуманитарных и философских науках, а также и в искусстве, объекты, предметы познания и истина имеют свои особенности, в частности, объекты их обла-

⁸ Цит. по: Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философия. Изд-е 4-е. М.: изд-во СГУ. 2012. С.15.

⁹ Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1985. С.17.

дают высокой степени уникальности (хотя везде объекты уникальны), весьма сложны, изменчивы, содержат в себе субъективную реальность, не обладающую физическими свойствами. Эти особенности необходимо учитывать, не впадая в панику и не отказываясь от понимания истины как соответствия.

Позиция Ж. Дерриды, других постмодернистов и некритически принимаемых их взгляды отечественных авторов, отрицающих необходимость понятия истины, создаёт *ситуацию парадоксальной самореференции – необходимости отнесения своих ключевых положений к собственному учению*. Если деконструкция влечёт за собой разрушение всех классических философских понятий, включая и понятие истины, то Ж. Деррида и его сторонники обязаны объяснить, продолжают ли они считать, что выдвинутые ими положения являются истинными. Если они отвечает утвердительно, то оказываются логически непоследовательными, так как ранее заявляли, что истины не существует. Если же они отвечают отрицательно, т.е. полагают, что их высказывания неистинны, то трудно видеть в том, что они ранее утверждали, что-либо серьёзное. Как видим, последовательное проведение постмодернистских положений приводит к их самоликвидации: если истины нет вообще, то и то, что говорится постмодернистами и следующими в их фарватере отечественными авторами, тоже не истина. Ответа на этот парадокс не дали ни западные, ни отечественные постмодернисты.

Истинность философии достигается при использовании достоверного эмпирического материала, закона достаточного основания и подтверждённых практикой теоретических положений. Всё это есть в книге Н.И. Губанова и Н.Н. Губанова. Содержание их работы конкретно опровергает мнение о невозможности эмпирической верификации философии. Книга представляет собой редкий для последнего времени случай плодотворного союза философии и науки. Её с большим интересом буду читать как философы, так и представители частных наук.

**Кандидат философских наук, доцент
В.Н. Согрина, г. Тюмень**

Введение

«Всякому бытию непременно должно быть где-то, в каком-то месте и занимать какое-то пространство, а то, что не находится ни на земле, ни на небесах, будто бы и не существует»

[Платон. Тимей // Избранные диалоги. М., 2002, С.199].

«Основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства».

[Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 51]

Актуальность исследования избранной темы обусловлена, прежде всего, тем, что понятие пространства относится к числу важнейших философских категорий – понятий, предельно общих, фундаментальных, отражающих самые существенные отношения бытия. «Пространство и время – абстракции высочайшего порядка, отвлечённые от универсальных причинно-следственных связей. Пространство и время – упорядочивающие схемы, выражающие порядки сосуществования и последовательного существования явлений мира»¹⁰. Всё, что ни существует, что ни происходит и что ни делается, существует *где-то*, происходит *где-то* и в *каком-то* направлении, делается в *каком-то* месте, а часто и из-за *какого-то* места. Большинство войн и иных конфликтов возникают из-за претензий на то или иное пространство. Представители геополитики даже считают расширение жизненного пространства нации главной задачей государства.

Преодоление пространства служит мощным стимулом развития транспортных и коммуникативных технологий. Всякие процессы движения и развития, в том числе физического, химического, космического, биологического и социального, имеют направление и непременно связаны с изменением пространственных параметров объектов и окружающей их среды. Как справедливо отмечает А.Г. Спиркин, «не только события внешнего мира, но и все чувства, мысли происходят в пространстве и во времени»¹¹. Поэтому проблема пространства издревле была предметом глубоких размышлений самых различных людей и, в первую очередь, философов. Пространство (наряду с временем) служит одной из несущих конструкций любой известной до сих

10 Ильин В.В. Политология. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 80.

11 Спиркин А.Г. Философия. М.: Гардарики. 2001. С. 276.

пор объяснительной картины мира. Определение хотя бы в первом приближении масштабов в пространстве всех действительных и потенциально мыслимых природных и общественных систем как процедура представления фундаментальных параметров бытия является необходимым условием не только процесса постижения мира человеком, но и осознания последним своего места в нём¹².

В последнее время интерес к изучению пространства возрастает. Об этом свидетельствует, в частности, появление в философской литературе таких понятий, как физическое, биологическое, географическое, социальное пространство, пространство государства, пространство субъекта, жизненное пространство, культурное пространство, информационное пространство, пространство памяти¹³, образовательное пространство¹⁴, лингвистическое пространство, философское коммуникативное пространство¹⁵, геометрическое, виртуальное экономическое¹⁶, экологическое пространство, пространство книги, концептуальное пространство¹⁷ и даже «сложное бесконечномерное пространство мега-рисков»¹⁸; положено успешное начало исследованию метрики и топологии политического пространства¹⁹. По справедливому мнению И.Т. Касавина, категория пространства (и времени тоже), возможно, будет способствовать построению новых онтологий в социально-гуманитарных науках²⁰.

Знания о пространстве служат основой планирования перемещений и большинства действий людей. Они важны в любой сфере человеческой деятельности. От адекватности этих знаний зависит успех в любой сфере труда. Для осуществления успешной деятельности людям были необходимы знания количественных параметров различных объектов и их систем. А это потребовало создания многочисленных приборов

12 См.: Грицанов А.А. Пространство и время // Новый философский словарь. 2-е изд. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом. 2001. С.804.

13 См.: Хубер П. Иосиф Бродский: к вопросу возникновения автономного субъекта поэта // Вопросы философии. 2003. №7. С. 56-66.

14 Ольхов П.А. Философия преподавания философии: провинциальные резоны // Вестник РФО. 2003. № 2. С. 67-71.

15 Щедрина Т.Г. Коммуникативное пространство русского философского общества опыт философского архива // Вопросы философии. 2003. №8. С. 108.

16 См.: Молчанов В.И. Конституция пространства. Пространство и тело // Вопросы философии. 2011. №10. С. 155-166.

17 Кузнецов В.Ю. Философия преподавания философии // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2003. №5. С. 73-85.

18 Толстоухов А.В. Глобальный социальный контекст и контуры эcobудущего // Вопросы философии. 2003. №8. С. 59.

19 См.: Ильин В.В. Политология. М.: Книжный дом «Университет», 1999. Раздел III.

20 Касавин И.Т. Пространство и время: в поисках естественной онтологии // Общественная наука и современность. 2000. № 1. С.90-99.

Пространственные свойства мира люди замечали уже в глубокой древности, они обнаруживали, что всё окружающее простирается и располагается. Свойства пространства они выражали такими словами, как «дальше – ближе», «длиннее – короче», «выше – ниже», «правее – левее», «толще – тоньше», «шире – уже», «прямо – криво», «спереди – сзади». Постепенно вырабатывалось и общее понятие пространства.

Согласно принятой сейчас, в том числе и авторами этой работы, реляционной концепции, под пространством понимается способ взаимного расположения тел и явлений. Ю. Урманцев так поясняет понимание пространства в рамках этой концепции: «Пространство есть форма координации различных сосуществующих объектов и явлений, заключающаяся в том, что последние определённым образом расположены друг относительно друга и, составляя различные части той или другой системы, находятся в определённых количественных отношениях друг к другу»²³. Аналогичная трактовка даётся А.Г. Спиркиным: «*Пространство есть форма координации сосуществующих объектов, состояний материи*. Оно заключается в том, что объекты расположены вне друг друга (рядом, сбоку, внизу, вверху, сзади, спереди и т.д. и находятся в определённых количественных отношениях. Порядок сосуществования этих объектов и их состояний образует структуру пространства»²⁴. Поскольку бессистемных и бесструктурных объектов нет, то следует заключить, что понятие пространства приложимо к любой сфере бытия, и пространство каждой из этих сфер имеет свои особенности²⁵.

В настоящее время, благодаря главным образом теории относительности, хорошо исследованы объективные аспекты пространства, а вот его субъективные аспекты, связанные с объяснением пространственных свойств духовных явлений, изучены крайне слабо. Хотя о субъективных аспектах пространства говорили Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Беркли, И. Кант, их положения о природе пространства оставались декларативными и неконкретными. В литературе также не предпринималось попыток систематически исследовать соотношение объективного и субъективного пространства. Одни мыслители признавали пространство целиком объективным, т.е. относящимся к материальным объектам (Р. Декарт, Н. Гартман, Л.А. Абрамян, А.М. Анисов). Другие же считали его чисто субъективным, то есть присущим лишь субъективной реальности, духу, сознанию в различных их интерпретациях (Августин Аврелий, Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Беркли, И. Кант).

23 Урманцев Ю. Пространство и время // Философская энциклопедия. Т.4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 392.

24 Спиркин А.Г. Философия. М.: Гардарики. 2001. С.276.

25 См.: Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Субъективная реальность и пространство // Вопросы философии. 2015. №3. С. 45-54.

Б. Рассел, Г. Рейхенбах, А.М. Мостепаненко В.С. Готт, Ф. Клике и некоторые другие авторы признавали факт наличия двух видов пространства. Один из них – физическое пространство. Второй, относящийся к психике человека, они чаще всего называли перцептуальным пространством и поясняли, что перцептуальное пространство состоит из воспринимаемых отношений между частями восприятия, тогда как физическое пространство состоит из отношений между физическими вещами. Они использовали также понятия зрительного, осязательного, психологического и субъективного пространства²⁶. В.С. Готтом отмечалось, что «на современном уровне наших знаний разграничивают следующие понятия пространства...**реальное** (физическое) пространство; **перцептуальное** пространство... (условие существования и смены наших ощущений, присущие субъекту формы чувственности); **концептуальное** пространство... (абстрактно-математические структуры, способные моделировать пространственно-временные отношения)»²⁷. В отношении цитаты В.С. Готта следует отметить, что реальных пространств только два – физическое и ментальное (перцептуальное), а концептуальное пространство – это метафора, выражающая способ описания физического пространства и многих явлений, особенно психических. Это наше знание об объективном и субъективном пространстве. Притом, не обязательно в форме абстрактно-математических структур, а в любой рациональной (понятийной) форме, даже на уровне обыденного сознания. Подробнее о концептуальных пространствах будет сказано в параграфе 4.2.

Однако указанные авторы, хотя и сделали большой шаг вперёд в изучении пространства, не привели доказательств наличия ментального пространства, не раскрыли его компоненты, условия формирования с участием девяти анализаторов человека, его соотношение с физическим пространством в условиях адекватного и неадекватного, в том числе патологического, восприятия. Б. Рассел только справедливо отметил, что зрительное пространство лишь приблизительно соответствует физическому пространству.

Существование объективного, или физического, пространства почти ни у кого не вызывает сомнения, хотя авторитет И. Канта, отрицавшего объективное пространство, высок. А в отношении наличия субъективного (ментального) пространства и наличия у духовных явлений пространственных свойств у многих современных философов и психоло-

26 См.: Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Пер. с англ. Киев: Ника_Центр. 1997. 560 с.; Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1985. 344 с.; Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат. 1974. 240 с.

27 См.: Готт В.С. Пространство и время // <http://physiclib.ru/books/item/f00/s00/z0000018/st005.shtml> Дата обращения 15.09.2015. ,

гов имеются возражения, благодаря высокому авторитету Р. Декарта в этом вопросе и ряду труднопреодолимых иллюзий восприятия, которые нами будут раскрыты. В данной работе предпринимается попытка доказательства существования ментального (субъективного, психического) пространства, выявления его особенностей и установления его соотношения с объективным, физическим пространством. *Тем самым предполагается синтез идей Р. Декарта и И. Канта о пространстве.*

Надо сказать, что из всех аспектов проблемы пространства одним из наиболее сложных всегда был вопрос о связи духовных явлений, или идеального, с пространством. Людей издавна интересовал вопрос о том, имеют ли ментальные явления пространственные характеристики, то есть, существует ли ментальный мир в пространстве и если да, то каким образом.

Решение этого вопроса необходимо для углубления наших представлений о самой природе пространства, поскольку, как ранее нами уже отмечалось, пока нет концептуальной разработки связи объективных и субъективных аспектов пространства²⁸. Поэтому научные представления о пространстве остаются весьма неполными.

Изучение вопроса о связи ментальных явлений и пространства необходимо также для исследования фундаментальной и неизменно актуальной философской проблемы соотношения духовного и телесного. В своей статье «Мыслимость невозможного и проблема духа и тела» крупный теоретик этой проблемы американский философ Томас Нагель отмечает: «Одна из наибольших трудностей в разработке указанной проблемы состоит в представлении исследователей о том, что ментальным явлениям нельзя приписывать пространственные свойства, физические же явления, в том числе и мозговые физиологические процессы, ими непременно обладают»²⁹. Это обстоятельство отмечается также известным отечественным специалистом по данной проблеме Д.И. Дубровским³⁰.

Важным аспектом проблемы соотношения духовного и телесного служит вопрос о связи сознания с мозгом. Одним из магистральных направлений в изучении этого вопроса служит попытка расшифровки нейродинамических (мозговых) кодов ментальных явлений. А такая работа предполагает знание пространственных характеристик явлений психики и их соотносённости с физическим пространством и мозговыми образованиями.

28 См.: Губанов Н.И., Губанов Н.Н. О пространственных свойствах ментальных явлений // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. № 3 (15). С. 90-96.

29 Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. №8. С. 102-103.

30 См.: Дубровский Д.И. Проблема духа и тела: возможности решения // Вопросы философии. 2002. №10. С. 92-107.

Заметим, что нами понятия «ментальное», «духовное», «идеальное» как противоположности материального считаются равными по объёму: они охватывают все элементы сознания, любые явления субъективной реальности как противоположности реальности объективной. В работе используются все эти три понятия, но чаще других используется понятие «ментальное». Это обусловлено следующими соображениями. Термины «духовное» или «духовный» часто ассоциируется с религиозной тематикой. Термины «идеальное» или «идеальный», кроме значения «нематериальный» (т.е. субъективно-реальный), имеет ещё одно значение, чаще всего в этике и эстетике, – «соответствующий идеалу», «наиболее совершенный». В целях наиболее ясного изложения в работе предпочтение отдаётся терминам «ментальное» и «ментальный», которые всё шире распространяется в отечественной литературе.

Исследование вопроса о связи ментальных явлений, то есть идеального, и пространства необходимо также для разработки ещё одной фундаментальной философской проблемы – проблемы типологии форм бытия. Это обусловлено тем, что некоторые авторы выделяли типы бытия именно по наличию или отсутствию у объектов пространственных и темпоральных свойств. Поясним, что под объектом здесь имеется в виду всё, на что направлено наше внимание или познание: материальные вещи и духовные явления, их свойства, связи, отношения, различные процессы. Так, Р. Декарт одним из первых отмеченное основание использовал для различения материальной субстанции, обладающей протяжённостью, и духовной субстанции, не обладающей, по его мнению, пространственными характеристиками³¹. Н. Гартман выделял 4 уровня, или слоя, бытия: неорганический (физический), органический (биологический), душевный (психический) и духовный (уровень идеального). Первые два уровня, по мнению Н. Гартмана, существуют в пространстве и времени, а два имматериальных слоя (психическое и дух) существуют только во времени³².

Исследование проблемы «ментальный мир и пространство» необходимо ещё для разработки проблем гносеологии и правильного понимания соотношения образа и объекта. Непонимание или неверное истолкование пространственных характеристик ментальных явлений, в частности, закона экстрапроекции чувственных образов, послужило гносеологической основой субъективно-идеалистических концепций тождества образа и объекта, сознания и внешнего мира, а также верной по главной идее, но выраженной в неадекватных понятиях концепции

31 Декарт Р. Метафизические размышления // Соч. в двух т. Т.2. М: Мысль. 1994. С.195.

32 Hartman N. Der Aufbau der realen Welt. B.1940.386 s. Hartman N. Grundzuge einer Metaphisik der Erkenntnis. B.1949. 412 s. Hartman N. Philosophie der Natur. B. 1950. 296 s.

первичных и вторичных качеств. Соответственно объективные знания о пространственных свойствах чувственных и рациональных компонентов сознания могут служить для развития объективных онтологических и гносеологических концепций.

Для социальной философии важным для решения ряда проблем гносеологии служит вопрос о местонахождении ментальных явлений, относящихся к общественному сознанию. Ментальные явления, входящие в индивидуальное сознание, могут существовать без внешнего кодового (знакового или модельного) выражения, то есть функционировать лишь внутрисубъективно. В отличие от них ментальные явления, формирующие общественное сознание, обладают интерсубъективным характером; они обязательно должны иметь выражение в виде внешних знаков и моделей, благодаря которым они включаются в систему общественной коммуникации и регулируют поведение не только отдельных людей, но и их групп. Поэтому вопрос о местонахождении явлений общественного сознания тесно связан с проблемой знака и значения. Поскольку семантические значения – разновидность ментальных явлений, то установление локализации ментальных явлений будет способствовать более глубокому пониманию семиотического механизма социальной коммуникации, функционирования и актуализации значений в актах общения.

Вопрос о местонахождении ментальных явлений, составляющих общественное сознание, тесно связан с проблемой источника духовного творчества. В зависимости от решения этого вопроса таким источником может быть признан либо дух конкретных людей, либо внечеловеческие объективно-идеальные субстанции.

Объект и предмет исследования: объектом служит пространство как способ организации материального и духовного бытия, характеризующий порядок расположения материальных тел и духовных явлений, а предметом – соотношение ментального и физического пространства.

Цель работы: раскрыть природу ментального пространства как способа организации психических модальностей, формирующих в ходе перцептивно-предметной деятельности трёхмерную структуру, проецированную вовне и по-разному соотносящуюся с физическим пространством в условиях адекватного и неадекватного восприятия.

Задачи исследования:

- 1) произвести критический анализ историко-философского материала, касающегося проблемы «ментальный мир и пространство»;
- 2) доказать наличие субъективного (ментального) пространства с помощью данных психологии, физиологии, психиатрии. Показать несостоятельность положения об отсутствии у ментальных явлений локализации и других пространственных характеристик;

3) раскрыть пространственные характеристики ментальных явлений, относящиеся к разным сферам сознания;

4) обобщить и гносеологически интерпретировать данные психологии, психиатрии и нейрофизиологии о кодировании в анализаторах информации о пространственных параметрах внешнего мира;

5) обосновать наличие закона пространственного проецирования чувственных образов и его роль в формировании интенциональности чувственного познания;

6) выявить пространственные характеристики малоизученных психических явлений: иллюзий, галлюцинаций, сновидений, миражей;

7) показать соотношение ментального и физического пространства в условиях адекватного и неадекватного восприятия;

8) эксплицировать пространственные характеристики, относящиеся к духовным явлениям, составляющим общественное сознание;

9) обогатить содержание философской категории пространства как отражения единства объективной и субъективной составляющих.

О степени разработанности темы. Вопросы «духовный мир и пространство» касались очень многие авторы, обсуждавшие проблемы сознания, идеального, психофизического и психосоматического взаимодействия. Среди них Платон, Аристотель, Августин Аврелий, Р. Декарт, Н. Мальбранш, Д. Беркли, И. Кант, Н. Гартман, К. Поппер, Д. Деннет, Т. Нагель, Л.А. Абрамян, Д.И. Дубровский, Г.И. Царегородцев, Г.Х. Шингаров, Н.И. Губанов, Н.Н. Губанов, А.М. Анисов, А.И. Уёмов, А.И. Емченко, Ф.Т. Михайлов, А.Н. Леонтьев. *Однако специальных монографий по вопросу о связи идеального и пространства нами не обнаружено ни у философов прошлого, ни у современных авторов.*

Многие современные философы в своих научных и учебных изданиях некритически воспроизводят положение Декарта о внепространственности духовных явлений. Так, мысль о внепространственности явлений сознания высказывается в учебных пособиях «Философия» Е.В.Зориной с соавторами³³, «Введение в философию» И.Т.Фролова с соавторами. В последнем из приведённых пособий отмечается следующее: «Элементы сознания и само сознание... *по самой сути своей внепространственны: ведь мысль, переживания и образ не являются физическими предметами, ни чисто материальными состояниями.* В мозгу они тоже не даны как какие-то пространственные конфигурации. Они являются именно идеальными образованиями»³⁴. В

33 Зорина Е.В., Рахманкулова Н.Ф., Соколов А.В., Шостакова, М.А., Яковлева Л.Е. Философия в вопросах и ответах: Учебн. пособие / Ред. А.П.Алексеев, Л.Е.Яковлева. М.: Проспект. 2004. С. 225.

34 Введение в философию: Учебное пособие. Фролов И.Т. с соавт. 3-е изд. М.: Республика. 2003. С. 359.

учебнике «Философия» А.К. Рычкова и Б.Л. Яшина к особенностям идеального относится «не воспринимаемость органами чувств (не имеет запаха, вкуса, цвета, не обладает протяжённостью и т.п.)»³⁵. Мы не согласны с цитируемыми авторами в двух отношениях. Во-первых, идеальное обладает протяжённостью, что наглядно мы покажем в параграфе 2.2 на материале о сенсорно-перцептивной сфере. Во-вторых, запах, вкус, цвет – то, что раньше неточно именовали вторичными качествами – объективно, то есть в вещах, не существуют, а относятся к сфере идеального и представляют собой модальности ощущений, спроецированные на объект и принимаемые за его качества. Подробное описание этого будет дано в параграфе 3.2.

Как отмечается О.С. Васильевым, «фундаментальный вопрос о взаимосвязи идеального и материального до сих пор остаётся без ответа. – *Чему присущи геометрические структуры: природе или нашим представлениям о ней, самому движению в пространстве или геометрическому образу этого движения?*»³⁶.

В работах авторов, признающих наличие у духовных явлений пространственных характеристик (Д. Беркли, И. Кант), отсутствует убедительная аргументация, их утверждения, как правило, декларативны. Не раскрыты конкретные пространственные характеристики, присущие ментальным явлениям и представляющие собой субъективное, или психическое, пространство. Не выявлены различия в пространственных характеристиках сенсорно-перцептивной и рациональной сфер идеального.

Отсутствует адекватное наименование связи между видимым местонахождением чувственного образа и нахождением в пространстве отображаемого предмета; некоторыми авторами эта связь неточно именуется законом пространственной локализации ощущений и восприятий³⁷.

Не установлены различия в пространственных характеристиках нормальных восприятий, иллюзий, галлюцинаций, сновидений, миражей. Почти не использовался конкретный материал патопсихологии и физиологии сенсорных систем для разработки проблем онтологии и гносеологии. Не выявлено соотношение ментального и физического пространства в условиях адекватного и неадекватного восприятия. Не дано достаточно глубокое объяснение предметности, или интенциональности, чувственного познания. Не разрешена антиномия «значение находится и не находится в знаке», в связи с чем

35 Рычков А.К., Яшин Б.Л. Философия. М.: Владос. 2002. С.64.

36 Васильев О.В. Топология пространства движения (философско-методологический анализ) // Вестник РФО. 2003. №4. С. 82.

37 См.: Емченко А.И. Физиология анализаторов и учение диалектического материализма о чувственном познании. Киев: изд-во КГУ. 1972. 272 с.

не решён вопрос о локализации ментальных явлений, составляющих общественное сознание.

В данной работе осуществляются попытки поиска ответов на отмеченные нерешённые вопросы. *В связи с очень низкой степенью работанности темы «ментальный мир и пространство» предлагаемую работу можно считать поисковой. Поэтому авторы с благодарностью воспримут всякую критику положений этой книги.*

Методологические, теоретические и конкретно-научные основы исследования. В данном исследовании применялись исторический и логический методы, анализ и синтез, сравнение. Значительную роль в проведённом исследовании сыграли переосмысленные идеи Алкмеона, Платона, Р. Декарта, Н. Гартмана, К. Поппера, Л.А. Абрамяна, А.М. Анисова, Н.И. Губанова, Н.Н. Губанова, А.И. Уёмова, Д. Деннета о местонахождении духовных явлений; Демокрита, Аристотеля, Д. Беркли, И. Ньютона, Г. Лейбница, И. Канта, А. Эйнштейна о природе пространства.

Важная для данного исследования проблема «сознание и мозг» рассмотрена в работе на основе информационного подхода, предложенного и обоснованного Д.И. Дубровским.

Значительную роль в нашем исследовании сыграли работы В.В. Ильина о закономерностях познавательного и коммуникативного процессов, а также о метрике и топологии политического пространства; В.С. Тюттина, Д. Бэкхерста, К.Г. Рожко о принципах системности и деятельности.

Анализ чувственного познания, играющий большую роль в данном исследовании, произведён на основе системного подхода.

В качестве конкретно-научной основы работы использованы и обобщены результаты современных психологических и нейрофизиологических исследований кодирования сенсорной информации в нервной системе человека.

В данной работе систематизируются и развиваются идеи авторов этой работы, которые ранее представлялись вниманию читателей на страницах разных журналов и монографий³⁸.

38 См.: Губанов Н.И. О специфике знака // Философские науки. 1981. №4. С.56-64; Губанов Н.И. Пространственная локализация и проекция чувственных образов // Философские науки. 1984. №3. С.73-81; Губанов Н.И. О соотношении знака, образа, модели и кода // Категория образа в марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск: изд-во УрГУ. 1986. С.41-48; Губанов Н.И. Чувственное отражение: Анализ проблем в свете современной науки. М.: Мысль. 1986. 239 с.; Губанов Н.И. О гносеологическом статусе малоизученных феноменов чувственного отражения // Философские науки. 1986. №2. С.87-96; Губанов Н.И., Согрина В.Н. Ментальный мир и пространство // Полигнозис. 2004. №1. С.3-9; Губанов Н.И., Согрина В.Н. Основные формы бытия // Философия и общество. 2004. №4. С.45-61; Губанов Н.И., Губанов Н.Н. О пространственных свойствах ментальных явлений // Вестник Ишимского государственного педагогического института им.П.П. Ершова. 2014. №3 (15). С.90-96; Губанов Н.Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе. М.: Международный издательский центр

Научная новизна исследования заключается в следующих основных положениях.

1. В результате философской интерпретации материала частных наук обосновано положение о наличии у ментальных явлений пространственных свойств. Впервые выявлены различия в пространственных свойствах сенсорно-перцептивной и рациональной сфер сознания.

2. Показано, что все ментальные явления как информационное содержание нейродинамических кодов локализованы там же, где локализованы сами эти коды, – в пространстве головного мозга.

3. Предпринята начальная попытка разработать содержание новой категории – категории ментального (субъективного) пространства, под которым понимается порядок взаимного расположения психических (чувственных) модальностей.

4. Уточнена формулировка закона пространственного проецирования чувственных образов.

5. На основе исследованных пространственных характеристик чувственных образов дано объяснение предметности, или интенциональности, чувственного познания.

6. Для разработки вопроса о местонахождении ментальных явлений, составляющих общественное сознание, предложен оригинальный кодово-семиотический подход. Основными для него служат понятия информации, образа, знака, значения, кода, коммуникации: общественное сознание есть система индивидуальных по происхождению социально значимых идеальных образов, находящих внешнее выражение в виде множества материальных знаков, объединённых в коды, подлежащие хранению и включению в систему общественной коммуникации и способных вызывать у других членов общества, обладающих значениями коммуникативных знаков, идеальные образы, которые начинают выполнять регулятивную функцию не только в отношении поведения отдельных людей, но и их больших групп.

7. В историко-философском отношении новизна исследования состоит в том, что в нём впервые предпринята попытка дать исторический обзор мнений о наличии или отсутствии у ментальных явлений пространственных свойств. Авторы также синтезировали идеи Р Декарта об отсутствии у ментальных явлений пространственных характеристик и И. Канта, который, напротив, считал, что пространственные параметры присущи только субъективной реальности – чувствен-

«Этносоциум». 2014. 214 с.; Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Объективно-нереальные ситуации: возможности создания и перспективы использования // Философия и общество. 2015. №1. С. 48-64; Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Субъективная реальность и пространство // Вопросы философии. 2015. №3. С.45-54.

ным образам. Их итоговый результат: существует физическое и ментальное пространство, в нормальных (обычных) условиях ментальное пространство в значительной мере совпадает с физическим пространством, и человек правильно ориентируется в окружающей среде. При неадекватных восприятиях, возникающих при психопатологии, изменённых состояниях сознания и необычных условиях, ментальное пространство значительно, а в некоторых случаях и кардинально, отличается от физического пространства, и человек может быть дезориентированным в окружающей среде.

Основные положения, выносимые на суд научной общественности:

1. Идеальное, существующее в форме мысленных образов, эмоций, желаний, самосознания, воли, обладает пространственной локализацией в мозговых нейродинамических кодах, но эта локализация в непосредственном переживании для субъекта элиминирована, как элиминировано и то, что органом душевной деятельности выступает головной мозг, в результате чего возникает иллюзия о внепространственности мысли и других названных ментальных явлений.

2. Идеальное, существующее в форме чувственных образов (ощущений, восприятий, представлений), или сенсорно-перцептивная сфера сознания, обладает четырьмя пространственными характеристиками: пространственной локализацией, местом пространственной проекции чувственных образов (экстрапроекцией), пространственной структурой проекции образов (геометрической формой), протяжённостью проекции чувственных образов. В силу экстрапроекции чувственное познание обладает предметностью, или интенциональностью: чувственные образы переживаются субъектом не как состояния его нервной системы, а как непосредственно данные ему внешние объекты.

3. Связь видимого местонахождения чувственного образа и местопребывания воспринимаемого предмета названа А.И. Емченко законом пространственной локализации ощущений и восприятий³⁹. С учётом того, что субъекту непосредственно дана не локализация, а проекция образов, и что проекцией обладают не только ощущения и восприятия, но и представления, этот закон предлагается именовать «законом пространственного проецирования чувственных образов». Согласно ему, чувственные образы, локализованные в головном мозгу, бессознательно проецируются вовне – на вызывающую их причину, благодаря чему чувственное познание обладает интенциональностью.

4. Кроме физического (объективного) пространства существует ментальное (субъективное) пространство. Пространственные параметры

³⁹ См.: Емченко А.И. Физиология анализаторов и учение диалектического материализма о чувственном познании. Киев: изд-во КГУ. 1972. 272 с.

чувственных образов, данные субъекту в непосредственном переживании (место проекции, пространственная структура проекции, протяжённость проекции в трёх направлениях), образуют ментальное (субъективное, психическое, перцептивное) пространство, которое накладывается на физическое, объективное, предметное пространство. В непосредственном переживании посредством чувственных образов человеку дано ментальное пространство, физическое пространство постигается человеком с помощью разума.

5. Формирование ментального пространства как активный процесс происходит за счёт внутреннего и внешнего источников и представляет собой взаимодействие перцептивных категорий, ожиданий и установок, выражающих опыт и состояние субъекта, с текущими сенсорными данными, репрезентирующими свойства воспринимаемых объектов.

6. В условиях адекватного восприятия ментальное пространство в большой степени совпадает с физическим пространством, в котором находится субъект, что является условием правильной ориентировки человека в окружающей среде.

7. В условиях неадекватного восприятия (при галлюцинациях, иллюзиях, в том числе и миражах) и при некоторых изменённых состояниях сознания (например, при переживании сновидений) ментальное пространство значительно, а часто и кардинально, отличается от физического пространства, в котором пребывает субъект.

8. Ментальные явления, составляющие общественное сознание, представляют собой смысловые значения знаков трансляционных кодов. Разрешение антиномии «значение находится и не находится в знаке» может быть следующим: значение, ментальное по своей природе, локализовано в субъекте (в нейродинамических кодах его головного мозга), но актуализируется оно знаком как материальным предметом.

9. Трансляционные коды, интегрирующие социально значимые элементы индивидуальных сознаний в сознание общественное, ни общественным сознанием, ни его носителем не являются, они не передают знания от одних людей к другим, а вызывают их у них посредством материального воздействия на субъект и активации у него соответствующих нейродинамических кодов головного мозга.

10. Схема одностороннего коммуникативного акта такова: идеальные образы (значения) у передающего информацию – кодовое преобразование (выражение образов) – система знаков в канале связи – кодовое преобразование (актуализация значений) – идеальные образы у воспринимающего информацию. Ментальные образы, составляющие общественное сознание, присущи только начальному и конечному звеньям системы коммуникации, вне субъекта их нет. До-

пустимо предположить, что выход ментальных явлений за пределы мозга, вернее появление новой формы сознания и интеллекта как его части, возможны только в случае создания искусственной информационной системы, которая по сложности, видимо, должна быть сравнима с мозгом человека.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты проведённого исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки фундаментальной онтологической проблемы пространства. В последнее время не замечалось прорывов в философском постижении пространства. Результаты монографического исследования значимы для исследования проблемы типологии форм бытия и выявления критериев их идентификации, для понимания взаимосвязи материального и духовного в человеке, для объяснения интенциональности чувственного познания, для раскрытия способов функционирования значения знака. Полученные в данном исследовании знания о пространственных свойствах ментальных явлений позволят достичь более глубокого понимания сущности нормальных восприятий, а также сущности и особенностей малоизученных чувственных феноменов – иллюзий, галлюцинаций, сновидений, артифициальных (вызываемых искусственным электрическим раздражением мозга) ощущений и восприятий.

Практическая значимость работы состоит в том, что описание пространственной локализации ментальных явлений будет способствовать решению проблемы расшифровки нейродинамических кодов сознания, что, в свою очередь, может способствовать появлению новых форм коммуникации и новых видов искусства.

Полученные результаты можно использовать в процессе преподавания философии, психологии, физики, физиологии, психиатрии.

Глава 1

ИЗ ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ «МЕНТАЛЬНЫЙ МИР И ПРОСТРАНСТВО»

§ 1.1. Античные авторы о месте нахождения души

Большинство античных мыслителей постулировали пространственную локализацию духовных явлений⁴⁰. Так, Демокрит и Эпикур полагали, что душа в виде особых круглых, подвижных атомов распределена по телу человека, а её разумная часть находится в грудной клетке. Приблизительно в 500 г. до н.э. Алкмеон в результате открытия глазных нервов сделал вывод о том, что головной мозг – орган мыслительной деятельности и, следовательно, душа человека находится в его головном мозге⁴¹.

С точки зрения Платона, душа располагается в разных частях тела. Устами Тимея говорится, что разумная часть души находится в голове, а мозг связывает душу с телом. Обитель неразумной части души – туловище. Причём, в самом туловище неразумные части души разделены. Более благородная её часть (пылкая) располагается в верхней части туловища (между шеей и грудобрюшной преградой). А вожделяющая часть души, ведающая питанием и другими потребностями тела, располагается в средней части туловища – между диафрагмой и пупом⁴².

Души, по Платону, сотворены Богом и вначале помещаются на небесах в мире идей. У каждой души своя звезда. В установленный срок душа воплощается в человеческое тело. Платон – сторонник теории переселения душ: после смерти тела душа отделяется от него, чтобы затем – в зависимости от того, насколько добродетельную и праведную жизнь вела она в земном мире, – вновь вселиться в какое-то другое тело (человека или животного). Некоторые души отбывают наказание в подземных темницах. И только самые совершенные души оставляют земной несовершенный мир и возносятся в мир идей – на небеса.

Таким образом, согласно Платону, душа обладает пространственной

40 См.: Мареева Е.В. О бессмертии души (Аристотель и современность) // Вопросы философии. 2002. №12. С.167-178; Гиндилис Н.Л. Человек в европейском средневековом знании // Философские науки. 2003. № 4. С.78-92.

41 Губанов Н.И. Философия. Тюмень: Академия. 2003. С. 144.

42 См.; Платон. Тимей // Избранные диалоги. М: Рипол классик. 2002. С. 161-248.

локализацией до своего вселения в тело человека (звезда на небе), во время пребывания в теле человека (его голова и туловище), после освобождения от тела (земля, подземное царство, небеса). Обладает пространственной локализацией, по Платону, и мир идей: по многочисленным утверждениям философа этот мир находится на небесах.

Аристотель не принял положение Алкмеона и Платона о мозге как органе мышления. И хотя его позиция о локализации души не совсем ясна, но по крайней мере часть души он признавал находящейся в сердце⁴³. Мозг же, по его мнению, занят лишь тем, что охлаждает работающее сердце.

§ 1.2. Истолкование пространство как способа организации материального, но не духовного бытия

Мысль о внепространственности духовных явлений впервые, по видимому, высказал Августин Аврелий. Он писал: «Ибо о душе никоим образом нельзя предполагать, чтобы она была или длинна, или широка, или как бы массивна: все это телесное, и душу в этом роде представляем мы лишь по аналогии с телами. Поэтому и в таинствах благоразумно повелевается, чтобы презрел все телесное и отрекся от этого мира (который, как мы видим, суть мир телесный) тот, кто желает явиться таким, каким он сотворен от Бога, т.е. подобным Богу, так как для души нет другого спасения, другого обновления, другого примирения с Творцом ее. Поэтому сколько велика душа, - если исследовать ее в означенном направлении, - я сказать не могу, но могу утверждать, что она недлинна, не широка, не обладает массой и не имеет ничего, что обыкновенно определяется при измерении тел»⁴⁴.

Августин понимал душу и тело как две различные субстанции, первая из которых подвержена только темпоральным изменениям, а вторая – ещё и пространственным⁴⁵. Эти субстанции связаны между собой, по мысли Августина, отношениями единства. Но каков характер этой связи? Августин полагал, что субстанции души

43 Аристотель. О душе // Соч. в 4-х т. Т.1. М.: Мысль, 1976. С.369-450.

44 Августин Аврелий (Блаженный Августин). О количестве души // http://dugward.ru/library/avgustin/avgustin_o_kolichestve_dushi.html Дата доступа 27.11.2015.

45 Августин Аврелий. Исповедь. М.: Ренессанс, СП ИВО-Сид, 1991. 488 с. Августин Аврелий. Об истинной религии // Блаженный Августин Иппонийский. Творения. М.: 1997. С. 1-95. Августин Аврелий. О граде Божием // Августин Аврелий. Еп.Иппонийский. Творения. Т.3. СПб., Киев: 1998; См. также: Гиндилис Н.Л. Человек в европейском средневековом знании // Философские науки. 2003. №4. С. 78-92.

и тела, разные по своей природе, не могут смешиваться, и их взаимодействие представляет собой нечто непостижимое и невыразимое⁴⁶.

Положение о том, что духовные явления не обладают пространственными характеристиками, получило широкое распространение со времён Р. Декарта. Он писал: «Я признаю лишь два высших рода вещей: одни из них вещи – умопостигаемые, или относящиеся к мыслящей субстанции; другие – вещи материальные, или относящиеся к протяжённой субстанции, то есть к телу. Восприятие, воление и все модусы как восприятия, так и воления относятся к мыслящей субстанции; к протяжённой же относятся величина, или сама протяжённость в длину, ширину и глубину, фигура, движение, положение, делимость этих вещей на части и т.п.»⁴⁷. Материя и души людей – считал Р. Декарт – сотворённые субстанции, а несотворённой (подлинной) субстанцией служит Бог.

По мнению Р. Декарта, пространственными характеристиками, в частности, протяжённостью, обладает лишь телесная субстанция, то есть материя, в том числе и нервная система человека. Мыслящая субстанция в качестве главного атрибута наделена непротяжённостью и поэтому неделима; телесная субстанция делима до бесконечности, она имеет фигуру, движение и определённое расположение частей. Таким образом, по Р. Декарту, психические процессы, хотя и протекают во времени, но лишены пространственных свойств и доступны лишь в интроспекции субъекта как его сугубо субъективные состояния.

Интересно, однако, то, что Р. Декарт не выдерживает последовательно этой точки зрения. Постулируя взаимодействие души и тела в так называемой шишковидной железе мозга (эпифизе), он тем самым допускает и определённую пространственную локализацию души. Это показывает также, что весьма трудно объяснить взаимоотношения и взаимодействия материального и идеального, если принять тезис о внепространственности последнего.

Примечательно, что крупнейший из всех последователей Р. Декарта Н. Мальбранш отказался от данного Р. Декартом объяснения взаимного влияния души и тела ссылаясь на шишковидную железу и «животные духи» – мельчайшие кровяные тельца, действующие на мышцы. Вспомним, что, по Р. Декарту и Н. Мальбраншу, имеется несотворённая, но творящая субстанция – Бог и две сотворённые субстанции – духовная и материальная. Вопрос о способе взаимосвязи между сотворёнными субстанциями вызвал разногласия среди картезианцев и тем самым стимулировал появление различных философских течений⁴⁸. Н. Мальбранш

46 См.: Там же.

47 Декарт Р. Метафизические размышления // Соч. в двух т. Т.2. М.: Мысль. 1994. С.195.

48 См. Кротов А.А. Метафизика Мальбранша // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 161-170; Кротов А.А. Философия религии Мальбранша // Философские науки. 2003. № 2. С.6 5-72.

полагал, что «свойства тела не имеют ничего общего со свойствами духа. Так как тело не может мыслить, дух не может быть протяжённым»⁴⁹. Кроме того, материя пассивна, а дух активен, и в этом тоже проявляется различие их природы. В силу указанной разнородности не существует, по Н. Мальбраншу, необходимой естественной связи между колебаниями мозга и чувствами души. «Животные духи», – настаивает Н. Мальбранш, – хоть и маленькие, но тела, которые, как и всякий другой материальный предмет, не способны естественным образом влиять на ум человека (даже при посредничестве шишковидной железы, которая ведь тоже материальна). Мальбранш отстаивал два тезиса: а) тело не может действовать на дух; б) дух не может действовать на тело.

Материя не может действовать на дух, по Н. Мальбраншу, так как она протяжённа, а все свойства протяжённости сводятся к пространственным отношениям; пространственные же отношения никоим образом не могут влиять на нематериальный, непространственный ум⁵⁰. В силу качественной разнородности сотворённых субстанций дух тоже не может действовать на тело, и только «постоянная и действенная воля Творца создаёт, собственно, единство двух субстанций». То есть Бог, непрерывно творя мир и поддерживая тем самым его существование, параллельно управляет материальными и духовными процессами, обеспечивая их соответствие. Таким образом, если Августин полагал взаимоотношения материальной и духовной субстанций непостижимыми, то Н. Мальбранш объяснял эти взаимоотношения действием воли Творца. В дальнейшем эта идея была развита Г. Лейбницем в учение о предустановленной гармонии⁵¹. Только если у Н. Мальбранша Бог непрерывно согласовывает духовное и физическое, то у Г. Лейбница он это делает силой своего всемогущества при творении мира один раз и навсегда.

Декартовское противопоставление души и физиологической деятельности мозга по критерию наличия или отсутствия у них пространственных свойств на века получило господствующее положение в интеллектуальной атмосфере Европы и Америки⁵². По словам одного из основоположников современной нейрофизиологии Е. Эдрина, сказанными им на открытии симпозиума «Мозг и сознательный опыт», вплоть до начала XX века мало было вещей более незыблемых в популярной философии и сознании огромного большинства об-

49 Malebranche N. Oeuvres completes Ed. par. A. Robinet. T.XII. P. 1965. P. 181.

50 Там же. P.150.

51 См.: Лейбниц Г. Монадология // Соч. в 4-х т. Т.1.М: Мысль. 1982. С. 413-429.

52 См.: Чуприкова Н.И. На пути к материалистическому решению психофизиологической проблемы. От дуализма Декарта к монизму Спинозы // Вопросы философии. 2010. №10. С.111.

разованных людей, чем принципиальное различие, пропасть между духом и телом⁵³.

В XX веке идея об отсутствии у сознания и психики пространственных свойств тоже пользовалась значительной популярностью. В частности, из крупных мыслителей идею о внепространственности ментальных явлений отстаивал, как уже отмечалось, Н. Гартман, который полагал, что психический и идеальный слои бытия существуют только во времени, но не в пространстве⁵⁴. Мнение о внепространственности духовных явлений разделяется и некоторыми современными авторами. Так, Л.А. Абрамян пишет, что «вопрос о том, где находится идеальное, должен быть отведён, потому что идеальному как таковому не свойственны никакие пространственные характеристики, в том числе пространственная локализация. Нельзя не признать правоту в этом вопросе Декарта, который учил, что протяжение как воплощение пространственности является атрибутом телесной, но не духовной субстанции. «Где?» относится к вещам, а не к идеям»⁵⁵.

Подобные рассуждения характерны и для ряда психологов. Л.М. Веккер отмечает, что «положение о беспространственности психики распространено... широко и вошло в концептуально-теоретический арсенал психологической науки... Принято и привычно говорить о беспространственности психики, но не принято и гораздо менее привычно говорить о безвременности психики»⁵⁶.

Однако положение об отсутствии у идеального пространственных параметров приводит к следующему парадоксу: если «где?» к идеям не относится, то это значит, что идеи существуют нигде, то есть, вообще не существуют. Ещё Платон в «Тимее» резонно замечал, что «всякому бытию непременно должно быть где-то, в каком-то месте и занимать какое-то пространство, а то, что не находится ни на земле, ни на небесах, будто бы и не существует»⁵⁷.

Недавно отечественный философ А.М. Анисов выдвинул концепцию типов существования в зависимости от наличия у объектов пространственных и темпоральных свойств. Всего он выделил четыре мыслимых типа существования: 1) объекты обладают как пространственными, так и темпоральными характеристиками (это физическая

53 See: Adrian E.D. *Consciousness / Brain and conscious experience* / Ed. By J.C. Eccless. Springer-Verlag. Berlin-N.Y., 1966. P.238-246.

54 See: Hartman N. *Der Aufbau der realen Welt*. B. 1940. 386 s. Hartman N. *Grundzuge einer Metaphisik der Erkenntnis*. B. 1949. 412 s.; Hartman N. *Philosophie der Natur*. B. 1950. 296 s.

55 Абрамян Л.А. Понятие реальности // Вопросы философии. 1980. № 11. С. 104.
56 Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов // <http://psylib.org.ua/books/vekk101/txt20.htm>. Дата обращения: 06.08.2015.

57 Платон. Тимей // Избранные диалоги. М.: Рипол классик. 2002. С.199.

реальность); 2) объекты не обладают протяжённостью и не изменяются во времени (это идеальная реальность); 3) объекты не обладают протяжённостью, но развиваются во времени; «... лишённую пространственных характеристик, но длящуюся во времени... реальность назовём *темпоральной* реальностью»⁵⁸; 4) объекты обладают протяжённостью, но не изменяются во времени.

Первый тип существования образует мир физических объектов. Второй и третий типы существования вместе, по А.М. Анисову, составляют ментальный мир – мир нефизического существования; четвёртый тип пуст, то есть, таких объектов нет. А.М. Анисов полагает, что «на первом этапе ментальный мир был по сути темпоральным миром... и лишь затем к нему добавилась (примерно в VI в. до н.э.) идеальная компонента»⁵⁹.

К положению о том, что ментальные явления не обладают пространственными свойствами, склоняется, по-видимому, А.И. Уёмов. Он пишет, что «мысль не имеет объёма, не перемещается в пространстве...»⁶⁰. Но далее он отмечает, что «мысль может прийти в голову... Мысли, по крайней мере предположительно, находятся в головах людей...»⁶¹. Но голова пространственно локализована, обладает объёмом и перемещается в пространстве, следовательно, и о мыслях, находящихся в голове, можно сказать то же самое. А.И. Уёмов, как и Р. Декарт, последовательно не проводит положение о внепространственности мыслей.

Особая точка зрения на проблему пространственной локализации духовных явлений была характерна для английского философа К. Поппера. В качестве сфер бытия он выделял три мира: 1) мир физических объектов, или материальное бытие; 2) мир психики, или ментальное, субъективное бытие; 3) мир объективного знания. В третий мир входят теоретические концепции, проблемы, критические аргументы, «сюда относится и содержание журналов, книг и библиотек»⁶². Согласно К. Попперу, третий мир – «есть *знание, без того, кто знает*: оно есть *знание без познающего субъекта*»⁶³.

К. Поппер полагал, что третий мир существует самостоятельно; в отличие от первого и второго миров третий мир не обладает ни про-

58 Анисов А.М. Типы существования // Вопросы философии. 2001. №7. С. 101.

59 Анисов А.М. Типы существования // Вопросы философии. 2001. №7. С. 102.

60 Уёмов А.И. Свойства, системы и сложность // Вопросы философии. 2003. №6. С. 96.

61 Там же.

62 Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. Работы / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1983. С. 440-441.

63 Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС. 2002. С. 111; см. также: Юлина Н.С. К. Поппер и Д. Деннет: два взгляда на «архитектуру сознания» // Вестник РФО. 2002. №4. С. 140-143; Юлина Н.С. Д. Деннет: самость как центр нарративной гравитации, или почему возможны самостные компьютеры // Вопросы философии. 2003. №2. С. 104-120; Норманн Г.Э. Карл Поппер о ключевых проблемах науки XX века // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 96-102; Садовский В.Н. Карл Поппер и Россия. М.: Эдиториал УРСС. 2002. 280 с.

странственными, ни темпоральными характеристиками. Третий мир Поппера, конечно, существует и представляет собой часть общественного сознания, а именно – теоретическое знание. Но, вопреки К. Попперу, этот мир существует не объективно, а субъективно – в виде социально значимых элементов индивидуальных сознаний, включённых в систему общественной коммуникации⁶⁴. Поэтому отрицание Поппером наличия пространственно-временных параметров у объектов третьего мира фактически относится и к объектам ментального мира. Любое знание, будучи относительно объективным по содержанию, существует в субъективной форме – в виде психических образов конкретных людей.

Взгляды К. Поппера по определённым позициям разделяет современный американский философ Д. Деннет. Он считает, что содержание сознания представляет собой чистую функцию, информационный процесс, в котором мысли сами себя мыслят: из одной идеи рождается другая, из неё третья и т.д. Как и третий мир К. Поппера, когнитивный процесс, который Д. Деннет называет «информационной диаспорой», не имеет пространственно-временной локализации, он находится «нигде»⁶⁵.

Д. Деннет принимает попперовские первый и третий миры, однако не признаёт существования второго мира, «самости», индивидуально-психологического. «Самость», или индивидуальную психику, Д. Деннет считает картезианской иллюзией. По его мнению, телесная составляющая сознания – процессы мозга – имеет пространственно-временную локализацию, а содержательная, когнитивная составляющая сознания – вне пространства и времени.

Прежде, чем перейти к непосредственному анализу проблемы «ментальный мир и пространство», отметим, что в настоящее время для разработки этой проблемы особенно интересный и научно обоснованный материал имеется о чувственном познании. В данной работе этот материал будет использован. Формы чувственного познания – ощущения, восприятия, представления – относятся по своему качеству к числу ментальных явлений, они суть субъективная реальность. В противном случае их бы пришлось считать объективной реальностью, материальными образованиями, поскольку противоположностью идеального служит материальное. Пришлось бы также признать материальной и часть сознания, так как чувственные образы есть его, сознания, неотъемлемый компонент. В связи с этим приведённые выше положения Л.А. Абрамьяна, А.М. Анисова, К. Поппера, Д. Деннета об отсутствии у идеального про-

64 См.: Альжанов Р.Г., Губанов Н.И. К проблеме идеальности общественного сознания // Философские науки. 1983. №3. С. 51-58.

65 Dennett D. *Consciousness Explained*. Boston. 1991. 480 p.; Dennett D. *Darwins Dangerous Idea. Evolution and the Meaning of Life*. London. 1995. 318 p.; Денет Д.С. Почему каждый из нас является новелистом // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 121-130.

странственных параметров может быть распространено и на чувственные образы. Однако современные данные науки, касающиеся в первую очередь чувственного отражения, не позволяют просто «отвести» вопрос о связи идеального и пространства, что мы и постараемся показать ниже.

Думается, что положение о внепространственности ментального мира является глубоким заблуждением, и одна из задач данной работы заключается в попытке внести свой вклад в то, чтобы развеять это многовековое заблуждение. Это мы попытаемся сделать в последующих параграфах и главах.

§ 1.3. Истолкование пространства как способа организации духовного бытия

Рассмотрим теперь существовавшую в истории философии точку зрения, противоположную позиции Р. Декарта, а именно, взгляд на пространство как на форму существования духовного бытия, или субъективной реальности. Впервые, по-видимому, такое мнение было высказано Т. Гоббсом и Д. Локком⁶⁶. Согласно первому из них, пространство есть лишь воображаемый образ действительной вещи. Д. Локк понимал пространство как субъективное представление, как «простую идею», приобретаемую посредством чувственного восприятия вещей (осознанием и зрением).

Идею о субъективном характере пространства отстаивали также Д. Беркли и И. Кант. Если для Р. Декарта пространственными характеристиками обладает лишь материальная субстанция, то для Д. Беркли пространственные свойства присущи только духу. Он писал: «...Если мы даже допустим возможность существования этой нелепой субстанции (материи – Н.И.Г, Н.Н.Г.), то где же предполагается она существующей. Признано, что она существует не в духе; но не менее достоверно, что она не находится в каком-нибудь месте, *так как всякое место или протяжение существует*, как уже показано, *только в духе* (выделено нами – Н.И.Г, Н.Н.Г.). Остаётся признать, что она вообще нигде не существует»⁶⁷. «Для меня, говорю я, очевидно, что бытия духа, *бесконечно мудрого, благого и всемогущего*, с избытком достаточно для объяснения всех явлений природы. Но что касается *косной, неошущающей*

⁶⁶ См.: Никулин Д.В. Пространство // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль. 2001. С. 370-372.

⁶⁷ Беркли Д. Трактат о принципах человеческого познания // Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 202.

материи, то ничто воспринимаемое не имеет к ней ни малейшего отношения и не направляет к ней моих мыслей»⁶⁸.

Отрицая существование материи и признавая существование только духа, Д. Беркли вполне логично в рамках его концепции пространство и время считал характеристиками духа.

Подобная позиция была характерна также для И. Канта. Только если Д. Беркли приписывал пространственные характеристики духу вообще, И. Кант полагал, что пространственные характеристики – это априорные формы чувственного созерцания – ощущений и восприятий⁶⁹.

И. Кант в отличие от Д. Беркли признавал существование материальных объектов, но материальные объекты сами по себе, согласно И. Канту, пространственными свойствами не обладают: человек на основе своих априорных чувственных форм приписывает пространственные (а также, можно отметить, и темпоральные) характеристики внешним объектам.

И. Кант писал: «Пространство вовсе не представляет свойства каких-либо вещей в себе, а также не представляет оно их в отношении друг к другу, иными словами, оно не есть определение, которое принадлежало бы самим предметам и оставалось бы даже в том случае, если отвлечься от всех субъективных условий созерцания... Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, т.е. субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможны для нас внешние созерцания»⁷⁰.

Далее он пояснял, что без субъекта пространство не существует: «... Если бы мы устранили наш субъект или же только субъективные свойства наших чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени и даже само пространство и время исчезли бы: как явления они могут существовать только в нас, а не в себе. Каковы предметы в себе и обособленно от этой восприимчивости нашей чувственности, нам совершенно неизвестно»⁷¹.

И. Кант был прав в том, что «пространство и время безусловно необходимо принадлежат нашей чувственности, каковы бы ни были наши ощущения...»⁷². А.М. Мостепаненко справедливо отмечает: «Теория Канта, согласно которой время и пространство суть формы нашей чувственности, несомненно, имеет рациональное зерно... Но его концепция содержала и другой момент. Она отрицала существование реально-го пространства и времени. «Вещи в себе», по Канту, непространствен-

68 Там же. С. 204.

69 См.: Кант И. Критика чистого разума // Соч. в шести т. Т. 3. М.: Мысль. 1964. С. 69-695.

70 Там же. С. 132-133.

71 Там же. С. 144.

72 Там же. С. 144.

ны и невременны; пространство и время – это та субъективная рамка, в которой группируются наши ощущения и восприятия»⁷³. То, что И. Кант называл пространством вообще, есть ментальное, или субъективное, психическое, перцептивное, пространство.

В конце XIX века субъективный характер пространства отстаивал Э. Мах и критиковал И. Ньютона за его положение об абсолютном объективном пространстве. Вещи, как известно, Э. Мах считал комплексами ощущений, а пространство характеристиками ощущений⁷⁴. Только в отличие от И. Канта он не признавал объективного существования внешних предметов. Существование объективного, физического пространства ни Д. Беркли, ни И. Кант, ни Э. Мах не признавали. По этой причине они и не анализировали проблему соотношения субъективного и объективного пространства. Не анализировал эту проблему и кто-либо в последующем.

В данной работе необоснованной признаётся как концепция Р. Декарта, согласно которой пространственные характеристики присущи только материальной субстанции, так и концепция Д. Беркли и И. Канта о наличии пространственных свойств лишь у духовных явлений. Но в каждой из этих концепций содержатся рациональные зёрна, которые необходимо объединить. Пространственными характеристиками обладают как материальные, так и ментальные объекты. Пространство – это способ организации как материального, так и духовного бытия.

В истории философии существовали две концепции пространства – субстанциальная и реляционная⁷⁵. Первая из них идёт от Демокрита. Он полагал, что пространство – это пустота, существующая самостоятельно, наряду с атомами⁷⁶. Пространство есть всё то, что остаётся после того, как исчезнут вещи. В этом случае, по мнению Демокрита, в мире не останется ничего, кроме пустоты, которая не обладает никакими другими качествами, кроме протяжённости и способности вмещать в себя всю существующую в мире материю. Пространство в данной концепции существует самостоятельно, независимо от материи, то есть является субстанцией. Поэтому и концепция Демокрита именуется субстанциальной. Эту точку зрения в античности разделяли также Эпикур и Лукреций Кар. Пространство, по их мнению, объективно, однородно, бесконечно. Оно –местилище совокупности атомов.

Субстанциальная концепция просуществовала более двадцати ве-

73 Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат, 1974. С. 31-32.

74 Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. 2003. 456 с.

75 См.: Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М: Приор, 2001. 428 с.

76 См.: Демокрит // Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М: Мысль, 1969. С. 330-334.

ков, подвергаясь лишь некоторым модификациям и изменениям. Пространство Ньютона как неподвижное, непрерывное, однородное, трёхмерное вместилище тел⁷⁷ также было и пространством Демокрита. Согласно этой концепции, из пространства можно убрать все тела, и всё же пространство останется и свойства его сохранятся.

Основателем реляционной концепции пространства был Аристотель. Он отрицал существование пустоты как таковой. Пространство, по Аристотелю, – это система мест, занимаемых телами, а само место он характеризовал так: «...Если место ни одно из трёх: ни форма, ни материя, ни какое-то протяжение, всегда существующее как нечто особое наряду с перемещающимся предметом, то необходимо, чтобы место было последним из четырёх [предположений], а именно границей объемлющего тела {поскольку оно соприкасается с объемлемым}»⁷⁸. На аргумент философов о том, что без наличия пустоты было бы невозможно движение, Аристотель отвечал, что перемещение тел возможно и без наличия пустоты, если эти тела одновременно уступают друг другу место, – это очевидно на примере вихревых движений сплошных сред и движения твёрдых тел в жидкости⁷⁹.

Представления о пространстве, аналогичные взглядам Аристотеля, развивал в Новое время Г. Лейбниц. Однородной пустоты как самостоятельного начала бытия, по его мнению, не существует. Пространство, по Г. Лейбницу, – это порядок взаимного расположения тел. Он писал: «...Пространство представляет собой не что иное, как порядок существования вещей, рассматриваемых в их одновременности»⁸⁰; «...Пространство, занимаемое телом,... тождественно протяжённости этого тела»⁸¹; «...Без материи нет пространства... пространство само по себе не представляет собой абсолютной реальности»⁸².

Но материя, по Г. Лейбницу, организована монадами – духовными субстанциальными единицами бытия, созданными Богом. Г. Лейбниц отмечал: «...Материя сама по себе есть не что иное, как феномен,... обусловленный монадами»⁸³. А иногда тела Г. Лейбниц характеризовал даже как состоящие из монад: «Совокупности [монад] суть то, что мы называем телами»⁸⁴. Таким образом, согласно Г. Лейбницу, материальные тела либо состоят из духовных монад, либо, по крайней мере, упорядочены ими. Поэтому и трактовка пространства у Г. Лейбница в конечном счёте

77 См.: Ньютон И. Оптика. М–Л: Госиздат, 1927. 211 с.

78 Аристотель. Физика // Соч. в 4-х т. Т. 3 / Пер. с греч. М: Мысль, 1981. С. 132.

79 Там же. С. 137.

80 Лейбниц Г. Переписка с Кларком // Соч. в 4-х т. Т. 1. М: Мысль, 1982. С. 473.

81 Там же. С. 485.

82 Там же.

83 Лейбниц Г. Переписка с Николаем Ремонем // Соч в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С.545.

84 Там же. С. 539.

имеет идеалистический характер.

Материалистическую версию реляционной концепции развивали в XVIII веке П. Гольбах⁸⁵ и Д. Дидро⁸⁶, в XIX веке – Ф. Энгельс⁸⁷, в XX веке – многие отечественные философы. С их точки зрения, пространство есть форма бытия материи, характеризующая её протяжённость, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах⁸⁸.

В XX веке реляционная концепция получила мощное подтверждение в лице теории относительности А. Эйнштейна. Однако реляционная концепция материалистов и реляционная концепция Лейбница страдали некоторой односторонностью, охватывая либо материальное, либо духовное бытие. *Данная работа будет основываться на объединённой реляционной концепции пространства. Под пространством будет пониматься способ существования бытия, характеризующий порядок взаимного расположения как материальных тел, так и духовных явлений.* Поскольку духовные явления существуют и обдаются структурой, то они должны как-то располагаться друг относительно друга, то есть должны обладать пространственными свойствами.

Пространство существует постольку, поскольку бытие структурировано. Если бы бытие не имело структуры, если бы оно не расчленилось на объекты, а объекты в свою очередь не членились бы на элементы, связанные между собой, то понятие пространства не имело бы смысла. Как справедливо отмечает Т.П. Матяш, «понятие пространства необходимо для обозначения дискретности (прерывности) ... мира. Если бы мир не имел дискретной структуры, если бы он не состоял из разнородного многообразия объектов, которые в свою очередь состоят из элементов, связанных между собой, то понятие пространства не имело бы смысла»⁸⁹. Поскольку структурировано как материальное, так и духовное бытие, то объекты обоих этих типов реальности обладают пространственными характеристиками. Поскольку в настоящее время мало кто отрицает наличие у материальных объектов пространственных свойств, то в данной работе основное внимание будет уделено обоснованию положения о том, что ментальный мир тоже характеризуется пространственными свойствами.

85 Гольбах П. Система природы, или о законах мира физического и мира Духовного // Избр. произв. в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1963. С. 24-281.

86 Дидро Д. Философские основания материи и движения // Соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1986. С. 320-590.

87 Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 343-626.

88 Мелюхин С.Т. Материя в её единство, бесконечности, развитии. М.: Мысль, 1966. 383 с.

89 Матяш Т.П. Бытие и материя // Философия. Изд.-е 14-е. / ред. В.П.Кохановский. Ростов на Дону: Феникс. 2006. С.116.

Глава 2

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕНТАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

§ 2.1. Пространственная локализация ментальных явлений. Критика персонализма – эффекторной концепции психического образа

При обсуждении проблемы «ментальный мир и пространство» необходимо, на наш взгляд, выделять два её различных аспекта, выражаемые в следующих вопросах: 1) правомерно ли вести речь о пространственном нахождении идеального, и если да, то где именно оно реально локализовано? 2) даны ли субъекту в непосредственном переживании пространственные параметры ментальных явлений?

В отношении первого вопроса отметим следующее. Идеальное, в том числе и чувственные образы, статусом самостоятельного существования не обладает, оно всегда имеет свой материальный носитель, или код, информационным содержанием которого оно и служит⁹⁰. Код же как материальный объект пространственно локализован. Поэтому пространственной локализацией обладает и идеальное, неотделимое от материального как информация от своего кода, и вообще, как свойство от субстанции. «Как всякая определённая информация, – справедливо отмечает Д.И. Дубровский, – явление субъективной реальности находится в *своём* коде, который представляет собой нейродинамическую систему, обладающую конкретными пространственными и временными свойствами»⁹¹.

Нейродинамический код служит носителем, то есть субстанцией, а ментальные явления – свойством кода. Поэтому отношение между ко-

90 См.: Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука. 1971. 386 с. Дубровский Д.И. Информационный подход к проблеме «сознание и мозг» // Вопросы философии. 1976. № 11. С. 41-54. Дубровский Д.И. Сознание и информация: к анализу проблемы Идеального // Философские науки. 1978. № 6. С. 46-59. Дубровский Д.И. Расшифровка кодов (методологические аспекты) // Вопросы философии. 1979. № 12. С. 84-96. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа. 1980. 286 с. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. 228 с. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследования // Психологический журнал. 1990. № 6. С. 3-15. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 386 с.

91 Дубровский Д.И. Проблема духа и тела: возможности решения // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 100.

дом и ментальными явлениями – это отношение между субстанцией и её свойством. Субстанция обладает статусом самостоятельного существования. А свойства (например, масса, движение, размер, заряд, энергия) не существуют без субстанции, то есть того, чему они присущи. Они представляют собой *проприативную реальность* (от лат. *проприатас* – свойство) и обязательно имеют материальный носитель в виде субстанции⁹². И так как субстанция обладает пространственными характеристиками, то этими характеристиками обладают и её свойства. Ни масса, ни энергия, ни заряд вне пространства немыслимы. Масса всегда существует в виде массы определённого тела в определённом объёме. Энергия тоже присуща только определённому носителю (энергоносителю), который локализован в своём пространстве; электрический заряд присущ заряженному телу, а оно, естественно, находится в определённом пространстве.

Сознание как совокупность ментальных явлений есть свойство нейродинамической субстанции, и как все другие свойства оно должно иметь пространственные характеристики. Пространственная локализация духовных явлений совпадает с пространственной локализацией их нейродинамического кода, поскольку информация неотделима от кода как свойство от субстанции.

В литературе существует операционально-эффекторная концепция образа, согласно которой идеальный образ является своеобразным, локализованным во внешней среде, дубликатом объекта, построенным системой двигательных актов, совершаемых субъектом. Эта концепция восходит к взглядам американского философа П. Бриджмена, который ещё в 1922 году утверждал, что значением понятия служит система физических операций субъекта⁹³.

Во второй половине XX века эффекторную концепцию психического образа развивали А.Н. Леонтьев, Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михайлов. Так, Ф.Т. Михайлов, особенно активно защищавший указанную эффекторную концепцию, писал, что находится «психическое именно во внешнем, лежащем передо мной мире», «зрительный образ – это движение глаза по предмету»⁹⁴. По мнению указанных авторов, в процессе познания объект вначале моделируется в структуре деятельности, которая затем, отражаясь, переходит во внутренний план, или интериоризируется, – становится содержанием идеального образа, то есть деятельностью,

92 См.: Согрина В.Н. Основные формы бытия. Тюмень: Академия. 2001. 31 с.; Губанов Н.И., Согрина В.Н. Основные формы бытия // Философия и общество. 2004. № 4. С.4 5-61. Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философия. Изд-е 4-е. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 147-148.

93 See: Bridgman P. Dimensional analysis. N.Y. 1922; Bridgman P. The intelligent individual and society. N.Y. 1938.

94 Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого Я. Изд.2-е. М.: Политиздат, 1976. С. 149, 159.

составленная из операций, служит как непосредственным носителем образа, так и его содержанием.

В настоящее время взгляды, близкие к приведённым выше, развивают Д.В. Пивоваров и К.Н. Любутин⁹⁵. Они полагают, что носителем, или субстанцией, идеального образа выступает система операций субъекта с объектом. Даже раздел книги К. Любутина и Д. Пивоварова называется «Операция как субстанция идеального образа»⁹⁶. Только если А.Н. Леонтьев и Ф.Т. Михайлов считали деятельность субъекта, составленную из действий и операций, непосредственным носителем чувственных образов, то К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров распространяют эту концепцию и на мысленные образы, то есть и на систему понятий.

Положение о предметной деятельности как непосредственном носителе идеальных образов представляется необоснованным в свете данных современной науки. Думается, что критикуемые здесь авторы смешивают непосредственный носитель сознания с условиями его исторического и индивидуального становления, а также с условиями обеспечения высокой адекватности чувственного отражения и его целенаправленности. Такими условиями выступают предметная деятельность субъекта, заключающаяся в разнообразных манипуляциях с вещами, и перцептивные движения – движения органов чувств и их элементов, конечностей и частей тела. Поскольку предметная деятельность и перцептивные движения выполняют в процессе познания сходные функции, их можно, на наш взгляд, объединить в одном понятии перцептивно-предметной деятельности.

Хотя мозг человека и его сознание возникли в ходе социального развития и предметной деятельности, а формирование адекватных идеальных образов возможно с помощью соответствующей перцептивно-предметной деятельности, но единственной субстанцией, или носителем, сознания служат физиологические процессы головного мозга. В процессе предметно-практической деятельности в сознании человека отражается вместе с окружающим миром и сама эта деятельность, формируя логику мышления. Можно, по-видимому, сказать, что операциональная, формально-логическая сторона мышления и сознания в определённой мере устанавливается как отражение инвариантов предметной деятельности, а объектно-содержательная сторона сознания служит отражением окружающего мира.

А.Н. Леонтьев, наиболее детально разработавший критикуемую здесь эффе́кторную концепцию чувственного образа, отмечал, что «ощущение

95 См.: Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа: Операциональный аспект. Свердловск, 1986; Любутин К., Пивоваров Д. Синтетическая теория идеального. Екатеринбург. 2000.

96 Любутин К., Пивоваров Д. Синтетическая теория идеального. Екатеринбург. 2000. С. 130.

не есть результат только центростремительного процесса, одного только начального плеча рефлекса, но в его основе лежит полный, и притом сложный, рефлекторный акт, подчиняющийся в своём формировании и протекании общим законам рефлекторной деятельности»⁹⁷. При этом перцептивно-предметную деятельность он отождествлял с психическим. Он рассматривал «уподобление процессов в рецептирующей системе как общий принципиальный механизм непосредственно чувственного отражения природы воздействующих свойств действительности»⁹⁸ [выделено нами – Н.И.Г. и Н.Н.Г.]. Общая схема этапов чувственного отражения, по А.Н. Леонтьеву, такова: воздействие предмета – процесс деятельности – идеальный образ как продукт деятельности. Заметим, что процесс деятельности, согласно А.Н. Леонтьеву, предшествует психическому, то есть деятельность осуществляется вначале без центральной психической регуляции, что в принципе невозможно: всякие действия, даже бессознательные, управляются импульсами из головного мозга.

В качестве подтверждения описанной схемы А.Н. Леонтьев приводил осязание, при котором осязательный орган своим движением повторяет форму предмета. Момент уподобления процесса, составляющего эффекторное звено рецептирующей системы, имеет место в функционировании некоторых анализаторов. Однако механическое уподобление периферического анализаторного процесса внешнему воздействию относится к одному из условий, обеспечивающих высокую адекватность чувственного познания, но не есть само психическое – «ткань» идеального образа. Движение руки, ощупывающей предмет, или глаза, скользящего по контуру предмета, можно рассматривать как отражение, но это не есть психическое отражение, как считал А.Н. Леонтьев.

При возникновении адекватного чувственного образа действительно имеет место «уподобление», но не то, которое имел в виду А.Н. Леонтьев. Адекватность чувственного образа, на наш взгляд, непосредственно обеспечивается моделированием структуры отражаемого объекта организацией соответствующей нейродинамической системы головного мозга. Когда рука скользит по предмету или глаз совершает движения, осматривая предмет, то формирование чувственного образа происходит не этими механическими движениями, а нервной импульсацией от тактильных и зрительных рецепторов, а также проприорецептивной импульсацией от мышц, осуществляющих эти движения. Эта афферентная импульсация в центральные отделы анализаторов формирует нейродинамическую систему, служащую непосредственным носителем соответствующего чувственного образа.

97 Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд. 2-е. М: Мысль. 1965. С. 171.

98 Там же. С. 175.

Разнообразные манипуляции с предметами и приборами в процессе чувственного познания имеют целью не непосредственное моделирование в самих этих операциях изучаемых предметов, а создание условий для контактов между субъектом и предметами, необходимых для вычленения и отражения интересующих субъекта сторон и процессов в предметах.

Ментальные образы порождаются только головным мозгом, и все моторные процессы, чтобы стать достоянием психики, должны быть представлены в мозговых нейродинамических системах соответствующей импульсацией от мышц или зрительных рецепторов, фиксирующих совершаемые конечностями и частями тела движения. Как справедливо отмечал А.Г. Спиркин, «нельзя признать правильным утверждение, будто идеальное рождается и существует «не в голове», а «с помощью головы» в реальной предметной деятельности человека. Было бы правильнее сказать, что идеальное возникает и существует в ходе и с помощью предметно-чувственной деятельности человека именно в *голове*»⁹⁹.

Мышцы, проводящие нервы и рецепторы, так же, как и другие периферические (в отношении мозга) образования, связанные с органами чувств, не могут быть носителем ощущений и восприятий. Например, наличие зрительных ощущений возможно и при отсутствии периферической части анализатора. «Зрительные галлюцинации могут возникать даже после двухсторонней энуклеации глаз, а акустические – после двухсторонней перерезки слуховых нервов»¹⁰⁰. Галлюцинаторный образ не может быть системой перцептивно-предметных действий, так как предметов в этом случае нет. Галлюцинация не вызывается воздействием какого-либо предмета. Сказанное относится и к образам, возникающим при сновидениях.

Наиболее убедительным экспериментальным доказательством центральной мозговой локализации ментальных феноменов является непосредственное раздражение мозга человека электрическим током, вызывающее у него ощущения цветов, света и более сложные психические явления¹⁰¹. Психические акты переживаются при этом испытуемыми во времени и пространстве. Эти субъективные явления имеют разную модальность в зависимости от места раздражения. Они бывают зрительными, если электрод находится в определённых отделах затылочной области коры, слуховыми, если раздражается соответствующая поверхность височной доли, если же электроды наложены на постцентральную

99 Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М: Политиздат, 1972. С. 69.

100 Ушаков Г.К. Галлюцинации // Большая медицинская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 4. С. 562.

101 См.: Пенфилд У., Джаспер Г. Эпилепсия и функциональная асимметрия мозга. М.: изд-во иностр. лит-ры, 1958. 432 с. Пучинская Л.М. Субъективность восприятия и вызванный потенциал. М.: Наука, 1987. 146 с.

извилину, возникает своеобразное соматическое чувство.

То, что моторные процессы не входят в число необходимых условий возникновения ощущений, а в определённых случаях и восприятий, показывает тот факт, что у здоровых людей зрительное восприятие возможно и в условиях полной неподвижности глазных мышц, вызванной большой дозой кураре¹⁰². Признание наличия перцептивных движений не противоречит положению о центральной нейродинамической организации ментальных образов, поскольку такие движения организуются и управляются из центра.

О локализации психических явлений в головном мозге и неприемлемости операционально-эффекторной концепции психического образа свидетельствует и наличие фантомных болей и ощущений после удаления конечностей. После ампутации руки или ноги человек может продолжать чувствовать конечность, ощущать в ней боль, считать, что в состоянии двигать ею и, забывая об её отсутствии, даже пытаться ею пользоваться. Исследования показывают, что ни новокаиновая блокада, ни резекция невромы не устраняют фантомные ощущения и боли, однако они исчезают после хирургического удаления некоторых участков коры мозга в чувствительной зоне.

Фантомные явления связаны с психическим проецированием этих ощущений и болей, локализованных в головном мозге, на соответствующие участки психической схемы тела, которая некоторое время, иногда весьма длительное, после ампутации конечности продолжает включать её в себя. В последнее время получены положительные результаты по устранению фантомных болей и исправлению схемы тела путём электрического раздражения определённых точек головного мозга¹⁰³, что также свидетельствует о центральной локализации ментальных феноменов.

Перцептивные движения и предметная деятельность не являются необходимыми для возникновения ощущений, для этого достаточно возбуждения органов чувств. Движения и деятельность служат для структурирования уже возникших ощущений и формирования восприятий с высокой степенью адекватности, а также для целенаправленного познания внешнего мира. Перцептивно-предметная деятельность обеспечивает высокую адекватность чувственных образов не в результате прямого переноса формы механического движения в образ, как полагал А.Н. Леонтьев (структурность образа намного выше структурности движений),

102 См.: Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. 386 с.

103 Krech D., Grutchfield R., Livson N. Elements of psychology. N.Y. 1969. 408 p.; Манузарова Е. Голоса молчания // Наука и жизнь. 1982. № 1. С. 78-85. Livson N. Elements of psychology. N.Y. 1969.

а в силу создания условий для многогранных контактов с предметом, развёртывающихся в пространстве и времени. Такие многогранные контакты позволяют вычленять и отображать различные стороны и процессы в предметах, а также включать и выключать образно-знаковые механизмы анализаторов. Непосредственным же условием адекватности чувственного образа является соответствие структур отражаемого предмета и нейродинамической мозговой модели, служащей носителем данного образа.

Система предметных операций не является носителем не только чувственных, но и мысленных образов, то есть понятий и теорий. В филогенезе посредством отражения предметной деятельности, как выше уже отмечалось, формировалась логика мышления. В онтогенезе в первые детские годы отражение предметной деятельности тоже вносит некоторый вклад в возникновение логики понятийного мышления, хотя в главном она формируется путём усвоения уже готовых форм логики в ходе общения посредством овладения речью. Речь имплицитно содержит в себе формы логики, поэтому, овладевая ею, ребёнок автоматически овладевает и логическими формами мышления. Таким образом, предметная деятельность – одно из условий филогенетического и онтогенетического становления понятийного мышления. Непосредственным же носителем последнего выступают нейродинамические системы головного мозга. Об этом свидетельствует то, что понятийное мышление после его возникновения может осуществляться вообще без всяких мышечных движений и без всяких операций. Представление об операциях как носителе мысленного образа выявляет свою необоснованность, если поставить вопрос о том, в какой структуре предметных операций может быть смоделировано, к примеру, строение атомного ядра или, допустим, каким системам предметных операций соответствуют понятия «добро», «истина», «философия»? То, что относится к определённым аспектам исторического и индивидуального становления операциональной стороны сознания, нельзя относить к содержанию сознания.

Изложенное позволяет сделать выводы о том, что предметная деятельность служит одним из условий исторического и индивидуального становления сознания, а также условием целенаправленного исследования внешнего мира и высокой адекватности идеальных образов. Непосредственным же носителем последних являются нейродинамические коды головного мозга. Поэтому и локализованы идеальные образы там же, где пребывают эти коды – в пространстве головного мозга.

Несмотря на убедительную критику эффекторной концепции чувственного образа и в настоящее время имеются её сторонники, в том числе и среди зарубежных авторов. По-видимому, аргументы оппонентов этой концепции не были подвергнуты тщательному анализу. Так,

недавно вышла статья канадского философа Д. Бэкхерста, посвящённая новому изданию главной книги Ф.Т.Михайлова «Загадка человеческого я». В ней он в целом положительно, хотя и с некоторыми оговорками, оценивает концепцию Ф.Т.Михайлова, называя её идеей внешнего характера разума¹⁰⁴. Что интересно, на Западе в настоящее время имеются и другие авторы, развивающие идеи, очень близкие к взглядам Ф.Т. Михайлова и Э.В. Ильенкова. При этом они используют их работы. Так, М. Беннет и П. Хэкер пишут, что ментальные характеристики нельзя приписывать мозгу¹⁰⁵. Концепцию, согласно которой ментальная жизнь личности состоит из состояний, событий и процессов в её мозге, то есть мозг служит непосредственным носителем ментальных явлений, они именуют *церебрализмом*. Концепцию же Э.В. Ильенкова, Ф.Т. Михайлова и свою называют *персонализмом*. Согласно персонализму, ментальные характеристики могут приписываться только личностям и что «ментальные явления имеют место не “внутри” личности, но представляют собой аспекты её способа взаимодействия с миром. ... Рассматриваются аргументы в пользу персонализма, выдвигавшиеся советским философом Э.В.Ильенковым...»¹⁰⁶.

Думается, что Д. Бэкхерст, М. Беннет и П. Хэкер, как и раньше Ф.Т. Михайлов, Э.В. Ильенков, А.Н. Леонтьев, ошибочно принимают перцептивно-предметную деятельность за непосредственный носитель сознания, в то время как это лишь условия адекватности чувственного познания. Непосредственным же носителем всех психических переживаний служит головной мозг человека. Указанные выше авторы вслед за Ф.Т. Михайловым и Э.В. Ильенковым любят повторять, что мыслит не мозг, а человек с помощью мозга. Конечно, мыслит человек с помощью мозга, так же как он переваривает пищу с помощью желудка и кишечника. Но органами, непосредственно занимающимися мышлением и перевариванием пищи, служат всё же мозг и ЖКТ, а не весь человек. Сторонники концепции персонализма не учитывают следующих фактов науки: центром обработки информации в человеке служит головной мозг, он на основе синтеза всей информации (афферентного синтеза, по Анохину) принимает решения о характере деятельности как системы действий. Для добора не хватающей информации мозг включает перцептивно-предметную и интеллектуальную деятельность (движения глаз, ушей, шеи, рук, ног, поиск инструкций, руководств, чтение справочников,

104 См.: Бэкхерст Д. Ещё раз о “Загадке человеческого я” // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 88-96.

105 See: Bennet M. , Hasker P. Philosophical Foundations of Neuroscience. Oxford, 2003. 342 p.

106 Цит. По: Бэкхерст Д. Психика, мозг и образование // Вопросы философии. 2013. № 11. С.50.

фундаментальных трудов, похищенных у конкурентов документов). Но нигде, кроме нейродинамических систем головного мозга, ментальности нет. Она возникает лишь при актуализации образов в мозге читающего, если он обладает значениями коммуникативных знаков. Конструктивной постановкой проблемы «мозг – деятельность личности» может быть вопрос о том, какую роль играет мозг и какую роль играют различные формы перцептивной и иной деятельности, а также социальные отношения в познании мира и становлении личности.

§ 2.2. Ментальное пространство в условиях адекватного восприятия

Перейдём теперь к другому аспекту проблемы «идеальное и пространство»: даны ли субъекту непосредственно пространственные параметры идеального? Предварительно отметим, что для целей нашего дальнейшего исследования субъективную реальность человека можно разделить на две части: 1) идеальное, выступающее в форме чувственных образов (ощущений, восприятий, представлений), то есть сенсорно-перцептивная сфера сознания; 2) идеальное, существующее в виде мысленных образов (понятий, суждений, умозаключений), то есть рациональных форм, а также в форме эмоций, желаний, самосознания, воли. Выделенные две части различаются по присутствию в них информации об их пространственных параметрах, то есть по непосредственной данности личности пространственных характеристик этих явлений субъективной реальности¹⁰⁷.

Опыт интроспекции (самонаблюдения) показывает, что пространственные параметры идеального, относящегося ко второй из выделенных частей сознания, для субъекта элиминированы, не даны ему в непосредственном переживании, как элиминированы для него и субстратные свойства его нейродинамических кодов. Он их не чувствует.

Человек не ощущает, что мышление, эмоции, воля, самосознание реализуются деятельностью головного мозга. Необразованный человек может и не знать, что мозг – орган мышления. Не ощущает человек нахождения этих субъективных явлений в каких-либо местах пространства, они кажутся ему внепространственными, хотя с помощью разума он может понимать, что они находятся в голове и когда человек, скажем, идёт они перемещаются вместе с ним. Таким образом, хотя мыс-

107 См.: Губанов Н.И., Согрина В.Н. Ментальный мир и пространство // Полигнозис. 2004. №. 1. С. 3-9.

ли и другие несенсорные элементы сознания локализованы в головном мозге, но их пространственные характеристики для субъекта элиминированы. «Именно скрытость пространственно-временных характеристик мысли – пишет Л.М. Веккер – под <поверхностью> ее структуры создает особенно <удачную> эмпирическую основу для идеалистически-субстанциалистского тезиса о беспространственности психических явлений. Замаскированность эмпирической картины и сила глубоко укоренившихся традиций в интерпретации <чисто духовного> характера мысли здесь взаимно подкрепляют друг друга»¹⁰⁸.

Совсем иначе обстоит дело с пространственными характеристиками собственно чувственных образов. Среди их пространственных параметров следует выделять 4 характеристики: пространственную локализацию, экстрапроекцию (место нахождения проекции), структуру экстрапроекции, протяжённость (величину) экстрапроекции в трёх измерениях¹⁰⁹. Чувственные образы, как и другие психические явления, реально локализованы в головном мозге. Их пространственная локализация субъекту в непосредственном переживании не дана, как не дана человеку в непосредственном переживании и информация о том, что перцептивный процесс реализуется деятельностью нервной системы. Например, когда в глаз человека падает отражённый от предмета, скажем вазы с цветами, световой луч, его энергия действует на рецепторы глаза – палочки и колбочки. Возникший в результате этого электрический импульс по афферентным нервам поступает в головной мозг и достигает коры больших полушарий. Если у человека при этом спросить, что он чувствует, то он ответит следующее: «Видю вазу с цветами», но никогда не скажет: «Ощущаю возбуждение рецепторов, прохождение нервного импульса по центростремительным нервам и возбуждение участка коры больших полушарий»¹¹⁰.

Более того, в чувственном образе не содержится информации о материальном посреднике между отражаемым предметом и органом чувств. Там, где непосредственное раздражение осуществляется не макроскопическим предметом как целым, а поступающими от него микровоздействиями (например, оптическое или химическое раздражение), сами по себе эти воздействия микроскопических частиц в образе не фиксируются, но на их основе создается отражение макроскопического предме-

108 Веккер Л.М. Психические процессы. Т.2. Мышление и речь // https://www.google.ru/url?sa=t&rc=j&q=&esrc=s&source=web&cd=17&ved=0CDQQFjAGOAqFQoTCNnfjyH_scCF. Дата обращения 17.09.2015.

109 См.: Губанов Н.И. Пространственная локализация и проекция чувственных образов // Философские науки. 1984. № 3. С. 73-81.

110 Пример взят из книги М.А. Лукацкого и М.Е. Остренковой «Психология». 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа. 2013. С.156.

та. Человек видит и чувствует не процессы в электромагнитном поле, не фотоны, не молекулы и ионы пахучих и вкусовых веществ, а предметы, испускающие свет или молекулы. Иначе соответствующий образ не обладал бы предметностью и не мог бы быть регулятором предметного действия, направленного на макроскопические объекты¹¹¹.

Таким образом, в том, что информация о нейродинамическом носителе психических явлений человеку непосредственно не дана, ощущения и восприятия не отличаются от других явлений субъективной реальности. *Отличие заключается в том, что субъекту в непосредственном переживании даны три остальные пространственные характеристики чувственных образов – их экстрапроекция, её структура и протяжённость в трёх направлениях. Эти параметры и составляют сущность ментального пространства.*

Рациональные элементы, эмоции, воля, самосознание и другие несенсорные компоненты сознания вовне не проецируются и к ментальному пространству не относятся. Они находятся в физическом пространстве – пространстве головного мозга. Чувственные образы – ощущения и восприятия – сами тоже находятся в физическом пространстве головного мозга, но их экстрапроекции составляют ментальное пространство, накладывающееся на физическое пространство окружающей среды.

Нередко локализацию чувственных образов отождествляют с их проекцией. Так, например, характеризуя ощущение, М.А. Лукацкий и М.Е. Остренкова пишут: «**Локализация** – пространственная характеристика. Это свойство позволяет определять место нахождения источника ощущений. Дистантные ощущения дают возможность определить примерные координаты источника в пространстве, контактные – соотносят местоположение воздействующего предмета с той частью тела, на которую он воздействует»¹¹². Отмеченные здесь правильно функции ощущений осуществляются благодаря свойству ощущений – экстрапроекции, но не локализации. Локализованы же все ощущения, как и другие элементы сознания, в головном мозге человека. Поэтому то мы и предложили название закона пространственной локализации чувственных образов заменить наименованием закона пространственной проекции чувственных образов.

Ментальное пространство находится в разных отношениях с физическим пространством. В условиях нормального функционирования анализаторов экстрапроекция образа и её структура соответствуют с определённой приблизительной точностью пространствен-

111 См.: Веккер Л.М.. Природа чувственного образа // <http://psylib.org.ua/books/vekk101/txt07.htm> Дата обращения: 06.11.15

112 Лукацкий М.А., Остренкова М.Е. Психология. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа. 2013. С.161.

ным характеристикам отражаемой объективной действительности.

Пространство окружающего мира – это физическое, внешнее, объективное, предметное пространство. Его переживание, отражение в сознании человека есть ментальное пространство. Его ещё можно называть психическим, психологическим, внутренним, субъективным, перцептивным, перцептуальным пространством. Субъективное пространство – это способ взаимного расположения духовных явлений – психических модальностей, формирующих чувственные образы¹¹³. Термины «субъективное пространство», «психическое пространство», «психологическое пространство», «ментальное пространство», «духовное пространство», которые мы используем как синонимы, необычайно многозначны. Они используются в философской, научной, псевдонаучной, в том числе и в эзотерической литературе. Иногда ими просто обозначают духовный мир человека или некие его компоненты.

Например, в работе «Духовное пространство в условиях трансформации современного российского общества» Л.А. Бурняшева пишет: «Внутреннее пространство человека (его субъективный мир) выражено представлениями о себе, о мире, переживаниями разных событий, самоотношением и саморегуляцией, жизненными планами и целями личности»¹¹⁴. Как видим, в работе идёт речь не о каком-либо пространстве, а о сознании человека. Н.А. Мишанкиной «рассматривается научный лингвистический текст как специфическое когнитивное, ментальное пространство»¹¹⁵. Мы не можем принять такую трактовку. Сознание есть сознание, но не пространство. Точно так же текст есть текст, но не пространство.

С.К. Нартова-Бочавер в книге Психологическое пространство личности» пишет: «...Психологическое пространство личности включает пространственно-временные измерения, которые могут быть условно обозначены как суверенность физического тела (СФТ), суверенность территории (СТ), суверенность вещей (СВ), суверенность привычек (СП), суверенность социальных связей (СС) и суверенность ценностей... Психологическое пространство восходит к инстинкту территориальности и служит социальной формой реализации биологических программ, определяя особенности гендерного и репродуктивного поведения...»¹¹⁶.

113 См.: Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Субъективная реальность и пространство // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 45-54.

114 Бурняшева Л.А. Духовное пространство в условиях трансформации современного российского общества. Диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. Ставрополь. 2014. 344 с. // <http://www.dslib.net/soc-filosofia/duhovnoe-prostranstvo-v-uslovijah-transformacii-sovremennogo-rossijskogo-obwestva.html> Дата. обращения: 02.08.2015

115 Мишанкина Н.А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. № 297. С. 7.

116 Нартова-Бочавер С. К. Н 28 Психологическое пространство личности: Монография. — М.: Прометей. 2005. С.9.

С.К. Нартова-Бочавер выделяет виды нарушения границ психологического, по её мнению, пространства. Она отмечает разное содержание и разную степень нарушения психологического пространства, а также неодинаковые последствия этого нарушения. Она выделяет «воздействие на тело, лишение человека личной территории, права на личные вещи, возможности определять режим жизни и последовательность действий, а также выбирать круг знакомых и систему ценностей. По отношению к телу чаще говорят о жестоком обращении или насилии, по отношению к территории — о вторжении, внедрении... По силе нарушения это может быть внедрение, разрушение, жестокое обращение, насилие...»¹¹⁷.

Как следует из приведённого текста, речь в рассматриваемой работе идёт об элементах физического пространства среды, которые обеспечивают нормальное существование человека. И термин «психическое пространство» здесь не адекватен, так как психические явления – субъективная реальность. Психическим пространством можно назвать только способ расположения психических (субъективно-реальных, ментальных) явлений. А то, что служит объектом исследования С.К. Нартовой-Бочавер, можно именовать, например, термином «личное пространство человека», которое, естественно, является не психологическим, а физическим. Понятно, что такое использование терминов не способствует разработке проблемы действительных пространств.

В качестве правильного, на наш взгляд, использования термина «пространство» можно привести характеристику *жизненного пространства личности*, служащей объектом исследования Н.А. Кондратовой: «Жизненное пространство личности определяется нами, как наиболее значимая (близкая, любимая, интересная и т.п.) для человека часть его жизненного мира, определяющая субъективно наиболее важные для него стороны его жизнедеятельности. В психологии достаточно давно выделяются и изучаются отдельные, относящиеся к нему феномены (например, персональное пространство, территориальность, приватность), но как целостную реальность его начали изучать сравнительно недавно»¹¹⁸. Приведённые тексты показывают, что у С.К. Нартовой-Бочавер и Н.А. Кондратовой один объект исследования, только у первой из них наименование объекта исследования не отвечает его сущности.

Часто термины «психическое пространство», «психологическое пространство», «ментальное пространство», «субъективное пространство» служат метафорами для описания структуры психических элементов в соответствии с некоторой условной системой координат. Например, соз-

117 Там же. С.121-122.

118 Кондратова Н.А. Субъективная репрезентация жизненного пространства личности // <http://www.dissercat.com/content/subektivnaya-reprezentatsiya-zhiznennogo-prostranstva-lichnosti>. Дата обращения 04.10.2015.

даётся модель, в которой расстояния между точками, соответствующими своим понятиям, делаются пропорциональными различию между понятиями. Под ментальным пространством мы понимаем не какую-либо условную модель описания психики (которая никаким пространством на самом деле не является), а реальное пространство субъективной реальности – способ взаимного расположения психических модальностей (красное, зелёное, шероховатое, мягкое, тёплое, холодное и т.п.), формирующих чувственные образы, которые обладают экстрапроекцией, её структурой и протяжённостью в трёх измерениях¹¹⁹.

Главную роль в отражении пространства у людей со всеми функционирующими анализаторами (не слепых и не слепо-глухих) играет зрение. В связи с этим ряд авторов использует понятие «зрительное пространство»¹²⁰. Зрительное пространство можно считать частью, или аспектом, ментального пространства. Кроме зрения в формирование ментального пространства вносят вклад и остальные 8 анализаторов человека (акустический, тактильный, вкусовой, обонятельный, температурный, вестибулярный, кинестетический, висцеральный).

У человека с аномалиями или повреждениями сенсорной сферы (слепых, глухих, лишённых обоняния, вкуса и др.) формирование ментального пространства осуществляется сохранившимися анализаторами, которые, как правило, частично, компенсируют функции утраченных или повреждённых органов чувств, поскольку 9 анализаторов человека функционируют во взаимной связи. Практика показывает, что сенсорные аномалии не являются непреодолимым препятствием для ориентации человека в пространстве.

Ментальное пространство представлено названными выше пространственными характеристиками чувственных образов, данными субъекту в непосредственном переживании, а именно: местом пространственной проекции образа, протяжённостью проекции в трёх направлениях и пространственной структурой (геометрической формой) проекции образа. Ниже будет показано, что человек непосредственно имеет дело не с физическим, а с ментальным пространством.

Необходимость существования ментального пространства обусловлена тем, что внешние объекты вместе с их пространственными свойствами при их отражении, восприятии субъектом не могут сами входить в его сознание, а могут быть представлены в сознании лишь посредством психических образов. Поэтому и внешнее, физическое пространство в

119 См.: Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Субъективная реальность и пространство // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 52.

120 См.: Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 344 с.; Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Пер. с англ. Киев: Ника Центр. 1997. 560 с.

сознании может быть репрезентировано только посредством психического пространства.

Особенно активно положение о существовании ментального пространства отстаивал И. Кант в своей главной работе «Критика чистого разума»¹²¹. Однако его позиция была односторонней: Кант ошибочно полагал, что никакого другого пространства, кроме чувственного, нет.

Попытаемся теперь описать названные выше характеристики ментального пространства. Одна из них, как отмечалось, – место проекции чувственных образов. Процесс экстрапроекции можно проиллюстрировать с помощью следующего простого, но информативного эксперимента. Необходимо смотреть на какой-либо предмет, скажем портрет на стене, затем левый глаз закрыть, а на правый сбоку слегка надавливать пальцем. При этом возникает впечатление движения портрета. Портрет, конечно, висит на своём месте и не движется. Но что же движется? Образ? Нет, поскольку он находится в мозговом коде, а движение нами наблюдается во внешнем мире. Во внешнем пространстве движется не отражаемый предмет и не его образ, а *проекция образа*. Выводы из эксперимента: субъекту непосредственно дан не предмет, а его образ; образ локализован в мозге, но проецируется он на предмет; проекция накладывается на предмет и параметры проекции соответствуют параметрам предмета; образ переживается как предмет¹²².

Если немного модифицировать описанный выше эксперимент и слегка надавливать пальцем на правый глаз при зрении обоими глазами, то можно обнаружить, что изображение двоится: одна проекция образа остаётся на своём прежнем месте, а вторая сдвигается с положения, которое она прежде занимала. Если же одновременно надавливать на оба глаза, то можно добиться того, чтобы две проекции перемещались независимо друг от друга и, притом, в разных направлениях. Это показывает, что каждый глаз создаёт свою проекцию зрительного образа, и в нормальных условиях восприятия проекции обоих глаз, во-первых, совпадают и, во-вторых, накладываются на воспринимаемый предмет. Эти опыты также убедительно показывают, что непосредственно человек имеет дело со своим собственным ментальным пространством и только через него отражает объективное пространство.

Можно проделать и такой опыт: человеку, наблюдающему окружающие предметы, помещать перед глазами, а затем убирать инвертирующие очки. У испытуемого будет возникать впечатление, что в момент надевания очков предметы переворачиваются «вверх ногами», а после

121 Кант И. Критика чистого разума // Соч. в шести т. Т. 3. М: Мысль, 1964. С. 69-695.

122 См.: Губанов Н.И., Губанов Н.Н. О пространственных свойствах ментальных явлений // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. № 3 (15). С. 90-96.

удаления очков предметы становятся в прежнее положение. Разумеется, от наличия или отсутствия очков положение внешних предметов не меняется. Меняют свою ориентацию в пространстве проекции чувственных образов. Как и при надавливании на глаза в предыдущем опыте, здесь происходит движение этих проекций.

Наконец, интересен и такой опыт: человеку, смотрящему на удалённый и неподвижный предмет, допустим, растущее дерево, подносят к глазам бинокль, а затем его убирают. Испытуемому кажется, что при зрении через бинокль предмет стал ближе, чем при зрении без него, а потом, когда бинокль убрали, ему кажется, что предмет возвратился на своё прежнее удалённое место. Эффект можно усилить, если поворачивать бинокль и смотреть на дерево то через окуляр, то через объектив. При этом испытуемому кажется, что дерево то приближается, то удаляется.

Дерево, естественно, при всех этих манипуляциях остаётся на месте, здесь опять же движется проекция чувственного образа дерева. Только если в двух предыдущих опытах глубина рельефа не менялась, и проекция двигалась в плоскости, перпендикулярной главной оптической оси глаз, в последнем эксперименте проекция двигалась в плоскости главной оптической оси глаз. Все описанные опыты служат убедительным эмпирическим подтверждением положений о существовании экстрапроекции чувственных образов, наличии особого ментального пространства и того, что непосредственно человек имеет дело с ментальным пространством, а не с физическим.

Г. Рейхенбах пишет: «Хотя в предыдущем изложении мы не раз использовали понятие перцептивного (зрительного) пространства..., на наш взгляд, оно не совсем удачно. Перцептуальное пространство – это не специальное пространство, в дополнение к физическому, а именно физическое пространство, которое мы наделяем особой субъективной метрикой...»¹²³. С этим мнением согласиться нельзя. Как справедливо отмечал Б. Рассел, «отношение перцептуального пространства к физическому не является тождеством»¹²⁴. Г. Рейхенбах основывался на анализе простых иллюзий при формировании своего мнения, не рассматривал галлюцинации и сновидения. Приведённые нами данные не позволяют согласиться с его положением. Так, если мы надавливаем пальцем на глаз и видим смещение проекции образа, то это никак нельзя считать наделянием объективного пространства особой метрикой, это свидетельствует о наличии двух пространств – объективного (мы знаем, что портрет висит на месте и никуда де смещался) и субъективного, которое

¹²³ Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1985. С.107

¹²⁴ Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. Статьи / Пер. с англ. М.: ГЕРРА–Книжный клуб, Республика. 2000. С.194.

сдвинулось в сторону. Ещё убедительнее пример сновидений: в них мы переживаем неповторимый пространственный мир, который ни к какому физическому миру в данные моменты привязать нельзя и нельзя наделить его какой-то особой метрикой.

Чувственное познание обладает определённой аналогией с кинематографом. И тут, и там производится съёмка предметов и событий, а затем изображение проецируется вовне. Только если в кино изображение проецируется на экран, и проекция существует вне связи с ранее снятыми на плёнку предметами, то при чувственном познании изображение тут же проецируется на снимаемые органами чувств предметы и при нормальных условиях восприятия сливается с ними. При галлюцинациях и сновидениях эта аналогия усиливается: и кинематографическая, и психическая проекции тут «живут» вне связи с ранее снятыми предметами.

Экстрапроекция образов по-разному осуществляется в различных анализаторах. Среди них выделяются контактные (осязательный, температурный, вкусовой) и дистантные (зрительный, акустический, обонятельный). Первые отражают свойства предметов, непосредственно действующих на рецепторы; вторые воспроизводят свойства предметов, действующих на рецепторы с помощью материальных посредников (света при зрении, механических колебаний среды при слуховом восприятии, молекул пахучих веществ при обонянии).

У контактных анализаторов ощущения проецируются на те места поверхности тела, где осуществляется воздействие раздражителей на рецепторы анализаторов; у дистантных же анализаторов ощущения проецируются на те места пространства, где находятся сами отражаемые предметы. В этом случае проекция образа заключается в изображении объекта находящимся во внешней по отношению к носителю изображения области пространства¹²⁵

Кинестетический, висцеральный и вестибулярный анализаторы не относятся ни к контактным, ни к дистантным. Некоторые из их ощущений не обладают проекцией, например, голод, жажда, усталость, тошнота. А некоторые их ощущения проецируются внутри тела, например, боль в сердце или желудке, напряжение мышцы. Кинестетический анализатор отражает степень напряжения мышц, величину суставных углов и положение конечностей в пространстве. Он играет важную роль в формировании такого компонента ментального пространства, как схема собственного тела человека. Его ощущения проецируются на суставно-мышечную систему человека. Висцеральный анализатор отражает состояние внутренних органов и внутренней среды организма человека.

125 См.: Веккер Л.М. Природа чувственного образа // <http://psylib.org.ua/books/vekk101/txt07.htm> Дата обращения: 06.11.2015.

Висцеральные ощущения либо проецируются на соответствующие органы (боли в сердце, печени, желудке и т.п.), либо не имеют определённой локализации (ощущения жажды, голода, слабости, тошноты и т.п.). Висцеральный анализатор в определённой мере принимает участие в формировании ментального пространства – именно его части в виде схемы тела человека. Вестибулярный анализатор отражает линейные и угловые ускорения. Поэтому он вносит вклад в формирование ментального пространства посредством фиксации поворотов движения человека или его головы, а также фиксации промежутков времени между поворотами, соответствующих протяжённости прямолинейных отрезков пути.

В определённых случаях, как правило при длительной практике, возникает эффект зонда: тактильные ощущения человека проецируются не на место контакта руки с предметом, а на место контакта какого-либо инструмента с предметом. Так, хирург с помощью специального зонда обнаруживает трудно доступную пулю или осколок в теле человека и формирует представление о нём. Слепой человек с помощью палочки определяет структуру окружающего пространства и может относительно успешно ориентироваться в окружающей его среде.

Выше нами отмечалось, что при взаимодействии с окружающей средой человек непосредственно в своём сознании имеет ощущения или восприятия, но не сами предметы. Это положение издавна, со времён Д. Беркли, Д. Юма, И. Канта и по сей день используется для агностических, в лучшем случае, скептических выводов. В последнее время это положение стали использовать и некоторые отечественные философы, которые, по нашему мнению, утратили здоровую критичность к агностическим и релятивистским концепциям в условиях безбрежного плюрализма мнений и нежелания использовать критерии научности. Всё время повторяется, что мы знаем только наши восприятия и не знаем, что такое объект сам по себе, вне восприятия. Они полагают, что критерий истины отсутствует, поскольку невозможно сопоставить объект и знание о нём. Поэтому никаких достоверных знаний о мире, в том числе и об его пространственной структуре, иметь нельзя. Д. Юм, как известно, ещё полагал, что из-за этого нельзя сказать, существуют ли объекты вообще, возможно, их и нет¹²⁶. Но приведённый аргумент не опровергает аристотелевскую (классическую) концепцию истины как соответствия знания действительности. Агностики и скептики были правы в том, что человеку *непосредственно* даны ощущения и восприятия, но не сами объекты. Правы они и в том, что наше знание невозможно *непосредственно, т.е. прямо*, сопоставить с объектом. Но они не приняли во внимание того, что у человека есть для этого *опосредованный*

126 См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск: ООО «Попурри». 1998. 720 с.

опытом, косвенный способ, заключающийся в сравнении двух образов.

Субъект изучает объект и формирует о нём знание. Пока не известно, истинно ли оно. Путём оперирования с этим знанием по законам логики субъект выводит из него следствия и формирует *модель* ожидаемых явлений, то есть *представление* о них. Затем либо в эксперименте, направленном на воспроизведение этих явлений, либо в наблюдении за естественным ходом событий (когда эксперимент невозможен или не нужен) он сравнивает свою *модель* ожидаемых явлений с *восприятием* действительных явлений. Если они совпадают, то можно предполагать, что знание, из которого выведены ожидаемые следствия, истинно, т.е. соответствует объекту.

Приведём примеры замечательных открытий в астрономии и изучении пространства Солнечной системы. В 1783 году, через два года после открытия Урана, А.И. Лексель, изучивший его движение и вычисливший элементы орбиты этой планеты, высказал предположение: обнаруживающиеся неправильности в движении Урана вызываются притяжением неизвестной ещё, восьмой, планеты, обращающейся на более далёком расстоянии от Солнца. Начались поиски неизвестной планеты. У. Леверье вычислил элементы орбиты восьмой планеты и её место на небе, о чём сообщил в Берлинскую обсерваторию 18 сентября 1846 года. Планета была обнаружена И.Галле в первый же вечер после получения письма и названа Нептуном. Она находилась всего в 52-х минутах от предвычисленного места¹²⁷.

После этого в 1915 году П. Ловелл, изучая орбиты планет, обнаружил на основе математических расчётов новые, не замеченные ранее, возмущения в движении Урана. Он пришёл к выводу, что в Солнечной системе должна быть ещё одна, девятая, неизвестная до этого, планета, притяжение которой влияет на траекторию Урана и отклоняет её от расчётной орбиты. Он указал район неба, где её следует наблюдать. Поиски новой планеты были сопряжены с большими трудностями: из-за большого расстояния и малого углового диаметра для обычных телескопов новая планета не отличалась от звёзд. Наконец, в 1930 году К. Томбо, с помощью особого телескопа и при исключительно спокойной атмосфере обнаружил эту новую планету в виде маленького диска. Она была названа Плутоном¹²⁸.

Чем объяснить совпадение образа ожидаемых явлений с образом действительных явлений? Очевидно тем, что у астрономов-теоретиков были знания, соответствующие действительности. А раз знания верны, то существуют и объекты этих знаний. Таким образом, совпадение

127 См.: Мартынов Д.Я. Нептун // Большая советская энциклопедия. Изд-е 3-е. М.: Советская энциклопедия. 1974. Т.17. С.501.

128 См.: Мартынов Д.Я. Плутон // Большая советская энциклопедия. Изд-е 3-е. М.: Советская энциклопедия. 1975. Т.20. С.54.

умственно моделируемых результатов и результатов проверочного наблюдения подтверждает как истинность знания, так и объективное существование внешнего мира с его пространственной структурой.

Итак, эмпирическая проверка, служащая ведущим критерием истинности и заключающаяся в сравнении образа предсказываемых явлений с образом реальных явлений, является косвенным способом сопоставления знания с реальностью. И другого способа нет, уж такова природа нашего познания. И если кого-то это огорчает, то, говоря словами известного классика, «ему уж ничем нельзя помочь». К счастью, история науки и все её выдающиеся открытия показывают, что это не является непреодолимым препятствием для её развития. Не обращая внимания на аргумент агностиков о невозможности сравнения знания с реальностью и используя описанный выше косвенный способ, учёные делали одно триумфальное открытие за другим. В частности, П. Ловелл, К. Томбо и другие астрономы посредством описанного сравнения существенно уточнили пространственную структуру Солнечной системы.

§ 2.3. Закон пространственного проецирования чувственных образов

Догадку о пространственном проецировании чувственных образов как способе их объективации впервые, по-видимому, высказал Демокрит¹²⁹. По его мнению, от предметов истекают своего рода флюиды (идолы, образы), которые, попадая в наше тело через органы чувств, порождают у нас ощущения и восприятия. Но эти образы, говорил Демокрит, мы чувствуем не в нас, а там, где находится воспринимаемый предмет; иначе ведь мы тянулись бы, скажем, ложкой не в тарелку с супом, а в свои глаза. Визуальный образ формируется, по Демокриту, истечением, исходящим сначала из предмета (того, что видимо), а затем из глаз. «Истечения» из предмета сейчас хорошо известны: это электромагнитные волны (свет), механические колебания, атомы и молекулы пахучих и вкусовых веществ соответственно для зрения, слуха, обоняния и вкуса. А вот что из себя представляет «истечение из глаз», то есть психическое проецирование образов, до сих пор остаётся тайной. Известно только, что оно не является врождённым качеством, а формируется в ходе онтогенеза при тесном взаимодействии зрительного, акустического, осязательного, температурного, обонятельного, вкусового

¹²⁹ Левкипп-Демокрит // Антология мировой философии в 4-х т. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. С. 321-346.

го, кинестетического, вестибулярного, висцерального, анализаторов¹³⁰.

Связь видимого местонахождения чувственного образа с местопребыванием отображаемого предмета А.И. Емченко назвал «законом пространственной локализации ощущений и восприятий»¹³¹. С учётом того, что субъекту непосредственно дана *не сама локализация, а проекция ощущений и восприятий*, этот закон более точно нами предложено именовать «законом пространственного проецирования чувственных образов»¹³². Согласно этому закону, мозг, используя опыт предшествовавших актов отражения и перцептивно-предметной деятельности, обладает способностью проецировать ощущения и восприятия вовне, на вызывающую их причину. Неправильное истолкование этой способности послужило одним из гносеологических источников Кантова априоризма. В итоге действия данной способности чувственные образы предметов объективной действительности кажутся нам находящимися там, где локализованы сами предметы и явления.

В результате этого чувственное отражение обладает свойством предметности, или объективированности. Предметность проистекает из пространственной проецируемости. «Существо предметности, – отмечал В.С. Тюхтин, – заключается в следующем: в непосредственном переживании субъекту даны не состояния его органов чувств, а отображённые свойства вещей; иначе говоря, структуры состояний анализаторов для субъекта выступают соотносёнными с внешними предметами»¹³³. Чувственные образы как определённые характеристики нейродинамических процессов бессознательно соотносятся с внешними предметами и представляются субъекту как сами эти внешние предметы. При этом пространственная проекция образа и её геометрическая структура в условиях нормального восприятия обладают определённым соответствием с пространственной структурой отражаемой действительности.

Л.М. Веккер отмечает: «В области психологии представлений – вопреки...традиционному теоретическому тезису о беспространственности психики – непосредственная предметность структуры...образов навязывает исследованию...различные пространственно-временные параметры»¹³⁴. Покажем справедливость этого высказывания. Про-

130 См.: Губанов Н.И. Чувственное отражение. М.: Мысль, 1986. С. 160.

131 Емченко А.И. Физиология анализаторов и учение диалектического материализма о чувственном познании. Киев: изд-во КГУ, 1972. С. 261.

132 Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Субъективная реальность и пространство // Вопросы философии. 2015. №3. С. 50.

133 Тюхтин В.С. Теория автоматического опознавания и гносеология. М.: Наука, 1976. С. 93.

134 Веккер Л.М. Психические процессы. Т.2. Мышление и речь // https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=17&ved=0CDQQFjAGOAqFQoTCNnfjyH_scCF. Дата обращения 17.09.2015.

екции чувственных образов (восприятий и представлений) обладают такой пространственной характеристикой, как протяжённость. Проиллюстрируем сказанное таким примером: допустим, мы созерцаем плоский, то есть двухмерный объект, скажем, прямоугольник, начертанный на листе бумаги. Вспомним, что непосредственно нам дан не сам воспринимаемый объект, а его образ, спроецированный на объект, то есть непосредственно нам дана проекция образа этого объекта. Проекция указанного образа обладает протяжённостью в длину и ширину. А если мы наблюдаем объёмный, то есть трёхмерный объект, к примеру, коробок спичек, то проекция его чувственного образа обладает протяжённостью в длину, ширину и высоту.

Благодаря наличию протяжённости в нескольких измерениях проекции чувственных образов обладают пространственной структурой, или геометрической формой. Например, длинная и короткая стороны проекции образа прямоугольника составляют угол в 90 градусов. Если воспринимается плоский объект, то проекция его образа имеет двухмерную структуру, а если отражается объёмный объект, то проекция его образа обладает трёхмерной структурой.

Чувственный образ (восприятие и представление) формируется из психических модальностей. Модальность – это то, что придаёт образам качественную определённую. Для каждого анализатора характерна своя совокупность модальностей. Например, для зрения это – цвета, для обоняния – запахи, для слуха – звуковые тона, для осязания – прикосновение и давление. Модальности – это психическая (бесплотная, бестелесная, нефизическая, идеальная) «ткань», из которой сотканы чувственные образы, служащие непосредственной связью нашего сознания с внешним миром.

В результате экстрапроекции модальностей и качественного отличия их друг от друга (например, красного и зелёного, тёплого и холодного), обусловленного в условиях нормального восприятия различиями между сторонами воспринимаемого объекта, модальности формируют определённую структуру. Порядок взаимного расположения психических модальностей есть ментальное пространство, а его основными характеристиками служат пространственные параметры чувственных образов, данные субъекту в непосредственном переживании, а именно: пространственная проекция, её протяжённость в трёх измерениях и пространственная структура.

Благодаря экстрапроекции и относительному соответствию геометрических структур образа и действительности человек воспринимает пространственные параметры и структуры материального мира и способен правильно ориентироваться в нём. Факт наличия такой

ориентировки, являющейся элементарным видом практики, как раз и доказывает положение о соответствии пространственных параметров образа и действительности.

Если бы чувственные образы не обладали пространственными параметрами, то и восприятие пространства человеком было бы невозможно, поскольку оно осуществляется только с помощью чувственных образов и никак иначе. У человека вообще нет другой формы непосредственного контакта с миром, кроме чувственности, вплетённой в его практическую деятельность.

В физиологических и психологических исследованиях ныне раскрыты многие периферические коды информации о пространственных параметрах объектов. При зрении – это число раздражаемых рецепторов сетчатки (для размеров объекта), величина диспарации (для удалённости объекта и глубины рельефа), структура импульсной активности в центробежных каналах зрительной системы (для размеров, удалённости, формы предметов)¹³⁵. Указанным кодам в самих чувственных образах соответствуют определённые психические аналоги.

В отражении пространственных свойств мира участвует акустический анализатор. При слуховом восприятии направление на источник звука определяется на основе двух механизмов: с помощью фиксации различия в стимуляции левого и правого уха по фазе (в удалённое ухо звук приходит позднее, чем в ближнее) и по интенсивности (в ближнем ухе звук громче, чем в дальнем). В результате этого величины потока нервных импульсов в ушах различаются. Расстояние до источника звука определяется по сравнительной интенсивности звучания, кодом расстояния служит сравнительная частота нервных импульсов и количество возбуждённых нервных волокон¹³⁶.

Важную роль в постижении пространства играет осязательный анализатор, с помощью которого отображаются формы и размеры разнообразных предметов. Это возможно в результате формирования различных картин пространственного и временного распределения импульсной активности тактильных рецепторов при соприкосновении руки с предметом и при скольжении по нему. При этом возникает такое же ощущение формы предмета, как и при зрении, но с той разницей, что

135 См.: Сомьен Д. Кодирование сенсорной информации в нервной системе млекопитающих. М.: Мир. 1975. 416 с.; Тамар Г. Основы сенсорной физиологии. М.: Мир. 1976. 426 с.; Бабский Е.Б., Косицкий Г.И., Ходоров Б.И. Физиология человека / Ред. Г.И. Косицкий. Изд. 3-е. М.: Медицина. 1985. 544 с.

136 См.: Альтман Я.А. Слуховая система // Физиология сенсорных систем. Л.: Медицина. 1976. С. 159-198; Альтман Я.А., Дубровский Н.А. Пространственный слух // Физиология сенсорных систем. Ч.2. Л.: Наука. 1972. С. 406-416; Костюк П.Г. Физиология центральной нервной системы. Изд. 2-е. Киев: Вища школа. 1977. 286 с.; Линдсей П., Норманн Д. Переработка информации у человека (введение в психологию). М.: Мир. 1974. 552 с.

в нём отсутствует окраска поверхностей. Вместе с двигательным осязательный анализатор способен отображать положение предметов в пространстве, скорость их движения в пространстве и их количество¹³⁷.

В отражении пространства участвуют также двигательный (кинестетический) и вестибулярный анализаторы¹³⁸. Проприорецепторы мышц, суставов и сухожилий двигательного анализатора дают информацию о разнообразных сторонах механической деятельности организма в любой момент времени: скорости и величине сокращения мышц, их напряжении, состоянии суставов, положении головы и конечностей в пространстве и друг относительно друга. Количественные параметры работы мышечно-суставной системы могут отображаться в виде аналогов в соответствующих особенностях ощущений. С помощью кинестетических ощущений человек оценивает положение и изменение положения каждой части своего тела в пространстве и в отношении всего тела. На основе мышечного чувства при участии осязания он способен оценивать размеры и форму предметов, их пространственное размещение и удалённость друг от друга. Значение двигательного анализатора возрастает при нарушении деятельности других сенсорных систем.

Адекватными раздражителями вестибулярного аппарата, расположенного во внутреннем ухе, являются линейное или угловое ускорение движения тела человека. Вестибулярные рецепторы варьированием своей импульсации дают информацию о поворотах и наклонах головы, её положении в пространстве, они дифференцируют направление движения в пространстве, фиксируют повороты, пройденное расстояние и участвуют в обеспечении успешной пространственной ориентации человека в окружающей среде.

Определённую роль в отражении физического пространства и формировании ментального пространства играет и обонятельный анализатор¹³⁹. Направление на источник запаха и расстояние до него определяются в условиях поисковых движений по сравнительной интенсивности обонятельных ощущений, которая кодируется величиной потока нервных импульсов в афферентных нервных волокнах. Поток – это общее число импульсов, проходящих по всем волокнам афферентного нерва за единицу времени. Таким образом, к настоящему времени имеются

137 См.: Агаджанян Н.А., Смирнов В.М. Нормальная физиология. Гл.16. Сенсорные системы. М.: Медицинское информационное агентство, 2009. С. 391-424.

138 См.: Бериташвили И.С. О нервных механизмах пространственной ориентации высших животных. Тбилиси: изд-во АН Груз.ССР. 1959. 346 с.; Батуев А.С. Сенсорная система скелетно-мышечного аппарата // Физиология сенсорных систем. Л.: Медицина. 1976. С.260-275.

139 См.: Гусельникова К.В. Сенсорные системы обоняния и вкуса // Физиология сенсорных систем. Л.: Медицина, 1976. С. 276-94.

весьма полные знания о том, каким образом анализаторы в *особенностях своих ощущений (то есть ментальных образований)* отражают пространственные свойства мира.

В свете сказанного, нельзя согласиться с мнением Р. Декарта, Н. Гартмана, Л.А. Абрамяна, А.М. Анисова и других авторов об отсутствии у идеального пространственных параметров.

Ф.Т. Михайлов, А.Н. Леонтьев и некоторые другие авторы отрицали положение о пространственном проецировании чувственных образов, полагая, что образы локализованы не в головном мозге, а за его пределами – там же, где находятся отражаемые в этих образах предметы, в силу чего, по их мнению, образы не нуждаются в проецировании их вовне, а предметность присуща чувственному отражению изначально и не требует никаких условий для своего формирования¹⁴⁰. Однако, о том, что свойство предметности не есть изначально врождённое качество чувственного отражения, а формируется в процессе перцептивно-предметной деятельности, свидетельствуют многие наблюдения.

Например, после возвращения зрения слепым от рождения людям они первое время не воспринимают окружающий мир таким, каким его видят нормальные люди. Оценки расстояний у них очень несовершенны: они могут пытаться сразу брать предметы, находящиеся в нескольких метрах от них, или, наоборот, тянуться к совсем близко лежащим предметам¹⁴¹. Некоторым из оперированных ощущения вначале казались находящимися в самих глазах. При этом ощущения цвета не нужно было учиться, они возникали сразу же после снятия повязки с глаз, когда появлялись соответствующие внешние раздражители. В отличие от этого восприятиям пространства и формы предметов оперированные должны были учиться. Это обучение заключалось в практической деятельности с предметами, в процессе которой вырабатывались необходимые активные зрительно-моторные и зрительно-осознательные координации.

Особенно большое значение для осуществления пространственной экстрапроекции чувственных образов и формирования качества предметности чувственного познания имеют такие механические анализаторы, как вестибулярный, кинестетический и осязательный. Именно указанные анализаторы в первую очередь обслуживают предметную деятельность человека и разнообразные движения, необходимые для формирования предметности образов. Вестибулярный и кинестетический анализаторы являются двигательными анализаторами, они не относятся

140 См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 1975. 304 с.; Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого Я. Изд.2-е. М.: Политиздат. 1976. 288 с.

141 См.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М.: изд-во МГУ, 1975. 400 с.

ни к контактным, ни к дистантным, поскольку адекватным раздражителем для них являются не какие-либо внешние предметы, а движение.

Большинством исследователей в области психологии и психофизиологии признаётся, что главным фактором, обеспечивающим пространственное проецирование чувственных образов и их предметность, служат непосредственные контакты человека с предметами, процессы осязания и движения его конечностей, головы и органов чувств. Это означает, что в предметных действиях, осуществляя контакт с внешними предметами, субъект тем самым соотносит полученные ранее сигналы информации зрительной, акустической и обонятельной систем с внешними предметами, вследствие чего эти сигналы выступают для него в их предметном содержании¹⁴².

Роль активно направленной на внешний мир предметной деятельности и движений человека в опредмечивании, объективации чувственных образов, их пространственном проецировании на внешние предметы хорошо видна в известных очень показательных опытах Г.М. Страттона и И. Колера¹⁴³. В этих опытах испытуемому на несколько дней надевались очки с инвертирующей (переворачивающей) линзой, через которую предметы казались ему «перевёрнутыми вверх ногами». Но под влиянием активных действий и контактов с предметами восстанавливалось их нормальное видение и при использовании этих очков. При этом было обнаружено, что адаптация к необычным условиям происходит быстрее в том случае, если человек сам передвигается во время экспериментирования, чем в случае, когда его возят в специальной коляске.

Эти опыты показывают, что, хотя экстрапроекция чувственных образов особенно наглядно проявляется для субъекта при зрении, но ведущее значение в осуществлении и реализации свойства предметности чувственного познания принадлежит осязательному, кинестетическому и вестибулярному анализаторам.

В процессе непосредственного взаимодействия человека с предметом последний вследствие своего сопротивления, противодействия противостоит первому как нечто внешнее, отличное от его внутренних состояний, в частности состояний осязающей поверхности руки и её двигательных мышц. На основе этого И.М. Сеченовым был сделан вывод о том, что предметный характер зрительных, слуховых, обонятельных ощущений и восприятий, вызванных не непосредственным действием предметов на рецепторы, а через промежуточную среду,

142 См.: Тюхтин В.С. К проблеме образа // Вопросы философии. 1959. № 6. С. 137-148.

143 See: Stratton G.M. Vision without inversion of the retinal image // Psychological Review. 1897. № 4. P. 341-360; Kolher I. Über Aufbau und Wandlungen der Wahrnehmungswelt. Sitzber: Oster. Akadem. Wiss, 1951. 306 s.

реализуется благодаря связи мозговых центров этих видов ощущений с двигательнo-осязательным центром, куда проецируется предметная деятельность и движения¹⁴⁴.

Исследования подтвердили, что формирование в ходе онтогенеза способности полноценного зрительного восприятия, когда, по выражению И.М. Сеченова, «впечатления как бы вынесены наружу», *осуществляется на основе накопления опыта зрительных восприятий, включённых в деятельность с предметами*. Именно благодаря накоплению такого опыта зрительные восприятия ребёнка приобретают предметный характер, и объекты отражаются пространственно, то есть находящимися на определённых расстояниях от субъекта. Итак, образующиеся связи между дистантными и контактно-двигательными анализаторами служат механизмом становления свойства предметности, а его условием является предметная деятельность и движения человека как элементарный вид практики.

При восприятии пространства особенно наглядно проявляется активность чувственного отражения и тесное взаимодействие всех анализаторов. Здесь весьма показательным является следующий опыт: человеку одевали очки, приводящие к искривлению прямых линий видимых предметов на сетчатке глаз, и помещали его в незнакомое помещение. Вначале он видит прямые линии кривыми, но постепенно по мере передвижений и контактирования с предметами он перестаёт замечать искривления, которые имеют место в изображении прямых линий на сетчатке. После же снятия очков прямые линии некоторое время кажутся ему кривыми, а затем предметы снова воспринимаются им в правильном виде.

В случае зрения через искривляющие очки возникает противоречие между показаниями зрительного анализатора и совокупным сенсорным опытом, поставляемым осязательным, кинестетическим и вестибулярным анализаторами в ходе практической деятельности человека. *Это противоречие разрешается мозгом в пользу механических анализаторов: человек начинает и видеть глазами, и чувствовать механическими анализаторами прямую линию*¹⁴⁵.

Особый интерес для понимания формирования ментального про-

144 Сеченов И.М. Впечатления и действительность // Избр. произв. Т. 1. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1952. С. 442-458; Сеченов И.М. Предметная мысль и действительность // Избр. произв. Т. 1. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1952. С. 460-486; Сеченов И.М. Участие органов чувств в работах рук у зрячего и слепого // Избр. произв. Т. 1. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1952. С. 85-92; Сеченов И.М. Физиологические очерки // Избр. произв. Т. 1. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1952. С. 93-187.

145 Бом Д. Физика и восприятие // Д.Бом. Специальная теория относительности / Пер. с англ. М.: Мир, 1965. С. 223-283.

странства представляют случаи восприятия, когда прошлый опыт человека в том или ином отношении вступает в прямое противоречие с текущими сенсорными данными, то есть сигналами от органов чувств, приходящим в мозг по афферентным нервам. Происходит это тогда, когда предметный образ, соответствующий сенсорным данным, является слишком необычным, не отвечающим привычному опыту. Примером могут служить различные псевдоскопические эффекты¹⁴⁶. Наблюдатели смотрят в псевдоскоп на человеческое лицо. При этом никаких изменений в лице ими вовсе не наблюдается. Благодаря изменённым глубинным отношениям в псевдоскопе наблюдатели должны были бы видеть обратный рельеф лица с провалившимся носом, вогнутыми глазами и т.д. Однако они этого не видят и не могут увидеть, даже если стараются представить себе этот образ. Между тем на сетчатке глаз созданы все условия для восприятия формы в обратном рельефе. Однако такая форма не воспринимается потому, что опыт всей жизни человека противоречит такому восприятию.

Если наблюдателю предложить посмотреть в псевдоскоп на какой-либо объект, имеющий неизвестную ему форму, то объект воспринимается в этом случае в обратных глубинных отношениях. Однако если наблюдатель смотрел на известные ему предметы, то восприятие формы не менялось. При наблюдении через псевдоскоп одновременно известных и неизвестных наблюдателю форм воспринимается нередко весьма странная смесь форм, которые даны одновременно и в прямых, и в обратных пространственных отношениях. Приведённые эксперименты показывают, что ощущения глубины, противоречащие прошлому опыту человека, не возникают, а вместо них возникают представления, противоположные глубинным впечатлениям. Эти представления входят в восприятие данной формы как заместители некоторых глубинных ощущений и осознаются¹⁴⁷.

Описанные опыты приводят к важному выводу: переживаемые образы не являются непосредственным результатом только текущих сенсорных сигналов. Они являются результатом сложного процесса, ведущего вначале к построению определённой конструкции, как бы «внутреннего видения», или установки к восприятию. Эта установка представляет собой неосознаваемое ожидание, формирующееся на основе всего предшествовавшего опыта субъекта и анатомофизиологических предпосылок, сложившихся в филогенезе. По своему содержанию она есть модель пространственных инвариантов действительности. Указанная модель в последующем взаимодействует с текущими

146 Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. С.153-156. 358 с.

147 Хрестоматия по ощущению и восприятию. М.: изд-во МГУ, 1975. С.353-354.

сенсорными данными настоящего момента, влияя на окончательный результат восприятия¹⁴⁸.

Установка, имеющая центральную мозговую организацию, может осуществлять с помощью нисходящих тормозных и возбуждающих нервных связей усиление, фильтрование (в том числе и полное подавление), абстрагирование и задержку текущей сенсорной информации. В одних случаях установка может исправлять показания зрительного анализатора, как это бывает, например, при использовании человеком искривляющих очков, когда он не замечает искривления линий. В других случаях она может влиять на показания механических и иных анализаторов.

К примеру, в известном опыте Аристотеля одновременно касаются одним и тем же небольшим предметом (скажем, шариком) перекрещенных указательного и среднего пальцев в месте их перекрещивания. При закрытых глазах это одно касание воспринимается как воздействие двух разных предметов. Если же открыть глаза, то эта иллюзия исчезает. В данном случае установка, сформировавшаяся на основе прежнего опыта, «подсказывает», что внутренней стороны указательного пальца и наружной стороны среднего одновременно могут касаться только два разных предмета. Тактильное восприятие и «следует» за этим опытом, не учитывая изменившихся условий – перекрещивания пальцев.

Предметность чувственного образа проявляется в акте объективации, то есть в отнесении информации, получаемой из внешнего мира, к самим предметам этого мира. И хотя чувственные модальности (красное, зелёное, сладкое, тёплое и др.), то есть «психические ткани», обусловлены физиологией органа чувств, из них, тем не менее, создаётся «пространственный узор», воспроизводящий структуру внешнего объекта и проецированный на него. Пространственное проецирование отображения и проверяемое практикой соответствие структур проекции образа и объекта порождает наивно-реалистическую иллюзию их тождественности: образы объектов представляются как сами эти объекты. При наивно-реалистическом взгляде на мир у человека возникает впечатление, что мир в точности таков, каким его показывают органы чувств.

А.М. Анисов ставит вопрос о том, откуда известно, что ментальные объекты не обладают пространственными характеристиками. И отвечает: «Из опыта... в соответствии с данными...опыта, никто никогда и нигде не смог усмотреть в идеальных объектах что-либо похожее на размер, величину и т.п... Физические объекты сравнива-

148 Подробнее о сущности установки смотреть в параграфе 4.1.

ют по величине, по занимаемому месту в пространстве и прочее; но ничего подобного проделать ни с идеальными, ни с темпоральными объектами нельзя. Нелепо говорить, что понятие Вселенной занимает больше места, чем понятие атома... В мире ментальных объектов расстояний не существует»¹⁴⁹.

По этому поводу можно отметить следующее. В зависимости от способа данности человеческому сознанию выделяются *феноменальное* (от греч. «феномен» – явление) и *ноуменальное* (от греч. «ноумен» – сущность) бытие. Ещё их именуют *чувственным* и *умопостигаемым*, *сенсительным* и *интеллигибельным* бытием. Деление на феноменальное и ноуменальное бытие восходит к представлениям элеатов, атомистов, Платона о чувственно воспринимаемом и сверхчувственном, умопостигаемом мирах. Феноменальное бытие – это многообразные вещи, их макроструктуры, движение, свойства, внешние отношения, которые отражаются органами чувств как невооружёнными, так и усиленными приборами. Это весь чувственно воспринимаемый мир. Он представлен в опыте людей, и критерием существования всех этих явлений поэтому и выступает их представленность в опыте (только не индивидуальном, а коллективном во избежание ошибок). Если наблюдения людей статистически достоверно подтверждают существование какого-либо объекта (вещи, свойства, связи, отношения), то это служит основанием для признания наличия данной формы бытия. В науке в качестве статистически достоверного принято признавать такой результат, который наблюдается в 95% случаев всех наблюдений.

Ноуменальное бытие представлено микроструктурами, микрообъектами, устойчивыми и существенными связями явлений (законами), в том числе и причинно-следственными, – всем тем, что обычно относят к сущности явлений и предметов. Это бытие, называемое иногда трансцендентным, более скрытого уровня, чем мир явлений, оно постигается только мышлением, но не органами чувств. В опыте оно не дано. Как говорил ещё Г. Гегель, законы небесной механики не начертаны на небе. Поскольку умопостигаемый мир признавался Аристотелем предметом «первой философии», названной впоследствии учениками Аристотеля метафизикой, то нередко ноуменальное бытие называли и называют сейчас метафизической реальностью.

В науке критерием наличия ноуменального бытия служит логическое доказательство существования соответствующих ноуменов, с обязательным опытным, практическим подтверждением – в наблюдении или эксперименте. При этом практическим подтверждением признаются не единичные случаи, а статистически достоверное количе-

149 Анисов А.М. Типы существования // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 102-103.

ство фактов. Процесс доказательства существования какой-либо нумеральной реальности иногда бывает весьма сложен и длителен, может быть сопряжён с ошибками и заблуждениями. Например, сущность теплоты длительное время объясняли наличием особого невесомого и невидимого вещества – теплорода, а процесс горения – выделением ещё одного невесомого вещества – флогистона. В дальнейшем было доказано, что эти вещества не существуют: теплота обусловлена хаотическим движением микрочастиц, а горение – соединением химических элементов с кислородом¹⁵⁰. Аналогично этому, трудным предстаёт и процесс доказательства наличия у явлений субъективной реальности пространственных свойств.

Итак, не всё знание представлено в опыте, в опыте не дана вся нумеральная реальность, но она, тем не менее, существует. То, что пространственные характеристики мысленных образов в непосредственном опыте нам не даны, ещё не означает, что их нет вообще. Понятия локализованы в пространстве мозга – там, где находятся нейродинамические коды этих понятий, но их пространственная локализация нам в непосредственном переживании не дана, как не дан нам в этом переживании и тот факт, что мозг – носитель сознания. Очень необразованный человек, как уже отмечалось, о последнем факте может и не знать. В филогенезе для успешной деятельности субъекта информация о связи явлений сознания с мозгом не являлась важной. Возможно, она была бы даже помехой для познания внешнего мира. Представим себе, как бы мы наблюдали внешний мир или бы мыслили о чём-то и одновременно с этим ощущали бы, как в голове у нас функционируют нервные клетки («шевелиятся» мозги). В будущем, когда будут расшифрованы нейродинамические коды понятий и чувственных образов, мы можем узнать, сколько места в пространстве занимают эти понятия и образы. Каждому ментальному явлению в пространстве мозга соответствует свой узор нейронной активности. Занимаемое этим узором пространство и есть пространство ментальных явлений.

Мышление представляет собой дискретное моделирование мира, а чувственное познание есть его аналоговое моделирование. Между понятием и пространственными свойствами объекта, характеризуемого этим понятием, непосредственного соответствия нет. Понятие Вселенной – это, конечно, не макет самой Вселенной, так же как понятие атома не есть геометрическая копия физического атома. Понятие – это описание объекта с помощью множества слов (дискретных единиц),

150 См.: Согрина В.Н. Основные формы бытия. Тюмень: Академия. 2001. 31 с.; Губанов Н.И., Согрина В.Н. Основные формы бытия // Философия и общество. 2004. № 4. С. 45–61; Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философия. М.: изд-во СГУ, 2012. С. 143–144.

каждое из которых в свою очередь раскрывается посредством других слов и т.д. Поэтому, конечно, пространство понятия и пространство объекта совсем разные.

Другое дело чувственное отражение. Как аналоговое моделирование оно непосредственно соответствует пространственным параметрам внешнего мира. Только в силу закона пространственного проецирования ощущений и восприятий наблюдается соответствие структуре окружающей среды не самого чувственного образа, а его проекции. При чувственном познании из психических модальностей создаётся пространственный узор, воспроизводящий структуру внешнего объекта и психически проецированный на него. Вопреки А.М. Анисову, применительно к проекциям чувственных образов говорить о большем или меньшем месте совсем не нелепо. Здесь уже непосредственный опыт подтверждает, что ментальные явления имеют пространственные свойства. Например, мы видим учебную доску с написанным на ней текстом «Первое сентября», то есть, переживаем образ этой доски, проецированный на саму доску. Вспомним, что непосредственно нам дана не сама доска, а проекция её образа. Протяжённость проекции образа доски в длину больше её протяжённости в ширину. Протяжённость проекции образа доски в длину и ширину больше протяжённости проекции образов букв в этих направлениях. Ощущениям, восприятиям и их элементам присущи и пространственные отношения. Так стороны проекции образа доски образуют угол в 90 градусов, проекция образа слова «Первое» находится левее проекции образа слова «сентября». Приведённые эмпирические факты показывают наличие у чувственных образов пространственных свойств. Именно благодаря пространственным характеристикам чувственных образов мы и имеем в непосредственном опыте сведения о размерах объектов, расстояниях между ними, их взаимном расположении. Если бы это было не так, то спрашивается: откуда бы мы имели информацию о пространственной структуре внешнего мира?

То, что ментальные объекты обладают не только темпоральными, но и пространственными характеристиками, следует и из положений теории относительности. Последняя выявила глубокую связь между пространством и временем, показав, что в природе существует *единое пространство-время*, мерой которого служит так называемый пространственно-временной интервал. Отдельно пространство и отдельно время выступают как своеобразные проекции пространственно-временного интервала, на которые он по-разному расщепляется в зависимости от характера движения тел. Абстрагирующая способность человеческого мышления разделяет пространство и время, рассматривая их суще-

ствующими отдельно друг от друга. «Когда мы измеряем лишь время и пространство по отдельности, мы, по сути дела, измеряем особые пространственно-временные интервалы, которые в теории относительности называют «времениподобными» и «пространственноподобными»¹⁵¹. Но для правильного понимания и описания мира необходимо исходить из принципа их единства. Согласно ему, нельзя чему-либо существовать во времени, не существуя в пространстве, и наоборот, нельзя существовать в пространстве, не существуя во времени.

Изложенное позволяет считать, что указанное в главе 1 основание для классификации типов реальности, предложенное А.М. Анисовым, не соответствует действительности. И материальные, и ментальные объекты обладают и пространственными, и темпоральными свойствами. Различие между материальным и ментальным мирами состоит в том, что объекты первого мира обладают физическими свойствами (массой, зарядом, инерцией и др.), а объекты второго мира ими не обладают, будучи чистой информацией, они сами по себе бесплотны и бестелесны.

Из трёх форм чувственности – ощущений, восприятий и представлений – свойством экстрапроекции у взрослых психически здоровых людей в бодрствующем состоянии всегда обладают только ощущения и восприятия. Ощущения представляют собой отражение отдельных свойств объектов, а восприятия как системы ощущений – это целостные образы объектов, действующих на органы чувств. Представления – это образы памяти, следы восприятия. Они гораздо бледнее и гораздо более общие, менее красочны, чем восприятия. У бодрствующих здоровых людей представления вовне не проецируются, они локализованы в физическом пространстве головного мозга и переживаются как внутренние субъективные явления. В отличие от этого объекты, репрезентируемые ощущениями и восприятиями, относятся к внешнему миру за счёт экстрапроецирования. Если представления во время сновидений и галлюцинаций, возникающих при определённых изменённых состояниях сознания и при психопатологии, проецируются вовне, то репрезентируемые ими объекты относятся к внешнему миру и принимаются человеком за объективную реальность.

Из этого мы заключаем, что функция суждения о реальности репрезентируемых в чувственных образах объектов самым тесным образом связана с проецированием этих образов. По отношению к субъективным образам, локализуемым в «я», мы условно высказываем свое суждение о их реальности; мы считаем их действительными только тогда, когда эти представления были исправлены и удостоверены путем часто-

151 Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат, 1974. С. 61-62.

го сравнения с восприятиями внешних объектов, следовательно, с образами группы «внешний мир»; напротив, субъективные образы, проецированные во внешний мир, в окружающее пространство без всяких оговорок сопровождаются сознанием действительности представленных в них объектов. Психологами отмечается, что у первобытного же человека стираются различия между внутренним и внешним образами¹⁵². Он убежден, что при назывании имени умершего появляется не только представление об умершем, но и восприятие умершего, т. е. сам умерший; и его образ во всей чувственной полноте действительно является ему иногда. Первобытный человек, как и ребенок, из-за большей подвижности его механизмов проецирования и большей насыщенности его представлений легче подвергается галлюцинациям, чем взрослый культурный человек.

В качестве выводов данного параграфа можно сформулировать следующие положения: 1. Существует ментальное пространство, представленное экстрапроекцией образов, её протяжённостью в трёх измерениях и структурой. 2. Благодаря действию закона пространственного проецирования чувственных образов последние принимаются за отражаемые предметы и возникает наивно-реалистическое представление о том, что мир в точности таков, каким его показывают органы чувств. 3. И. Кант полагал, что формы чувственного созерцания (по нашему – ментальное пространство) имеет априорный характер. Приведённые выше данные психологии и нейрофизиологии показывают, что поскольку свойство экстрапроекции образов, благодаря которому и возникает ментальное пространство, формируется в ходе перцептивно-предметной деятельности и приобретаемого в результате этого опыта, то, следовательно, ментальное пространство имеет апостериорный характер. 3. Кант полагал, что априорные формы чувственного созерцания у всех людей одинаковы и неизменны, однако приведённые выше данные показывают, что характеристики ментального пространства могут изменяться в зависимости от условий восприятия (например, прямые линии могут восприниматься как кривые, и наоборот, выпуклые поверхности как вогнутые).

152 См.: Законы проекции образов // <http://psychiatry.ru/lib/53/book/53/chapter/20>. Дата обращения 14.10.2015.

Глава 3

ЗАКОН ЭКСТРАПРОЕКЦИИ ОБРАЗОВ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

§ 3.1. Презентационизм и репрезентационизм

Непонимание процесса экстрапроекции чувственных образов, описанного в предыдущем параграфе, имело своим следствием построение некоторых субъективно-идеалистических концепций чувственного познания. Связано это с тем, что пространственное проецирование образа и соответствие структуры его проекции структуре объекта порождает, как выше отмечалось, иллюзию их тождественности: образы объектов принимаются субъектом за сами объекты. Эта иллюзия в истории философии служила гносеологической основой для построения концепций так называемых крайнего презентационизма и крайнего репрезентационизма.

Презентационистские теории познания вообще исходят из того, что существует непосредственное чувственное познание внешнего мира. Репрезентационистскими в широком смысле слова называют все гносеологические теории, исходящие из тезиса о том, что любое познание совершается посредством психических образов¹⁵³. Крайний же репрезентационизм есть учение, согласно которому субъект всегда познаёт лишь свои собственные впечатления и идеи. Такой подход приводит в конечном счёте к субъективному идеализму в его классическом берклианском варианте, когда сознание человека, субъективная реальность рассматривается как исходное начало мира и единственно возможная реальность, а внешние предметы полагаются элементами этой реальности.

Крайний презентационизм рассматривает чувственное познание как абсолютно непосредственное. Согласно ему, содержанием сознания служит не информация о внешнем мире, а сам окружающий мир. Так, в начале XX века американские философы Р.Б. Перри, У.П. Монтегю, Э.Б. Холт, назвавшие себя неореалистами, писали: «Для того чтобы понять смысл этой теории, необходимо... обратиться к тому первоначальному здравому

¹⁵³ См.: Петров С. Понятия за объективно и субъективно. София: Наука и искусство. 1965. 218 с.; Петров С. Один аргумент презентационизма и практика // Философские науки. 1973. №3. С.115-123.; Буранова Ф. К гносеологическому анализу предметности чувственного образа // Философские науки. 1976. №6. С.132-134.

смыслу, который верит в независимое от познания существование мира и полагает, что этот независимый мир может быть прямо дан сознанию, а не просто копироваться или представляться с помощью идей»¹⁵⁴.

Необходимо отметить, что и крайний презентационизм неореалистов, хотя и включает вначале объективную идею о существовании внешнего мира, приводит в конечном счёте, как и крайний репрезентационизм, к субъективному идеализму, постулируя пространственное и субстанциональное совпадение внешнего мира и сознания. Только если Д. Беркли шёл от ощущений к внешним предметам, квалифицировав последние как комбинации ощущений, то крайние презентационисты шли как бы в обратном направлении: от внешнего мира к сознанию. Итог же у них один: полное совпадение образа и объекта, внешнего мира и сознания.

«Идеи, – писал неореалист Р.П. Перри, – являются всего-навсего предметами, рассматриваемыми в определённом отношении, и, наоборот, вещи, взятые с точки зрения их познания, представляют собой идеи»¹⁵⁵. Получается, что, будучи познаны, предметы становятся идеями сознания, прямо входят в него. Руководствуясь предпосылкой о том, что познание можно объяснить только в случае признания однородности познающего и познаваемого, неореалисты видели перед собой следующую альтернативу: либо растворить объект в опыте, либо растворить опыт в объекте. Полагая, что первая возможность неизбежно связана с идеализмом, к которому они относились критически, они выбрали вторую.

В результате применения так называемого аналитического метода к исследованию сознания ими выделялось некоторое мыслительное содержание, идеальные образы, а затем обнаруживалось совпадение идеальных образов с объектами, образами которых они являлись. Разумеется, это совпадение имеет место, но, во-первых, оно гносеологическое, а не онтологическое, во-вторых, неполное и относительное. Но неореалисты абстрагировались от этих моментов и объявили, что в познании происходит буквальное совпадение образа и объекта. Поэтому «объект» неореалистов не имел даже той степени самостоятельности и независимости, которую имела кантовская агностическая «вещь в себе». Вне сознания он не обладал никакой реальностью.

Неореалисты афишировали себя в качестве критиков идеализма и защитников «здравой», «земной» философии, берущей за отправной пункт окружающий мир. Однако, обвиняя идеалистов в том, что они растворяют объекты в опыте, неореалисты, растворив опыт в объекте, неожиданно для себя пришли к тем же самым результатам: к тождеству объекта с образом. Это показывает, что при построении гносеологиче-

154 The New Realism. N.Y. 1912. P. 10.

155 Perry R.B. Present Philosophical Tendencies. N.Y. 1912.368 p.

ской теории нельзя абсолютизировать ни фактор опосредованности, ни фактор непосредственности чувственного отражения. Общее между крайним презентационизмом и крайним репрезентационизмом заключается в игнорировании принципа отражения и замене его принципом тождества окружающего мира и сознания. А заключение об этом тождестве возникает вследствие непонимания того, что образы не совпадают с объектами, а структуры (контуры) образов в результате их экстрапроекции накладываются на объекты.

Крайний презентационизм и крайний репрезентационизм, безусловно, ошибочные концепции. Первая из них абсолютизирует момент непосредственности, а вторая – момент опосредованности в чувственном познании, в то время как диалектический подход должен учитывать оба эти момента в их противоречивом единстве. Диалектическая концепция чувственного познания должна быть презентационистской в широком смысле, ибо в ней должен приниматься тезис о непосредственности чувственного отражения внешнего мира, и одновременно репрезентационистской в том смысле, что эта непосредственность должна пониматься не как абсолютная, а как относительная, неизбежно сочетаемая с участием внутренних образов в познании даже и при непосредственном контакте субъекта с внешним миром. Объективная реальность дана человеку, но она дана ему посредством образов. При восприятии действительности человеком познаются не образы, взятые сами по себе, а объективно существующие предметы, представленные в образах. Сами образы тоже могут быть объектом познания, например, в психофизиологии и гносеологии. Исходная информация о них может быть получена путём интроспекции, а также с помощью восприятия и анализа таких объективных проявлений чувственных образов, как их нейродинамических кодов, действий испытуемого и его словесного отчёта.

Грани между репрезентационизмом и презентационизмом весьма подвижны. Поэтому, по справедливому замечанию С. Петрова, «шатания между крайностями репрезентационизма и презентационизма, по-видимому, неизбежны и останутся таковыми для всех недостаточно диалектических концепций в гносеологии»¹⁵⁶. Крайние репрезентационизм и презентационизм справедливо критиковались в отечественной литературе. Однако при этом больше постулировалась, нежели доказывалась, несостоятельность этих концепций. Установки крайних репрезентационизма и презентационизма в большой степени опираются на указанную выше иллюзию тождества образа и объекта, возникающую в результате проецирования в нормальных условиях образа на восприни-

¹⁵⁶ Петров С. Один аргумент презентационизма и практика // Философские науки. 1973. №3. С.117.

маемый объект. В связи с этим большое значение для критики обсуждаемых крайних установок может иметь гносеологическая интерпретация некоторых патологических психических явлений, обнажающих именно иллюзорный характер совпадения образа и объекта. Такая интерпретация будет произведена нами в следующей главе данной работы.

§ 3.2. Концепция первичных и вторичных качеств

Мыслителей ещё в древности волновал вопрос о том, что в чувственной картине мира принадлежит самой объективной действительности, а что в неё вносится субъектом. Попытки расчленить кажущееся и действительное в чувственном отражении и представить, какова объективная действительность на самом деле, выражались в учении о первичных и вторичных качествах, которому принадлежит важное место в истории философской мысли. Как справедливо отмечается П.В. Алексеевым, «проблема “вторичных качеств” затрагивает бытие каждого человека; она мировоззренчески значима и важна для решения практического вопроса – как ориентироваться в мире?»¹⁵⁷. Вначале проблема различения действительного и кажущегося в чувственной картине мира приняла неадекватную форму в терминах концепции первичных и вторичных качеств. Одной из причин этой неадекватности послужило незнание закона пространственного проецирования чувственных образов.

Деление на первичные и вторичные качества и соответствующие термины введены Д. Локком, хотя похожее различение проводили до него ещё Демокрит, Г. Галилей, Р. Декарт, Т. Гоббс. Д. Локк к первичным, или объективным, то есть присущим предметам, качествам, как известно, относил движение, непроницаемость, плотность, сцепление частиц, фигуру, размер, объём и др. Они присущи вещам и тогда, когда вещи не воспринимаются человеком. Они неотделимы от тела, в каком бы оно ни находилось состоянии. К вторичным, или субъективным, качествам Д. Локк отнёс – запах, цвет, вкус, звук. «Такие качества, как цвета, звуки, вкусы и т.д., – писал Д. Локк, – которые на деле не находятся в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения своими первичными качествами, ... я называю *вторичными* качествами»¹⁵⁸. Но в чём состоит субъективность этих вторичных ка-

157 Алексеев П.В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. М.: изд-во МГУ. 1983. С.185.

158 Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Соч. в 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 184-185.

честв и чему они принадлежат, где находятся, выяснено так и не было.

Прошло много дискуссий о соотношении первичных и вторичных качеств. Предлагались различные подходы к этой проблеме, но решения её не было вплоть до последнего времени. В «Новой философской энциклопедии» в статье «Первичные и вторичные качества» просто даётся описание взглядов Локка без их оценки, использования современного материала частных наук и какого-либо своего мнения¹⁵⁹. И.Т. Касавин отметил: «Вся физиология, биология, химия и физика по-прежнему бессильны понять природу «вторичных качеств», над которыми размышляли ещё Беркли и Гёте»¹⁶⁰. Да, частные науки сами по себе эту природу раскрыть не могут. Но И.Т. Касавин не учитывает того, что эту природу может раскрыть разработанная с использованием данных частных наук философская концепция чувственного познания как единства образного содержания и знаковой формы, а также закон пространственного проецирования чувственных образов¹⁶¹. Но прежде чем применить указанные концепцию и закон для возможного решения проблемы первичных и вторичных качеств, отметим, что в результате предшествующих дискуссий выработались четыре основные позиции по названной проблеме.

1. Никаких вторичных, то есть субъективных по существованию и по содержанию, хотя и объективных по причине, свойств не существует. В частности, ощущения цвета представляют собой самостоятельные, субъективные лишь по существованию, т.е. идеальные, психические образы «объективных цветов» материальных предметов. Цвет объективен не только по причине, но и по его содержанию¹⁶².

2. Вторичных свойств не существует в следующем смысле. Неверно употреблять выражение «вторичные свойства», однако в действительности существуют свойства, которые проявляются лишь в процессе взаимодействия предметов с объектами. В частности, цвета являются специфическим результатом взаимодействия между зрительным анализатором человека и электромагнитными волнами. Предметы, взятые как таковые, вне их связи с познающими субъектами, цвета не имеют¹⁶³.

159 Субботин А.Л. Первичные и вторичные качества // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010. С. 218.

160 Касавин И.Т. Философия науки: несчастная дочь, счастливая падчерица? // Эпистемология & Философия науки. 2006. Т. IX. № 3. С. 9.

161 См.: Губанов Н.И., Губанов Н.Н. О пространственных свойствах ментальных явлений // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. № 3 (15). С. 90-96.

162 См.: Хасхачих Ф.И. Вопросы теории познания диалектического материализма. М.: Высшая школа, 1967. 232 с.; Уваров Л.В. Символизация в познании. Мн.: Наука и техника, 1971. 127 с.

163 См.: Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 364 с.

3. Вторичные свойства существуют в особом смысле слова. Они субъективны по характеру своего существования и по своему содержанию, но объективны по своей внешней причине. Например, тона цветов (то есть цветовые модальности) представляют собой именно такие вторичные свойства; объективно же цвета как таковые не существуют ни в веществах, ни в фотонах, ни в месте взаимодействия квантов электромагнитных излучений с рецепторами глаза¹⁶⁴.

4. Существуют только вторичные, субъективные свойства, а первичных, то есть объективных, качеств нет. Эту позицию обосновывал Д. Беркли. Полагая вещи комплексами ощущений, он последовательно в рамках его идеалистического монизма и все качества вещей считал существующими лишь в духе – человеческом или же божественном¹⁶⁵. К этой позиции классического субъективного идеализма присоединились также Д. Юм, И. Кант, Э. Мах и другие авторы¹⁶⁶.

Первую концепцию можно охарактеризовать как разновидность наивного реализма, поскольку в ней отрицается наличие субъективных моментов в чувственном познании и не учитывается закон специфических свойств анализаторов. Согласно ему, модальности ощущений определяются только природой анализаторов. Этот закон имеет эмпирические подтверждения. Вот одно из них: если раздражать сетчатку глаза или зрительный нерв механическим давлением, трением, температурой или электрическим током, то все эти раздражители вызывают световые ощущения. При действии электрическим током на органы слуха, зрения, вкуса, обоняния возникают соответственно ощущения звука, света, вкуса и запаха. Таким образом, разные внешние причины могут вызывать ощущения одной и той же модальности, а одна и та же внешняя причина в различных анализаторах способна производить ощущения разных модальностей. Это показывает, что модальность ощущений зависит лишь от природы анализатора и служит естественным знаком физической природы раздражителя. В ходе биологической эволюции анализаторы адаптировались к восприятию одного (адекватного) типа раздражителей, поэтому дезориентации человека не наблюдается. Сторонники первой точки зрения отождествляют то, что называли вторичными

164 См.: Петров С. О вторичных свойствах // Философские науки. 1969. №2. С.148-158; Петров С. Один аргумент презентационизма и практика // Философские науки. 1973. №3. С.115-123; Тюхтин В.С. Теория автоматического опознавания и гносеология. М.: Наука, 1976. 190 с.

165 Беркли Д. Трактат о принципах человеческого познания // Сочинения. М: Мысль, 1978. С. 18-478.

166 Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск: ООО «Попурри». 1998. 720 с. ; Кант И. Критика чистого разума // Соч. в шести т. Т.3. М: Мысль. 1964. С.69-695; Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. 2003. 456 с.

качествами, то есть цвет, запах, вкус и пр. с объективными причинами (денотатами) возникновения последних; цвет – с электромагнитными волнами, звук – с механическими колебаниями, вкус – с наличием определённых молекул или ионов и т.п. Если вообразить, что все люди и животные на планете исчезли, то не стало бы и того, что называли вторичными качествами: остались бы только отмеченные выше денотаты чувственных модальностей.

Вторая точка зрения является компромиссной между фактами естествознания и первой точкой зрения. Её наиболее активные представители приходят к выводу, что некоторые качества объектов существуют в действительности только лишь в отношении к субъекту. Н.М. Дмитренко и В.Ф. Кузьмин выделили особые «чувственные свойства вещей»¹⁶⁷, которые напоминают что-то обратное кантовской вещи в себе. Если последняя никогда не является познающему субъекту, то «чувственные свойства», напротив, проявляются только и только при взаимодействии предмета с познающим субъектом. «Поскольку некоторые свойства предметов проявляются лишь в отношении к органам чувств, – пишет В.Ф. Кузьмин, – постольку можно говорить об особых «чувственных свойствах вещей». Последние и являются объективной основой ощущений»¹⁶⁸.

С такой постановкой вопроса в целом согласиться нельзя. Признание существования особых «чувственных свойств» равносильно признанию таких объективных качеств предметов, которые недоступны объективным экспериментальным методам исследования. Однако само по себе выделение особых «чувственных свойств» имеет рациональную сторону и интересно для нас как признание определённой зависимости характера ощущений от природы органов чувств.

Приведённые положения Н.М. Дмитренко и В.Ф. Кузьмина нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть естественнонаучными аргументами, поскольку якобы существующие «чувственные свойства», по их дефиниции, вообще нельзя уловить объективными экспериментальными методами исследования. Однако положение о наличии особых «чувственных свойств» несостоятельно с философской точки зрения, так как оно содержит уступку витализму. Если признать, что существуют «чувственные свойства» предметов, которые проявляются только при взаимодействии последних с органами чувств и ни в малейшей степени не проявляются при взаимодействии предметов с другими материальными системами, то неизбежно следует признать и то, что органы чувств

167 См.: Дмитренко Н.М. Категории объективного и субъективного. Автореферат канд. дис., М., 1976. 22 с.; Кузьмин В.Ф. Объективное и субъективное. М.: Наука, 1976. 216 с.

168 Кузьмин В.Ф. Объективное и субъективное. М.: Наука, 1976. С. 64.

наделены какими-то особыми, совершенно не встречающимися нигде более в природе свойствами. Тем самым была бы установлена абсолютная грань между живой и неживой природой. Последнее же постоянно опровергается всем ходом развития естествознания и философии в процессе их борьбы с витализмом.

Что же на самом деле представляют собой «чувственные свойства» вещей? То, что называется «чувственными свойствами», есть, по нашему мнению, те объективные качества внешних предметов, которые в процессе чувственного познания отражаются в знаковой форме – в виде чувственных модальностей. При зрительном восприятии – это способность тел испускать электромагнитные волны определённой длины (модальности красного, к примеру, соответствуют волны 700 нм, зелёного – 500 нм), при восприятии вкусовых и пахучих веществ – это определённые стереохимические и квантовые свойства молекул и ионов этих соединений, для слухового анализатора – это механические колебания определённой частоты, для температурного анализатора – наличие направленного теплового потока. Понятно, что все эти «чувственные свойства» не только вполне доступны объективным методам обнаружения и регистрации, но именно с помощью последних и была раскрыта их физическая и физико-химическая природа.

Коснёмся теперь третьей точки зрения на проблему первичных и вторичных качеств. Она представляется нам наиболее продуктивной в исследовании и раскрытии природы первичных и вторичных качеств. Такое исследование нам может помочь осуществить разработанная с использованием данных частных наук философская концепция чувственного познания как единства образного содержания и знаковой формы, а также закон пространственного проецирования чувственных образов.

Указанная концепция была детально разработана, а закон сформулирован Н.И. Губановым в монографии «Чувственное отражение»¹⁶⁹. Её суть заключается в следующем: из психических модальностей¹⁷⁰, выступающих в качестве естественных знаков физической природы элементов отражаемых объектов, в процессе предметной деятельности формируются образы объектов, воспроизводящие их структуру. Короче говоря, ощущения и восприятия есть образы, но они формируются из знаков – психических модальностей. Эти образы психически проецируются на внешние предметы и принимаются за них, формируя наивно-реалистическую установку. И. Мюллер и Г. Гельмгольц абсолю-

169 См.: Губанов Н.И. Чувственное отражение. М.: Мысль, 1986. 239 с.

170 Психическая (чувственная, ментальная) модальность – это тот компонент ощущений, который придаёт им качественную специфичность. Например, зрение характеризуется модальностями красного, синего, зелёного и др., вкус – модальностями сладкого, горького, кислого и др., температурный анализатор – модальностями тепла, холода.

тизировали знаковую форму чувственного отражения и игнорировали его образное содержание. В результате они пришли к агностическим выводам, за что подверглись в последующем справедливой критике со стороны различных авторов. Психические модальности (красное, горькое, сладкое и др.) есть знаки своих денотатов – определённых объективных свойств предметов. В самих предметах их нет, они – элементы психики человека. Но им, психическим модальностям, дали неверное наименование – вторичные качества предметов.

По нашему мнению, использование понятия «вторичные качества» требует определённого уточнения, поскольку его традиционное понимание не отражает сути происходящего явления, а именно того, что определённые объективные качества предметов воспроизводятся при чувственном познании в знаковой форме. Трудно представить, к чему следует относить вторичные качества, а также то, как их соотнести с первичными качествами. Когда используется понятие «вторичные качества», то непроизвольно выстраивается следующая цепь рассуждений: «Вторичные качества чего? Объекта? Да. Значит, они ему принадлежат? Нет, только кажется принадлежащими ему, но принадлежат они психике. Тогда у психики есть и первичные качества? Что же под ними понимать, ведь, согласно определению, это объективные свойства предметов?».

Наше решение проблемы первичных и вторичных качеств: учение о первичных и вторичных качествах было верным по своей основной идее – цвета, запахи, вкусы объективно не существуют, но имеют объективные причины. Однако это учение было выражено в неадекватных понятиях, приводящих к следующему логическому парадоксу: *внешние предметы обладают некоторыми качествами, которых у них на самом деле нет*. В действительности же то, что именовали вторичными качествами – это не качества внешних объектов, а знаковые элементы чувственных образов (психические модальности: красное, тёплое, сладкое и др.). *Для разрешения многовековой проблемы первичных и вторичных качеств необходимо обязательно учитывать закон пространственного проецирования чувственных образов*: чувственные образы, являясь информационным содержанием нейродинамических систем головного мозга и локализованные в нём, психически проецируются вовне, на воспринимаемые предметы, в результате чего в нормальных условиях в непосредственном переживании субъекту даны не состояния его органов чувств, а отображённые свойства предметов¹⁷¹. Психические модальности объектив-

171 См.: Губанов Н.И. Пространственная локализация и проекция чувственных образов // Философские науки. 1984. № 3. С. 73-81.

но не существуют, но *кажутся принадлежащими внешним предметам как раз в силу неосознанного проецирования чувственных образов на воспринимаемые предметы*¹⁷². В самих предметах этим знаковым элементам соответствуют определённые объективные качества – денотаты ментальных знаков. Цветам соответствует способность тел испускать электромагнитные волны определённой длины, запахам и вкусам – стереохимические и квантовые свойства молекул и ионов, акустическим модальностям – механические колебания определённой частоты, для модальностей температурного анализатора – способность тел создавать тепловой поток внутрь тела (тепло) или наоборот (холод). Выявление конкретных денотатов ментальных модальностей – задача не гносеологии, а частных наук – биофизики, биохимии, физиологии анализаторов.

Чтобы избежать логической путаницы и различного рода необычных оговорок, следует, на наш взгляд, отказаться от использования понятия «вторичные качества» при характеристике цвета, запаха, вкуса и т.п. и заменить его точным и адекватно выражающим суть явления понятием *«знаковые элементы чувственных образов»*. В этом понятии ясно выражено, что внешние предметы обладают объективными качествами, называемыми по терминологии Локка «первичными». У предметов никаких вторичных, т.е. субъективных, качеств нет, все их свойства объективны, но *часть из них отражается в виде аналогов* (в образном содержании ощущений и восприятий), *а часть – в виде ментальных знаков*. Субъективные качества присущи только психике человека. Тогда не будет и необходимости называть качества предметов «первичными качествами», их можно называть просто качествами. Притом, надо иметь в виду, что в ментальных знаках представлена физическая природа (качество) внешних раздражителей, а в виде аналогов – количественные и пространственно-временные параметры объективного мира.

Как отмечалось то, что именовалось вторичными качествами, то есть модальности ощущений, кажутся принадлежащими внешним предметам. Но висцеральные ощущения, отражающие не свойства внешних предметов, а состояния самого организма, не проецируются на внешние предметы: они либо обладают неопределённой локализацией, либо проецируются на определённые органы и участки тела человека. В силу этого модальности этих ощущений (голод, жажда, боль, тошнота и др.) в отличие от модальностей экстерорецептивных ощу-

172 См.: Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Объективно-нереальные ситуации: возможности создания и перспективы использования // Философия и общество. 2015. №1. С. 48-64.

щений не кажутся принадлежащими внешним предметам и переживаются как субъективные явления. Поэтому наиболее точно *то, что именовали вторичными качествами, следует квалифицировать как знаковые элементы тех чувственных образов, которые проецируются на внешние предметы.*

Данное выше понимание вторичных качеств позволяет, по нашему мнению, преодолеть один существенный недостаток концепции Локка. Обычно, когда говорят, что вторичные качества субъективны по содержанию, то есть по нашей терминологии являются знаками, то это положение распространяют на цельные ощущения цвета, запаха, вкуса, звука, тепла и тем самым модальности ощущений отождествляют с полными ощущениями. В результате этого непроизвольно преувеличивается роль знаковой формы отражения: за цельными ощущениями не признаётся объективного содержания, чем создаётся уступка агностицизму. Это, по-видимому, и является одной из причин неприятия некоторыми философами рациональных моментов концепции первичных и вторичных качеств. А между тем, знаками являются только модальности ощущений. Каждое же цельное ощущение содержит субъективные и ряд объективных компонентов – интенсивность, отражающую величину (силу) раздражителя, продолжительность, коррелирующую с временем действия раздражителя, экстрапроекцию, показывающую положение отражаемого предмета в пространстве. Поэтому ощущение выступает уже не в качестве знака, а в качестве аналога, или образа. Под образом, как уже отмечалось, мы понимаем любое психическое явление, содержащее какую-либо информацию об отражаемом предмете, и необязательно характеризующееся геометрическим подобием. Последнее характерно только для зрительных образов.

Глава 4

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ НЕАДЕКВАТНОГО ВОСПРИЯТИЯ

§ 4.1. Ментальное пространство при иллюзиях, галлюцинациях, миражах, сновидениях

Для разработки проблемы «ментальный мир и пространство» большое значение может иметь гносеологическая интерпретация некоторых патологических психических явлений и изменённых состояний сознания. Следует заметить, что в нашей философской литературе ещё недостаточное внимание уделяется осмыслению патологических психических явлений. Вместе с тем, использование материала патопсихологии и психиатрии при исследовании онтологических и гносеологических проблем, как мы попытаемся показать ниже, может способствовать более глубокому пониманию познавательных процессов и особенностей пространственного существования ментального мира.

Выше было показано, что в условиях адекватного восприятия ментальное пространство, представленное экстрапроекцией чувственных образов, её структурой и протяжённостью в трёх направлениях, в большой степени совпадает с физическим пространством. Как отмечалось в параграфе 2.2, это происходит за счёт двух факторов – психической экстрапроекции и соответствия структур проекции и объекта: чувственные образы, локализованные в головном мозге, проецируются на воспринимаемые предметы, а структура проекции в определённой мере совпадает со структурой объекта. В результате этого пространственные параметры проекций чувственных образов соответствуют пространственным характеристикам предметов. Данное соответствие имеет не абсолютный, а относительный характер.

При некоторых условиях восприятия, а также при патологическом состоянии мозга, вызванном болезнью или особыми химическими препаратами, степень указанного соответствия может значительно понижаться. Тогда могут возникать искажённые образы действительности и ошибочные восприятия (иллюзии), а также галлюцинации. Правильная ориентация человека в окружающей среде при этом затрудняется и в не-

которых случаях становится невозможной.

Галлюцинациями в психиатрии называют ложные, мнимые восприятия.

«Галлюцинации – это расстройства восприятия, когда пациент видит, слышит и ощущает то, чего на самом деле в данной ситуации не существует»¹⁷³.

При этом больные видят предметы, которых нет в объективной действительности, слышат слова, которые никем не произносятся и т.п. Галлюцинаторный образ может быть различной модальности.

Галлюцинации бывают простыми и сложными. При так называемых синестетических, сложных галлюцинациях происходит совмещение нескольких модальностей: больной, к примеру, видит перемещающиеся «фигуры людей» и одновременно с этим слышит «их» речь или, скажем, видит «цветы» и чувствует «их» запах¹⁷⁴. Вот ещё пример комплексной галлюцинации: «Пациент видит лежащего на его груди огромного удава (зрительные обманы восприятия), который угрожающе шипит (слуховые), чувствует его холодное тело и огромную тяжесть (тактильные галлюцинации)»¹⁷⁵. Существуют так называемые отрицательные галлюцинации, при которых человек не видит определённые предметы. Человеку в состоянии гипноза внушают, что после выхода из гипнотического состояния он, например, не увидит на столе, заваленном книгами и бумагами, абсолютно ничего. И действительно, после выхода из гипноза человек в течение некоторого времени видит совершенно пустой и чистый стол. При аутоскопических отрицательных галлюцинациях человек не видит своего отражения в зеркале.

Галлюцинации следует отличать от другого рода обманов чувств – от иллюзий. При иллюзорном восприятии имеется внешний раздражитель, но у человека возникает его искажённое или ошибочное восприятие¹⁷⁶. Иллюзии разделяют по органам чувств: зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые и др. Иллюзии могут быть как у больных, так и у совершенно здоровых людей. Практически любой человек может испытать вызванные страхом, чрезмерным желанием, напряжённым ожиданием так называемые аффективные иллюзии, если он один посетит неосвещённое кладбище в полночь. Описания иллюзий приведены в «Лесном

173 Марилев В.В. Общая психопатология. 3-е изд. М.: Издательский центр «Академия». 2008. С.8.

174 Ушаков Г.К. Галлюцинации // Большая медицинская энциклопедия. Изд. 3-е. Т.4. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 557-563; Незнанов Н.Г. Психиатрия. Гл.8. Расстройства ощущения и восприятия. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. С. 93-101; Цыганков Б.Д., Овсянников С.А. Психиатрия. Гл.12. Патология восприятия. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. С. 104-130.

175 Марилев В.В. Общая психопатология. 3-е изд. М.: Издательский центр «Академия». 2008. С.8.

176 См.: Марилев В.В. Марилова Т.Ю. Клиническая психопатология. М.: ГЭОТАР-Медиа. 2010. 608 с.

царе» И. Гёте и в «Бесах» А.С. Пушкина. В первом случае больному воображению мальчика вместо дерева представляется образ страшного, бородатого лесного царя, во втором – в разыгравшейся метели видятся кружащиеся фигуры бесов, а в шуме ветра слышатся их голоса.

Галлюцинации в отличие от иллюзий возникают без наличия внешнего раздражителя. «Необычайна и фантастична ситуация, – пишет А.А. Меграбян, – когда больной на самом деле воспринимает то, чего нет в реальной жизни»¹⁷⁷. Пациент поступает с воображаемыми предметами как с реальными, пытается взять их в руки, убегает от «преследователей», нападает на «врагов». При этом он уверен, что все люди воспринимают окружающий мир так же, как он.

Особенно значительные несоответствия между ментальным и физическим пространством наблюдается при сложных галлюцинациях, которые включают обманы со стороны сразу нескольких анализаторов. Вся окружающая обстановка может полностью преобразовываться галлюцинаторными образами, так что пациенту кажется, будто он находится не дома, а в лесу (на даче, в морге и т.п.). Он нападает на зрительные образы, слышит их речь, чувствует их прикосновение¹⁷⁸.

Если при отражении предметов их свойства кодируются в структуре мозгового кода, а последней соответствуют особенности чувственного образа, то как могут возникать неадекватные восприятия, обманы чувств? Это происходит в результате того, что при многократных восприятиях объекта сигналы от рецепторов актуализируют (пробуждают) уже имеющееся представление (объект-гипотезу) о нём, что ускоряет процесс восприятия и поэтому полезно. Однако при переживании человеком сильной эмоции у него может актуализироваться не то представление и замещать собой текущие сенсорные данные, как, например, в случае с больным, одержимым манией преследования и принимающим халат за притаившегося злоумышленника или звон посуды за бряцанье оружия. При галлюцинациях без внешнего раздражения под влиянием внутренней установки, связанной обычно с сильной эмоцией, актуализируется образ, который проецируется вовне и принимается за внешний предмет. Таким образом, причина иллюзий и галлюцинаций коренится во влиянии на восприятие внутренней неадекватной установки субъекта.

Проанализируем это более подробно на основе системного подхода к чувственному познанию. Последний предполагает, в первую очередь, изучение объекта как некоего целого, выделение его элементов, а затем установление характера отношений между ними. В системе чувственно-

177 Меграбян А.А. Общая психопатология. М.: Медицина. 1972. С. 23.

178 Иванец Н.Н., Тюльпин Ю.Г., Кинкульчина М.А. Психиатрия и медицинская психология. М.: ГЭОТАР-Медиа. 2014. С.212.

го отражения выделяются следующие основные элементы.

Текущие сенсорные данные. Они служат непосредственным результатом взаимодействия органов чувств с объектом. Эти данные представлены различными нейродинамическими кодами (частотой нервных импульсов, числом возбуждённых нейронов и др.)¹⁷⁹.

Перцептивные категории, или объект-гипотезы, – выработанные в процессе познания и практики представления и понятия, в которых репрезентирован познавательный опыт субъекта. По своему содержанию они могут быть весьма простыми («свет», «звук», «прямое-кривое»), более сложными («дерево-ель», «автомобиль-Шкода») и очень сложными, в том числе представленными научными понятиями. Одна из их функций – идентификация воспринимаемых объектов.

Перцептивная установка – несознаваемая предрасположенность к восприятию тех или иных параметров внешнего мира¹⁸⁰. Например, испытуемый 15-20 раз с закрытыми глазами ощупывает руками два шара, равных по весу, но различающихся по диаметру. Затем ему вручают два равных по диаметру шара, однако испытуемому кажется, что один шар больше другого – у него выработалась установка, что один шар крупнее другого, и восприятие следует за этой установкой. В установке представлены некоторые инварианты прошлых событий. Сила установки зависит от ожидаемой вероятности явления (частоты его наблюдения в прошлом) и от потребностей субъекта. Например, у сильно голодного человека имеется установка на восприятие недостаточно определённых объектов как продуктов питания.

Восприятия человека тесно связаны с понятиями и носят осмысленный характер. Поэтому у человека установку можно выработать не только с помощью воздействия материальных предметов, но и при воздействии слов, которые обозначают эти предметы. Так, если испытуемому предложить равные круги, но предварительно предупредить его, что они не совсем равны, то на основе такого словесного внушения разные круги он будет видеть неравными. Это показывает, что формирование особенностей ментального пространства зависит не только от сенсорно-перцептивной сферы сознания, но и от его рациональной сферы. Особенность установки, фиксированной вербальным внушением, заключается в том, что она бывает заметно слабее установки, фиксированной непосредственно воздействием внешних предметов; она более пластична и быстро угасает. Таким образом, доминирующая роль в формировании особенностей ментального пространства принадлежит сенсорно-перцептивной, мотивационной и эмоциональной сферам сознания.

179 См.: Губанов Н.И. Чувственное отражение. М.: Мысль. 1986. С.92-116.

180 См.: Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М: Наука. 1966. 452 с.

По своей функции к установке близок ещё один компонент системы восприятия – *ожидание предстоящих сенсорных событий*. От установки оно отличается тем, что формируется на основе сведений о только что совершившихся событиях и непрерывно меняется – по мере продвижения переработки сигналов. Установка же вырабатывается на основе всего сенсорного опыта и изменяется сравнительно медленно. Как и установка, ожидание облегчает и ускоряет процесс восприятия. Построение и пересмотр ожидания получил название активного перцептивного синтеза¹⁸¹.

Перцептивно-предметная деятельность *включает в себя разнообразные манипуляции с предметами, активные перемещения субъекта, движения осязающей руки, глаз, головы, изменение диаметра зрачка и т.п.* Эта деятельность служит необходимым условием активного исследования окружающего мира и получения текущих сенсорных данных.

Главной системообразующей связью рассмотренных элементов выступает взаимодействие между текущими сенсорными данными и перцептивными категориями, названное американским психологом Д. Брунером категоризацией¹⁸². Процесс категоризации заключается в том, что на основе признаков внешнего воздействия происходит актуализация находящейся в памяти той или иной категории и отнесение к ней воспринимаемого объекта.

Вероятность того, что некоторый сенсорный сигнал будет отнесён к определённой категории, зависит не только от соответствия сигнала признакам категории, но и от готовности этой категории. Распределение готовности категорий определяется действием ожидания и установки. При наличии сенсорного сигнала, одинаково хорошо согласующегося с двумя непересекающимися категориями, верх одержит та из них, которая обладает большей готовностью. Нормальное восприятие характеризуется тем, что под влиянием адекватных сенсорных сигналов включаются объект-гипотезы, соответствующие отражаемым объектам.

Часть системы восприятия, включающая в себя категории, установки и ожидания, может характеризоваться предложенным американским психологом У. Найссером понятием «предвосхищающие перцептивные схемы»¹⁸³. С его помощью полный перцептивный цикл может быть описан так: текущие сенсорные данные формируют предвосхищающие схемы, последние направляют предметные действия и перцептивные движения для получения определённой информации. Взаимодействие

181 См.: Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека (введение в психофизиологию) / Пер. с англ. М.: Мир, 1974. 552 с.

182 См.: Брунер Д. Психология познания: за пределами непосредственной информации / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 413 с.

183 См.: Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1981. 232 с.

этой наличной информации и перцептивных схем порождает актуальный чувственный образ, проецированный на объект. Наличная информация наряду с этим формирует новые предвосхищающие схемы, которые снова направляют перцептивно-предметную деятельность и т.д. В результате таких повторяющихся циклов предвосхищений и получения информации восприятие становится процессом всё большего гносеологического приближения образов к объекту, ментального пространства к физическому пространству. Взаимодействие схем и текущих сенсорных данных означает, что ни то, ни другое в отдельности не определяет хода восприятия и построения ментального пространства. Перцептивный цикл протекает неосознанно, в силу чего возникает впечатление, будто наличные образы есть только результат воздействия непосредственных раздражителей на органы чувств.

Изложенное позволяет заключить, что формирование ментального пространства есть активный процесс, этот процесс происходит за счёт внутреннего и внешнего источников. Г.Е. Зборовский справедливо отмечает: «Восприятие времени и пространства, ориентировка в них, наличие понятий, суждений, умозаключений, воображения, представлений, в которых локализуются пространственно-временные связи и отношения, зависят как от реальных характеристик последних, так и от состояния человеческой психики в данной конкретной ситуации»¹⁸⁴.

Поэтому восприятие представляет собой взаимодействие перцептивных категорий, ожиданий и установок, выражающих состояние субъекта, с текущими сенсорными данными, репрезентирующими свойства воспринимаемых объектов. Когда перцептивная установка становится неадекватной ситуации, то возникают иллюзии. Неадекватная установка снижает готовность адекватных и повышает готовность неадекватных категорий. Последние включаются в процесс восприятия и формируют иллюзии. Неадекватность установки может быть обусловлена внезапным необычным изменением условий восприятия. Возникнув как концентрированное выражение прошлого сенсорного опыта, установка обладает «инерцией» и продолжает определённое время действовать и тогда, когда условия изменились и ей уже не соответствуют. За активное стремление ускорить восприятие с помощью установки на основе прошлого опыта и предвидеть ситуацию мозг расплачивается иллюзиями, когда внезапно и резко изменяются условия восприятия. При этом не всякое изменение условий будет приводить к иллюзиям, а только такое, при котором меняется то, что было инвариантным в предшествующих случаях восприятия.

184 Зборовский Г.И. Психологическое время и пространство // http://www.pravo.vuzlib.su/book_z374_page_13.html Дата обращения 16.09.2015.

Ещё одной причиной неадекватности установки может быть сильное влияние на неё потребностей и эмоций человека. Например, у человека, находящегося в пустыне и страдающего от сильного голода или сильной жажды, повышается готовность категорий, имеющих отношение к еде и питью.

Когда активность перцептивных установок и категорий становится настолько выраженной, что проявляется без текущих сенсорных сигналов, то возникают галлюцинации. Обычно это бывает при патологическом состоянии мозга. Предполагают, что в период так называемой парадоксальной фазы в состоянии коры мозга следы ранее пережитых впечатлений, чрезвычайно усиливаясь, актуализируются в образы, субъективно оцениваемые больным как непосредственно воспринимаемые объективно-реальные предметы¹⁸⁵.

В нормальных условиях восприятия ментальное пространство, как отмечалось, в значительной мере соответствует физическому. При иллюзиях и галлюцинациях ментальное пространство не совпадает с физическим. При иллюзиях экстрапроекция образов соответствует положению воспринимаемых объектов, но структура и размеры проекции образа не соответствуют структуре объекта. Поэтому при иллюзии предмет воспринимается находящимся на своём действительном месте, но не в том виде, который ему присущ на самом деле (кажется, что вместо халата на его месте находится злоумышленник – в приведённом выше примере).

При галлюцинациях (в том числе и сновидениях) ни экстрапроекция образов, ни пространственная структура проекций образов не соответствуют местоположению и структуре каких-либо находящихся вокруг человека объектов. То есть, в случае галлюцинаций соответствие пространственных параметров галлюцинаторных образов пространственным характеристикам объективной действительности, в которой непосредственно находится субъект, вообще отсутствует. Здесь ментальное пространство одно, а физическое – совсем другое.

Галлюцинации и нормальные восприятия сходны в том, что как те, так и другие проецируются вовне, в силу чего и переживаются как объективно-реальные предметы. Только если нормальному восприятию на самом деле соответствует отражаемый объект, галлюцинации в непосредственно окружающей человека действительности ничего не соответствует. Галлюцинаторный образ проецируется вовне, и больной, имеющий его, может «точно» указать местонахождение галлюцинаторного предмета. Он говорит, к примеру, что этот предмет находится «справа в пяти метрах» от дома, что «машина» стоит перед окном, и т.п. Больного

185 См.: Незнанов Н.Г. Психиатрия. Гл.8. Расстройства ощущения и восприятия. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. С. 93-101; Цыганков Б.Д., Овсянников С.А. Психиатрия. Гл.12. Патология восприятия. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. С. 104-130.

при этом, как правило, невозможно убедить в том, что предметы, представленные в галлюцинациях, объективно не существуют. Галлюцинаторное представление может казаться больному даже более реальным, чем окружающие его объективно-реальные предметы¹⁸⁶. У религиозных фанатиков в состоянии экстаза могут актуализироваться образы Бога, божьей матери, ангелов, и они принимают эти образы за реальные существа. Это служит психологической основой их религиозной убеждённости.

В силу того, что больные относятся к галлюцинаторным образам как к объективно-реальным предметам, их поведение определяется именно этими ложными восприятиями: у больного человека галлюцинации включаются в процесс управления поведением. Это приводит к нарушению ориентировки, возникает неадекватная ориентировка во времени и пространстве.

В связи со сказанным, галлюцинации следует квалифицировать не как искажённое отражение непосредственной действительности, а как выражение патологически изменённого внутреннего мира больного, психически проецированного вовне и кажущегося ему объективной реальностью, хотя в этот внутренний мир входят, разумеется, фрагменты ранее возникавших образов действительности. Поэтому положение о том, что восприятия по своему содержанию обусловлены внешними воздействиями, относится, в конечном счёте, и к нарушенной деятельности анализаторов; только если в условиях их нормального функционирования процессы отражения действительности сочетаются с процессами отнесения образов к данной действительности, при патологии эти два типа процессов разобщаются.

Кроме описанных «истинных» галлюцинаций существуют ещё так называемые псевдогаллюцинации: последние не проецируются во внешнее пространство, они ощущаются находящимися внутри человека; голоса звучат «внутри головы», больные их слышат как бы «внутренним ухом»; видения воспринимаются «умственным взором», «духовными очами»: то есть для них в отличие от экстрапроекции истинных галлюцинаций характерна интрапроекция – ощущение нахождения их внутри субъекта. Псевдогаллюцинации, так же как истинные галлюцинации и иллюзии, достаточно широко представлены в художественной литературе. Так, например, принц Гамлет видел призрак своего отца «в глазе своего ума». Сходство между истинными и псевдогаллюцинациями заключается в том, что и те, и другие возникают в отсутствие внешнего раздражения. Но псевдогаллюцинации в отличие от галлюцинаций не обладают свойством экстрапроекции. Поэтому если галлюцинации для больного – сама действительность, то псевдогаллюцинации им переживаются как субъек-

186 См.: Зейгарник Б.В. Патопсихология. М: изд-во МГУ, 1976. 239 с.

тивные явления, и он сам непосредственно констатирует: у меня галлюцинации. Отсутствие впечатления объективной реальности образов при псевдогаллюцинациях – главное их отличие от истинных галлюцинаций.

Истинные галлюцинации отличаются от псевдогаллюцинаций ещё по критерию поведения. Истинные галлюцинации всегда сопровождаются актуальным поведением, ибо больные убеждены в реальности галлюцинаторных образов и ведут себя адекватно их содержанию. При устрашающих образах они испытывают панический страх, при голосах угрожающего характера, доносящихся из соседней квартиры, ищут помощи в полиции и готовятся к обороне или прячутся у знакомых. Для псевдогаллюцинаций актуальность поведения, как правило, не характерна. Больные с голосами неприятного содержания внутри головы могут безучастно лежать в постели¹⁸⁷.

Как и галлюцинации, псевдогаллюцинации возможны во всякой модальности: они могут быть тактильными, вкусовыми, кинестетическими и др. Но в любом случае они не проецируются во внешнее пространство и не идентифицируются субъектом с предметами объективной действительности. «При псевдогаллюцинациях отмечается проекция образа внутри тела пациента, т.е. он слышит голос не ушами, а головой и голос располагается внутри головы или другой части тела. Точно также он видит зрительные образы внутри своей головы, груди или другой части тела»¹⁸⁸. Иногда всё же возможны «адекватные» псевдогаллюцинациям поступки. Так, например, больной, длительное время слышавший голоса, исходящие из большого пальца левой ноги, пытался отсечь последний¹⁸⁹.

В отличие от воспоминаний и образов фантазии псевдогаллюцинации представляются более отчётливыми и живыми, причём образы являются в мельчайших деталях, стойкие и непрерывные. Псевдогаллюцинации возникают спонтанно, независимо от воли больного, они не могут быть произвольно изменены или изгнаны из сознания. При них отсутствует ощущение собственной деятельности, активности, как это бывает при воспоминаниях, мышлении, фантазировании.

Нередко псевдогаллюцинации носят характер навязанности: они кем-то «сделаны», больные жалуются, что им «насильно показывают картины», «вызывают звучание мыслей», «действуют помимо воли языком», «говорят слова, которые он не хочет произносить», «руками, ногами, телом кто-то действует» и т.п. В этих случаях наступает деперсонализация: собственная психическая продукция переживается как чужая.

187 Марилов В.В. Общая психопатология. 3-е изд. М.: Издательский центр «Академия». 2008. С.9.

188 Марилов В.В. Общая психопатология. 3-е изд. М.: Издательский центр «Академия». 2008. С.9.

189 См.: Там же. С.9.

Иногда наблюдается сочетание истинных галлюцинаций с псевдогаллюцинациями: тогда человек, например, слышит, во-первых, голоса «настоящие» из внешнего пространства (галлюцинации) и, во-вторых, «голоса в голове» или в другой части тела (псевдогаллюцинации)¹⁹⁰. Псевдогаллюцинации вносят свой вклад в формирование патологического ментального пространства. Чаще всего они в акустическом или зрительном виде проецируются в голову, но могут и в любую часть тела, даже в палец ноги. Галлюцинации формируют внешнюю часть неадекватного ментального пространства (в окружающей среде), а псевдогаллюцинации – его внутреннюю часть (в психической схеме тела).

Как в случае галлюцинаций, так и в случае псевдогаллюцинаций, нарушается пространственное соответствие психических образов объективной действительности. Однако характер этих нарушений, как сказано выше, различен. В обоих случаях нет гносеологического совпадения проекций образов и действительности, но если при псевдогаллюцинациях это несовпадение фиксируется самим субъектом, то при галлюцинациях, как правило, оно может быть обнаружено лишь сторонним наблюдателем, обычно врачом.

Изложенное показывает, что ментальное пространство есть отражение физического пространства, но это не пассивное, а активное отражение. Когда активность сенсорно-перцептивной сферы становится неадекватной внешнему миру, то наблюдается диссоциация ментального и физического пространства – возникают иллюзии и галлюцинации.

Особая активность перцептивных категорий и установок во время сна порождает сновидения – субъективные переживания, включающие в себя чувственно-образные (преимущественно зрительные), эмоциональные и мыслительные компоненты. Сновидения можно рассматривать как связную систему галлюцинаций. При сновидениях человек имеет дело с целым причудливым субъективно-реальным, но объективно-нереальным пространственным миром. Переживаемые при сновидениях события представляют собой субъективную реальность, объективно-реально они не существуют. Но человек в процессе самого сновидения обычно переживает происходящее как объективно реальное; вместе с тем после пробуждения он достаточно быстро (за редкими исключениями) понимает мнимый характер происходившего во сне. При сновидениях, как и при других галлюцинациях, субъективное пространство одно, а объективное, в котором находится субъект, совсем другое.

Предполагается, что механизм сновидений заключается в растормаживании нервных следов в коре мозга и актуализации хранящейся в памяти представлений и понятий, чему способствует поступление в кору

190 См.: Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: изд-во МГУ. 1976. 239 с.

незаблокированных при сне возбуждений из подкорковых образований. Сновидения неуправляемы, они часто характеризуются сложным и необычным сюжетом. Текущие сенсорные воздействия (звуковые, тактильные, температурные, обонятельные и др.) тоже могут стимулировать возникновение сновидений и вносить свой вклад (конкретно непредсказуемый) в их содержание. В настоящее время признаётся, что сновидения необходимы и имеют большое психологическое значение. Во время сновидений продолжается поисковая активность, не завершённая в бодрствовании, устраняются тревоги, обеспечивается психологическая защита от внутренних конфликтов, восстанавливается способность к борьбе с жизненными трудностями¹⁹¹.

Гносеологические особенности сновидений заключаются в том, что они не являются прямым отражением какой-либо цельной действительности (прошлой, настоящей или будущей). В них происходит перемещение событий в пространстве и во времени, возврат к прошлому, соединение в единое событий, происходивших в разное время жизни человека и в разных местах, объединение в одном предмете или лице качеств и признаков, принадлежащих различным вещам и лицам, и наоборот, разъединение качеств, присущих одному предмету¹⁹². Фрагменты, из которых складывается сновидение, являются отражением действительности, но эти фрагменты необычайным образом комбинируются. В содержание сновидения иногда могут входить отдельные моменты научного или художественного открытия, например, открытие во сне Д.И. Менделеевым периодического закона элементов. Сновидения могут включать в себя также моменты относительно правильного прогнозирования ситуации («вещие сны»).

Общее в механизме возникновения нормальных восприятий, иллюзий, истинных галлюцинаций и сновидений заключается в участии перцептивных установок и перцептивных категорий в формировании чувственных образов и экстрапроекции последних. В случае нормальных восприятий внешнее воздействие актуализирует адекватную перцептивную категорию, при иллюзии – неадекватную, при галлюцинациях и сновидениях актуализация перцептивных категорий происходит без внешнего воздействия.

Факт существования сновидений свидетельствует о том, что духовные явления обладают пространственными свойствами. При сновидениях человек имеет дело с огромным субъективно-реальным, но объективно-нереальным миром. Едва ли кто станет отрицать, что сюжеты сновидений, все переживаемые образы представляют собой духовную реальность. Вместе с тем, наш опыт переживания сновидений показыва-

191 См.: Линецкий М.Л. Внушение и мы. М.: Знание. 1983. 168 с.

192 См.: Касаткин В.Н. Теория сновидений. Изд. 3-е. Л.: Медицина. 1983. 247 с.

ет, что этот субъективный мир обладает пространственными характеристиками: в сновидениях мы чувствуем, что находимся в каких-то местах пространства, перемещаемся из одного места в другие, окружающие предметы имеют протяжённость, геометрическую форму, располагаются в пространстве определённым образом друг относительно друга. Но всё это переживаемое во сне есть духовная реальность. Следовательно, она обладает пространственными свойствами.

К интересным, особенным и недостаточно изученным иллюзиям относятся искажения схемы тела. У человека имеются представления о пространственных параметрах не только внешних объектов, но и своего тела. Ощущения внешних контактных анализаторов проецируются на те участки поверхности тела, где осуществляется раздражение рецепторов. Благодаря осязательным, кинестетическим, вестибулярным и зрительным ощущениям у человека формируется обобщённое представление о своём теле: его габаритах, форме, границах с окружающей средой, ориентации в пространстве в каждый момент времени. Это представление и есть схема тела¹⁹³.

Как и все чувственные образы, она локализована в головном мозге, но её пространственные проекции с определённой точностью соответствуют пространственным параметрам самого физического тела. То, что человек обычно знает как своё тело, является именно описанной выше схемой тела. Субъекту дана непосредственно схема тела, но не оно само. Одним из фактов, показывающих, что схема тела и физическое тело не одно и то же, является иллюзия – фантом ампутированных. Человек, не зная, что у него ампутирована рука или нога, уверен, что он двигает ею, что она болит и т.п. Через некоторое время после операции схема тела может приходить в соответствие с физическим телом и фантом исчезает. Иногда же он сохраняется на годы и десятилетия. Интересно, что если конечности разрушаются постепенно, например, при проказе, то фантом не возникает. В этом случае пространственная схема тела успевает перестраиваться вслед за разрушением конечностей.

Имеются также пространственные несоответствия схемы тела и физического тела, обратные тем, что наблюдаются при фантоме ампутированных. Такие несоответствия возникают, в частности, при гемиплегии – параличе мышц одной половины тела в результате нарушения проводимости кортикоспинального пути при органических поражениях головного и спинного мозга¹⁹⁴. При указанном заболевании боль-

193 Дубовской В.И. Гносеологические функции ощущения и восприятия // Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Т.2. М.: Мысль. 1970. С.196-256; Дубовской В.И. Знак и образ // Гносеологические проблемы диалектического материализма. М.: Высшая школа. 1974. С.124-139; Губанов Н.И. О гносеологическом статусе малоизученных феноменов чувственного отражения // Философские науки. 1986. № 2. С. 87-96.

194 См.: Боголепов Н.К. Гемиплегия // Большая медицинская энциклопедия.

ному может казаться, что у него нет руки или ноги. В случае фантома схема тела включает в себя отсутствующую конечность, при гемиплегии, наоборот, в схеме отсутствует имеющаяся у человека конечность.

При патологии головного мозга могут наблюдаться и другие многообразные причудливые искажения схемы тела. Например, больной может чувствовать, как начинают удлиняться его конечности, растёт шея, голова увеличивается почти до размеров комнаты, туловище то укорачивается, то удлинняется. Иногда отмечается ощущение выраженной диспропорции частей тела. Например, голова уменьшается до размеров мелкого яблока, туловище же достигает 100 м, а ноги простираются до центра Земли¹⁹⁵.

Описанные выше иллюзии относятся к типу психических иллюзий: их сущность – замещение адекватной объект-гипотезы неадекватной в результате или резкого изменения условий восприятия или влияния на объект-гипотезу сильной эмоции или патологического состояния нервной системы. Например, чувство голода, как уже отмечалось, повышает готовность к включению объект-гипотез, представляющих образы пищи. Чувство страха у одинокого пугливого человека в сумерках в безлюдной местности может актуализировать перцептивные категории, представляющие образы опасности (бандитов, грабителей, чертей и т.п.).

Кроме психических иллюзий существуют физические иллюзии. При них тоже наблюдается несоответствие ментального и физического пространства. В случае физических иллюзий возникает ошибочное или искажённое восприятие, обусловленное каким-либо физическим фактором, например, впечатление «перевёрнутости» окружающих предметов при использовании инвертирующих очков, впечатление «переломленности» палки, наполовину опущенной в воду.

Особые физические иллюзии возникают при миражах. Мираж – это возникновение и восприятие относительно правильных или искажённых мнимых изображений объективно реальных предметов в результате наличия в воздушной атмосфере особых естественных условий. Он возникает тогда, когда в атмосфере образуются резко отделённые друг от друга слои воздуха с разной температурой и вследствие этого с различными коэффициентами преломления света. На границах раздела таких слоёв над поверхностями морей, океанов, пустынь, полупустынь и некоторых других территорий может наблюдаться полное внутреннее отражение света, то есть такие границы могут выступать как естественные и невидимые зеркала¹⁹⁶.

В зависимости от расположения подобных зеркал могут наблюдаться

Изд. 3-е. Т.5. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 141-146.

195 См.: Марилов В.В. Общая психопатология. М.: Издательский центр «Академия». 2008. С.20.

196 См.: Мираж // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 27. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. С. 567.

верхний, нижний или боковой миражи, при которых изображение смещено или по вертикали, или по горизонтали в сравнении с объектом. При этом, сами объекты (корабли, острова, деревья, строения) могут быть за (под) горизонтом, и воспринимаются тогда их мнимые изображения. При миражах, как и при других иллюзиях, ментальное пространство сильно отличается от физического, что может вызывать дезориентировку путешественников и совершение ими неправильных действий, например, движений к несуществующему острову в океане или оазису в пустыне.

Если в атмосфере образуется несколько отражающих поверхностей, перемещающихся с ветром, то возникает особенно эффектный и сложный мираж – фата-моргана (фея Моргана). При этом на горизонте появляются многочисленные изменчивые изображения, напоминающие острова, горы, замки и другие объекты. Старинная морская легенда о безмолвном корабле-призраке «Летучем голландце», скитающимся по морям и предвещающем несчастье, по-видимому, связана с наблюдением миражей.

Мираж может включать в себя и другие иллюзии, связанные уже с отражающей поверхностью. Так, при нижнем мираже в пустыне приземная воздушная поверхность, отражающая в себе небо, может приниматься за водоём. Такая иллюзия может вводить в заблуждение даже опытных путешественников, усиливаясь у них чувством жажды и усталостью. При мираже может происходить искажение вида предметов, однако не это составляет его специфику, так как искажения имеют место и в других случаях восприятия.

Специфика миража состоит в том, что он представляет собой необычную, хотя и естественную, передачу изображения и восприятие в результате этого предмета не в том месте пространства, где он объективно находится. Описаны случаи, когда при миражах наблюдались предметы, находящиеся от наблюдателя на расстоянии 55 и даже 105 км. Только в отличие от других способов передачи изображений (живопись, фотография, кино, телевидение), где субъект точно знает, что он имеет дело не с оригиналом, а с его изображением, при мираже мнимое изображение может приниматься за объективно реальный предмет. В этом существенную роль, по-видимому, играет то, что при мираже изображение не имеет какого-либо другого материального носителя, кроме света и воздуха. А в других названных случаях передача изображения помимо света предполагает ещё наличие и специальных материальных носителей (бумаги, полотна, экрана и т.д.), воспринимаемых человеком наряду с изображением¹⁹⁷.

На примере иллюзий, в том числе и миражей, истинных галлюцинаций и псевдогаллюцинаций, фантома ампутированных конечностей

197 См.: Губанов Н.И. Чувственное отражение. М.: Мысль, 1986. С. 198-199.

и гемиплегии мы видим, что изучение патологических психических явлений и неадекватных условий восприятия имеет весьма существенное значение для онтологии и гносеологии. Оно позволяет лучше понять существенные черты ментальных процессов вообще. Анализ особенностей нормальных и описанных выше патологических и необычных психических явлений служит убедительным доказательством положения о том, что объективная реальность дана субъекту посредством чувственных образов. Последние обладают пространственными характеристиками: они локализируются в головном мозге как информационное содержание нейродинамических систем, но обладают филогенетически подготовленной, а в практике жизни индивида складывающейся и закрепляющейся способностью проецироваться в объективное пространство. В нормальных условиях имеется соответствие пространственных параметров отображаемых объектов и пространственных проекций чувственных образов. В силу этого и возникает иллюзия полного тождества образа и объекта. Эта иллюзия, как это ни парадоксально звучит, позволяет человеку непосредственно иметь информацию о пространственных параметрах окружающего мира. Вместе с тем, эта иллюзия послужила гносеологической основой для построения концепций субъективного идеализма, отождествляющего образы и объекты.

В описанных случаях психической патологии налицо выступает пространственное несоответствие, диссоциация между образами и существующей в данный момент объективной действительностью. Эта фиксируемая медицинской практикой диссоциация, распад гносеологического единства образа и объекта у больного человека делает явственным различие между образом и объектом, выявляет центральную мозговую локализацию образов и их проецирование в окружающий мир. Тем самым мы имеем доказательство необоснованности центрального положения субъективного идеализма (как в его классическом, берклианском, так и в более позднем, презентационистском, варианте) о субстанциальном тождестве образа и объекта, сознания и внешнего мира.

Аспекты, связанные с субъективным характером пространства, как уже отмечалось в главе 1, наиболее активно разрабатывал И. Кант. Изложенный выше материал теперь позволяет отметить три отличия между учением Канта о пространстве как априорной форме чувственности и концепцией, развиваемой в данной работе. Во-первых, И. Кант признавал существование только субъективного, ментального пространства, а наличие объективного, физического пространства, на которое при чувственном познании мира накладывается субъективное пространство, не признавал.

Во-вторых, субъективное пространство не является, как считал Кант,

априорной, то есть доопытной, формой, напротив, как было показано в данной работе, формирование ментального пространства осуществляется на основе совокупного сенсорного опыта субъекта, представленного перцептивными категориями, установками и ожиданиями.

В-третьих, И. Кант полагал, что априорные формы чувственности неизменны и одинаковы у всех людей, чем он, кстати, объяснял общезначимость положений геометрии. В действительности же ментальное пространство индивидуально и лабильно, поскольку индивидуальный характер имеют перцептивные категории, установки и ожидания, менталитет в целом, участвующие в формировании ментального пространства. А общезначимость положений геометрии обусловлена отражением в ментальном пространстве инвариантов объективного пространства.

§ 4.2. Соотношение ментального и физического пространства

Физическое пространство обладает метрическими и топологическими свойствами. Метрические свойства выражают количественный аспект. К ним относятся протяжённость и его производные: угол, площадь, объём; однородность пространства – равноправность всех его точек; изотропность пространства – равноправность всех направлений. Топологические свойства выражают качественный аспект. Ими являются: трёхмерность – для определения положения точки необходимо три координаты, непрерывность и упорядоченность. Непрерывность означает, что множество всех точек эквивалентно множеству действительных чисел. Непрерывность означает и связность: нет изолированных частей, их можно соединить непрерывной линией. Непрерывность заключается и в делимости отрезков до бесконечности¹⁹⁸. Поскольку ментальное пространство так или иначе есть отражение физического пространства, то ментальное пространство также обладает метрическими и топологическими свойствами. Кроме названных выше метрических и топологических свойств ментальное пространство обладает ещё одним топологическим свойством – перспективой, которое отсутствует у физического пространства.

Помимо отмеченных выше общих характеристик пространство обладает и специфическими (локальными) свойствами. «К таким свойствам пространства можно отнести характеристики различных материальных систем: симметрию и асимметрию, их форму и размеры, расстояния между элементами или подсистемами, границы между ними и

¹⁹⁸ См.: Там же.

т.п.»¹⁹⁹. Эти специфические характеристики пространства исследуются при изучении в частных науках конкретных материальных объектов.

Говоря о том, что в условиях нормального восприятия имеет место соответствие ментального и физического пространства, надо иметь в виду, что это соответствие имеет относительный, а не абсолютный характер: полностью субъективное пространство никогда не совпадает с объективным пространством. Как справедливо отмечает Б. Рассел, между физическим и зрительным пространством есть какое-то соответствие, но оно приблизительное. Во-первых, большие глубины зрением неразличимы. Во-вторых, фрагменты зрительного пространства могут быть смещены во времени относительно фрагментов физического пространства (например, место, где солнце зрительно находится сейчас, соответствует месту, где физическое солнце было восемь минут назад). В-третьих, зрительное пространство может искажаться дефектами зрения (например, косоглазием), туманом, естественными (при миражах) и искусственными отражающими поверхностями и другими помехами²⁰⁰.

Как уже отмечалось, ещё одно из свойств ментального пространства, которым не обладает физическое пространство, – это перспектива: предмет, имеющий одинаковый размер с другим предметом, но более удалённый от глаз по сравнению с первым, кажется меньшим по размеру по сравнению с менее удалённым предметом. Поэтому, например, удаляющийся вдаль ряд одинаковых предметов, к примеру, ряд деревьев одного роста на аллее в парке, кажется понижающимся. Чем дальше располагается предмет от глаза, тем меньше угол зрения, приходящийся на него, тем меньше изображение на сетчатке глаза и меньше видимый размер предмета. Ещё пример: параллельные рельсы железной дороги кажутся сходящимися вдали. А существуют ли в ментальном пространстве вообще в результате перспективы параллельные прямые? «Разумеется, в перцептуальном пространстве существуют параллельные линии, – пишет Г. Рейхенбах, – однако в объективном физическом пространстве они принимают форму двух слегка изогнутых расходящихся кривых... объективное состояние рельсов не соответствует чувственному образу (точнее: экстрапроекции образа – авторы) их сближения с расстоянием, но соответствует впечатлению параллельности, которое может возникнуть при наблюдении объективно расходящихся линий»²⁰¹.

Перспектива играет положительную роль в восприятии. Сенсорный опыт, включающий в себя знания о действительных размерах предме-

199 Рычков А.К., Яшин Б.Л. Философия. М.: Владос. 2002. С.135.

200 См.: Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Пер. с англ. Киев: Ника Центр. 1997. 560 с.

201 Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1985. С.106.

тов, позволяет человеку бессознательно использовать перспективу для оценки расстояний до предметов (чем меньше кажущийся размер предмета, тем дальше удалён от глаз этот предмет). Таким образом, само несоответствие субъективного и объективного пространства используется мозгом для оценки удалённости предметов, то есть глубины рельефа. Если сенсорный опыт недостаточен, например, нет знакомого окружения воспринимаемого предмета, то возможны ошибки в оценке расстояния до этого предмета. Тогда, к примеру, маленький предмет, находящийся на близком расстоянии, может приниматься за большой предмет, но находящийся вдали, скажем, игрушечный автомобиль в специально созданных условиях восприятия может приниматься за настоящий.

Физическое пространство объективно и от состояния психики наблюдающего субъекта, естественно, не зависит. А ментальное пространство зависит от двух факторов – внешнего и внутреннего. Внешний фактор – отражение физического пространства, а внутренний – состояние психики субъекта, включающей в себя эмоции, потребности, установки, цели, объект-гипотезы, ценностные ориентации и другие элементы. В условиях патологии роль внутреннего состояния субъекта в формировании ментального пространства возрастает вплоть до галлюцинаций – актуализации внутренних образов без внешнего воздействия.

Но и в условиях нормального восприятия на формировании ментального пространства сказывается влияние психического состояния. Например, роль ценностей в формировании особенностей ментального пространства обнаруживается в таком проведённом американским учёным Т. Шибутани психологическом эксперименте. Группе американских детей из зажиточных семей и другой группе детей, живущих в бедности, предлагалось определить на глаз размер различных монет. Все дети преувеличивали размеры, но степень преувеличения постоянно возрастала с ростом денежной стоимости монеты, а не её действительного размера. «Сверх того, обнаружилось, что дети бедняков, которые, по-видимому, значительно больше озабочены мыслью о деньгах, преувеличивали размер монеты гораздо больше, чем дети богатых»²⁰².

В последнем эксперименте проявляется не просто значение ценностей самих по себе для формирования перцептивной установки и особенностей ментального пространства, но и момент социальной обусловленности ментального пространства. Социально-психологические особенности субъекта в настоящее время именуются термином «менталитет»²⁰³. В него входят особенности мотивационной сферы

202 Шибутани Т. Социальная психология. / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1969. С.96-97.

203 См.: Губанов Н.Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе. М.: Международный издательский центр «Этносоциум». 2014. 214 с.

(системы потребностей и интересов), сенсорно-перцептивной, рациональной, когнитивно-интеллектуальной, речевой. Все компоненты менталитета формируются в процессе его обучения, общения и деятельности человека в конкретных социальных условиях. Поэтому влияние менталитета субъекта на его восприятие есть форма социальной обусловленности ментального пространства. Люди, воспитанные в различных социально-экономических, политических и культурных условиях, могут по-разному воспринимать одно и то же физическое пространство в результате различия их перцептивных установок.

Ментальное и физическое пространство как реальные формы, характеризующие порядок расположения сосуществующих духовных явлений и материальных предметов, отличаются от тех обыденных и научных знаний о них, которые с прогрессом естествознания и науки в целом изменяются. Для обозначения этих знаний нередко используют термин «концептуальное пространство». «Концептуальное пространство и время — это наши знания, представления, которые в итоге оказываются более или менее адекватным отображением реальных пространства и времени путем логического мышления»²⁰⁴. К концептуальному пространству можно отнести любые рациональные, то есть выраженные в понятийной форме, знания о пространстве, включая туда повседневные знания, научные теории, в том числе и математические модели пространства²⁰⁵. Ф. Клике отмечает, что «в иерархической системе «реальное — перцептуальное — концептуальное... пространство» ведущую, определяющую роль играет первое звено. Перцептуальное...пространство, отражая свою реальную основу, не всегда полностью ей соответствует. В представлениях, воображении часто происходят временные и пространственные смещения, которые свидетельствуют о подсознательном «уплотнении» либо «разрежении», «ускорении» или «замедлении» и т. д. пространства и времени. Но в главном, что находит свое отражение в порядке смены восприятий и последовательности появления новых, перцептуальное...пространство соответствует реальному. По-другому должно рассматриваться концептуальное...пространство в его отношении к реальному. Несомненно, что и в нем происходит отражение реального прототипа. Однако здесь «отлет фантазии» носит совсем иной характер. Он совершается на уровне высоких абстрактно-логических конструкций и в отдельных своих вариантах может принципиально не соответствовать реальному времени

204 Пространство и время // <http://www.kulichkovvk.ru/fil/lek/prostranstvo/index>. Дата обращения 29.07.2015.

205 Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат. 1974. С.35.

и пространству (например, ряд моделей неевклидовых пространств)²⁰⁶

Концептуальное пространство может быть знанием как о физическом пространстве, так и о ментальном пространстве. Например, представления Демокрита о пространстве – это концептуальное пространство, теория пространства И. Ньютона тоже концептуальное пространство, так же, как и теория А. Эйнштейна. Изложенные в данной монографии положения о ментальном пространстве тоже концептуальное пространство. Однако надо иметь в виду, что концептуальное пространство – это не реальное пространство, а метафора, синоним выражения «знания о пространстве». А реальных пространств существует только два типа – ментальное и физическое пространство. Каждый из этих типов включает в себя ещё различные конкретные формы в зависимости от рассматриваемых объектов. К физическому пространству, в частности, относятся географическое, космическое, биологическое, атомное и другие формы пространства. В ментальное пространство входят зрительное, осязательное, двигательное и обонятельное виды пространства.

Существование двух видов реальных пространств и многих видов концептуальных пространств породило разные виды отождествления пространств. Одно из таких видов отождествлений – отождествление ментального и реального пространства. Это характерно для наивно-реалистической установки: миллионы людей, не знакомых с гносеологией и психологией восприятия, без всякого сомнения верят, что в восприятии им дано физическое, объективное пространство, и что оно именно таково, как показывают его их анализаторы. Ещё они верят, что анализаторы показывают сами предметы, а не проекции их образов.

Второе отождествление – отождествление Демокрита и Ньютона своих воззрений на пространство с физическим пространством. Здесь концептуальное пространство как представление о сплошной бесконечной пустоте отождествлялось с физическим пространством, которое, как обнаружилось А. Эйнштейном, не соответствовало этому представлению. В одних случаях реальному пространству приписываются свойства ментального пространства, в других случаях – свойства концептуального пространства, то есть на него переносятся или наши чувственные экстрапроекции или наши теоретические представления о пространстве. Надо отметить, что после разработки теории относительности отождествление концептуального и физического пространства практически прекратилось: учёные стали хорошо понимать, что их теории пространства не абсолютно точно описывают реальное пространство, а в лучшем случае воспроизводят его какие-то существенные свойства.

²⁰⁶ Клик Ф. Реальное, перцептуальное, концептуальное время и пространство // http://www.pravo.vuzlib.su/book_z374_page_9.html. Дата обращения 16.09.2015.

Глава 5

О ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЯВЛЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

§ 3. 1. Взаимосвязь индивидуального и общественного сознания

В предыдущих параграфах речь шла о пространственной локализации явлений индивидуального сознания. Было показано, что все ментальные явления как информационное содержание нейродинамических кодов локализованы там же, где находятся эти коды, то есть в пространстве головного мозга людей, а сенсорно-перцептивные элементы сознания за счёт экстрапроекции создают перцептивное (психическое) пространство, накладывающееся на физическое пространство.

В данной главе будет рассматриваться вопрос о локализации явлений общественного сознания, которое, как известно, существует в форме политических, правовых, эстетических, религиозных, нравственных, научных и философских компонентов. Для рассмотрения этого вопроса требуется исследовать соотношение индивидуального и общественного сознания. Необходимо выяснить, находятся ли явления общественного сознания в головах конкретных людей или же они находятся вне людей, в предметах культуры. Этот вопрос помимо теоретического имеет и большое практическое значение, поскольку связан с проблемой источника духовного творчества: этот источник либо дух конкретных людей, либо – безличная культура.

По вопросу о способе существования общественного сознания и его соотношении с индивидуальными сознаниями существуют три точки зрения:

1) общественное сознание существует только в форме индивидуальных сознаний. Представители этой точки зрения полагают, что как индивидуальное, так и общественное сознание по своей природе идеальны, то есть являются субъективной реальностью²⁰⁷;

207 См.: Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат. 1972. 303 с.; Коршунов А.М. Теория отражения и активность сознания. М.: Знание, 1987. 64 с.; Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. М.: Политиздат, 1979. 216 с.; Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 386 с.; Рычков А.К.,

2) общественное сознание существует независимо от индивидуальных сознаний: «...Индивидуальному сознанию сознание общественное... предшествует как нечто заранее данное, существующее до, вне и независимо от индивидуального сознания»²⁰⁸. Согласно этой точке зрения общественное сознание идеально, а индивидуальное идеальным не является. Представители этой точки зрения полагают, что явления общественного сознания непосредственно локализованы в предметах культуры и сохраняются там в отсутствие людей; даже клинописный текст исчезнувшей цивилизации, согласно А.М. Минасяну, содержит идеальные сущности²⁰⁹;

3) общественное сознание существует как в форме личных сознаний, так и вне их – в виде культуры, отделённой от человека²¹⁰.

Правильной нам представляется первая точка зрения: общественное сознание может существовать лишь посредством множества индивидуальных сознаний. Как справедливо отмечают А.К. Рычков и Ю.Л. Яшин, «общественное сознание бытийствует во множестве индивидуальных сознаний, но не сводится к их сумме, а является особым качественным образованием»²¹¹. Третья точка зрения является в известной мере компромиссной между первыми двумя. То, что представители второй точки зрения полагают общественным сознанием (либо носителем общественного сознания – здесь их позиция не всегда ясна), а представители третьей точки зрения считают внеличностными формами общественного сознания, в действительности есть материальные посредники, внешние коды информации, представленные разнообразными предметами культуры (книгами, картинами, скульптурами, кинолентами, иконами и т.д.). Эти коды интегрируют социально значимые элементы индивидуальных сознаний в сознание общественное и сами по себе ни общественным сознанием, ни его непосредственным носителем не являются и моментом идеального не обладают. В процессе коммуникации они, с одной стороны, являются материальным выражением идеальных образов одних людей – творцов идей, а с другой, вызывают аналогичные образы у других людей – реципиентов идей.

Если проделать мысленный эксперимент и вообразить, что всё чело-

Яшин Ю.Л. *Философия*. М.: Владос, 2002. 384 с.; Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. *Философия*. М.: изд-во СГУ, 2012. 452 с.

208 Ильенков Э.В. *Ленинская диалектика и метафизика позитивизма*. М.: Политиздат, 1980. С. 34.

209 Минасян А.М. *Диалектический материализм (учение о сознании)*. Ростов на Дону, 1974. Глава I.

210 Серов Ю.М. *Общественное и индивидуальное сознание*. М.: изд-во МГУ, 1964. 186 с.; Щёлкин А.Г. *Диалектика индивидуального и общественного сознания* // *Философские и социологические исследования*. Л.: изд-во ЛГУ, 1977. С. 18-30.

211 Рычков А.К., Яшин Ю.Л. *Философия*. М.: Владос, 2002. С.248.

вечество вдруг исчезло, то с точки зрения первой концепции на планете не будет ни индивидуальных сознаний, ни сознания общественного. С точки зрения второй концепции после исчезновения людей личных сознаний не будет, а общественное сознание сохранится во всём своём объёме. По мнению же сторонников третьей концепции на планете без людей личностных форм общественного сознания не будет, но останутся внеличностные формы общественного сознания в виде культуры. Этот эксперимент оттеняет необоснованность и даже абсурдность второй и третьей точек зрения на соотношение индивидуального и общественного сознания потому что ясно: никакого сознания на планете без людей не будет, останутся лишь не обладающие ментальностью, или духом, системы знаков, моделей и технических устройств.

Концепция, согласно которой общественное сознание существует независимо от индивидуальных сознаний, играет, на наш взгляд, отрицательную методологическую роль в отношении исследования духовной и материальной жизни общества и отвечала определённым идеологическим установкам периода застоя в нашей стране. Коль скоро общественное сознание от индивидуального не зависит, то конкретные люди лишаются творческих функций и могут выступать лишь как пассивные потребители духовных и материальных ценностей. Творческие функции оказываются присущими только анонимной духовной культуре в целом. В силу этого конкретные люди ни за что в обществе не должны отвечать. Всё это весьма удобно для оправдания всеобщей безответственности, стагнации, застоя. Положение об активности общественного сознания в данной концепции является чисто декларативным, поскольку без признания деятельности конкретных лиц невозможно объяснить эту активность.

Всесторонний анализ деятельности людей в ходе материального и духовного производства, учёт реальной активности общественного сознания и механизмов его функционирования позволяет осуществлять концепция, согласно которой общественное сознание существует лишь посредством множества индивидуальных сознаний. Однако для того, чтобы в рамках этой концепции исследовать вопрос о локализации явлений общественного сознания, предварительно необходимо коснуться следующих вопросов: 1) в чём специфика общественного сознания по сравнению с индивидуальным сознанием и каков онтологический статус первого и второго из них? 2) как соотносится содержание общественного сознания с содержанием индивидуального сознания? 3) каковы механизмы взаимодействия общественного и индивидуального сознания? 4) в чём заключается идеальность общественного сознания? 5) какие факторы определяют действенность общественного сознания?

Поскольку коммуникация людей, в процессе которой формируется

общественное сознание, осуществляется с помощью системы знаков, то для решения вопроса о локализации явлений общественного сознания необходимо ещё исследовать семиотический механизм коммуникативных актов, выяснить, где локализованы смысловые значения знаков, как они актуализируются в ходе коммуникации и обеспечивают понимание передаваемой информации²¹².

В настоящее время утвердилось мнение о необходимости многоаспектного подхода и анализа при изучении проблемы сознания. Различными авторами предложено использование гносеологического, онтологического, социологического, аксиологического и других подходов. Думается, что шаг вперёд в разработке сформулированных выше вопросов можно сделать с помощью подхода, который следует назвать кодово-семиотическим. *Основными для такого подхода служат понятия информации, образа, знака, значения, кода, коммуникации.* Суть предлагаемого подхода заключается в том, что общественное сознание рассматривается как совокупность индивидуальных по происхождению социально значимых идеальных образов, находящих внешнее выражение в виде множества материальных знаков, объединённых в коды, подлежащие хранению и включению в систему общественной коммуникации. Эти коды способны вызывать у других членов общества, обладающих значениями коммуникативных знаков и имеющих доступ к тем или иным звеньям сети коммуникации, соответствующие идеальные образы, которые начинают выполнять регулятивную функцию не только в отношении отдельных людей, но и их больших социальных групп. При этом предполагается, что условием становления общественного сознания является практическая деятельность людей, фактором же, непосредственно интегрирующим социально значимые элементы индивидуальных сознаний в сознание общественное, служит система общественной коммуникации, включающая в себя многообразные коды и понимаемая как все имеющиеся в обществе способы и средства информационной связи между людьми, их группами и объединениями.

Система общественной коммуникации в целом включает в себя средства и каналы межличностной связи, являющейся основой общения, и средства и способы массовой коммуникации. По структуре связей коммуникативные процессы разделяются на аксиальные и ретинальные, которые дополняют друг друга. В первом случае предполагается передача сообщений строго определённым приёмникам информации (телеграф, телефон, и др.), во втором случае – некоторому множеству вероятных адресатов (пресса, радио, кино, телевидение, Интернет и др.). Конечную цель каж-

212 См.: Альжанов Р.Г., Губанов Н.И. К проблеме идеальности общественного сознания // Философские науки. 1983. №3. С.51-58.

дого акта коммуникации составляет воздействие на поведение адресата.

Общественное сознание вне личного не существует. Нет науки, морали, искусства, религии самих по себе. Есть только люди, обладающие научными, нравственными, эстетическими, религиозными и другими представлениями, идеями, чувствами. Те же из этих представлений отдельных людей, их понятий и чувств, которые имеют социальную значимость и включаются в общественную систему коммуникации, можно отнести к общественному сознанию. То есть элементы индивидуальных сознаний становятся компонентами общественного сознания тогда, когда они включаются в систему коммуникации. Например, какая-либо идея, возникшая в голове учёного или, скажем политического деятеля, становится компонентом общественного сознания тогда, когда она облекается в форму материальных знаков, включается в какое-либо звено или звенья сети коммуникации и в результате этого становится достоянием общественности. Когда бывшая индивидуальная идея признаётся, принимается общественностью, то она начинает выполнять регулятивную функцию в отношении поведения не только породившей её личности, но и социальной группы. Индивидуальные сознания служат как формой существования общественного сознания, так и единственным источником новообразований в последнем. Даже в такой сфере, как моральное творчество, где авторство установить весьма сложно, возникновение новых ценностей и их утверждение в общественном сознании начинается с отдельных лиц, действия которых, особенно вначале, выглядели в истории как аморальные²¹³. В общественном сознании нет ни одного компонента, который бы не был вначале элементом индивидуального сознания.

Социальная значимость идей, становящихся компонентами общественного сознания, может быть как позитивной, так и негативной. Например, идея «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» обладала высшей степенью позитивной социальной значимости и мобилизовывала силы народа на борьбу с фашизмом. А идея Сталина об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма обладала резко негативной социальной значимостью и обосновывала необходимость массовых репрессий. Негативную социальную значимость имела идея о построении развитого социализма, она маскировала застой нашего общества.

Несмотря на объективную значимость идей для общественного развития, их авторы всегда представляют их как прогрессивные и используют для этого имеющиеся у них средства как идеологического, так и иного воздействия. В условиях тоталитарных режимов это не-

213 См.: Титаренко А.И. Нравственный прогресс. М: Наука, 1979. 284 с.

редко принимает форму физического уничтожения инакомыслящих. Идеи, ставшие убеждением масс, субъективно переживаются ими как полезные и прогрессивные.

Сложнее обстоит дело с авторами и пропагандистами идей. Здесь, помимо правдивой пропаганды, возможны случаи социального лицемерия и самообмана. В первом из них человек по корыстным мотивам или из опасения утратить какие-либо блага пропагандирует идеи, ни в истинности, ни в прогрессивности которых он не уверен. При самообмане в соответствии с известным механизмом психологической защиты человек для того, чтобы не чувствовать морального дискомфорта бессознательно заставляет себя верить в неправильную идею, выступление против которой ему лично опасно. Социальное лицемерие и самообман у идеологов могут приводить к длительному социальному обману масс, который может ещё сочетаться с их собственным коллективным самообманом. Так было, например, в 30-е и 40-е годы XX века в нашей стране в отношении оценки политики Сталина и его окружения, а в 70-е годы в отношении оценки реальных достижений «развитого социализма». Поэтому одна из важнейших задач философии, политологии, социологии заключается в своевременном выявлении объективной социальной значимости различных общественных идей. Для этого в науке должна существовать реальная свобода высказывания различных мнений.

В процессе преобразования идеи отдельного человека или идеи нескольких людей (если она одновременно зародилась у нескольких лиц) в функционирующий элемент общественного сознания можно выделить 2 этапа: 1) ознакомление общественности с этой идеей; 2) признание, принятие идеи общественностью, если общественность убеждается, что идея является истинной и обладает социальной значимостью. На первом этапе идея ещё не является руководством к действиям, на втором, превращаясь в убеждение, становится им. Задачи политического, правового, нравственного и эстетического воспитания заключаются не только в ознакомлении людей с соответствующими идеями и принципами, но и в их превращении в побуждения к практическим действиям.

Большое практическое значение имеет вопрос о том, от каких факторов зависит процесс превращения идеи, транслируемой системой массовой коммуникации, в личное убеждение человека. Здесь можно отметить два основных фактора: 1) характер и особенности информационного воздействия на общественность; 2) готовность общественности к восприятию той или иной идеи. Для общественности имеют значение такие особенности информационного воздействия, как интенсивность, продолжительность воздействия, авторитет информационного источника, аргументированность пропагандируемых идей.

Готовность масс к восприятию той или иной идеи определяется соотношением их внутренних мыслительных и чувственно-эмоциональных установок содержанию пропагандируемых идей. В свою очередь, внутренние установки личности зависят от её осознания и принятия потребностей общественного развития, от своих индивидуальных потребностей и устремлений, а также от своего личного жизненного опыта. Эти установки зависят и от предыдущих информационных воздействий на личность. Информационное воздействие на личность в целом обладает как непосредственным эффектом, внедряя в его сознание соответствующую идею, так и опосредованным, влияя на формирование установки к восприятию других идей.

В некоторых случаях это информационное воздействие может превалировать над всеми другими названными выше факторами. Тогда человек может приобрести высокую готовность к восприятию идеи, которая объективно не отвечает ни потребностям общественного развития, ни его индивидуальным интересам. Так, к 1937 г. в нашей стране общественность обладала большой готовностью к восприятию идеи «Смерть врагам народа!», хотя объективно массовые репрессии ни интересам страны, ни личным потребностям людей ни в коей мере не соответствовали. Эта готовность была искусственно создана предшествующей идеологической обработкой масс, в частности, усиленной пропагандой идеи об обострении классовой борьбы.

Д.И. Дубровским предложено различать формальные и реальные явления общественного сознания: первые существуют в текстах и коммуникативных актах, а тем самым и в сознаниях людей, но лишены той действенной силы, которая предполагается их содержанием; вторые обладают интенциональной напряжённостью, выражают векторы активности, преобразовательной деятельности, творческого устремления множества людей²¹⁴. Можно дополнить это положение: формальные – это те идеи общественного сознания, которые не стали убеждением масс, либо став ими, не подкрепляются волевой интенцией; реальные – это идеи-убеждения в сочетании с эмоционально-волевым фактором, куда входит и вера в успех реализации цели. В целом действенность общественного сознания является функцией знаний, убеждений и эмоционально-волевых качеств множества людей. При определённой выраженности этих трёх факторов и их определённом сочетании они становятся регуляторами действий масс.

Изложенное позволяет выделить два объективных критерия общественности идей и представлений: 1) включённость их в систему обще-

214 Дубровский Д.И. Стратегия перестройки и проблема сознания // Философские науки. 1987. № 3. С. 12-24.

ственной коммуникации; 2) выполнение ими регулятивной функции в отношении поведения социальных групп, а не только отдельных личностей.

Можно выделять разные степени общественности индивидуальных идей и представлений, понимая под ними меру включённости этих идей в систему коммуникации и в сознания других людей. Например, научная идея, выработанная учёным, есть его личное достояние. Изложенная, скажем, на научной конференции университета, она становится элементом группового сознания, но степень её общественности ещё небольшая. Эта степень будет повышаться, если данную идею опубликовать в научном журнале, центральных газетах, передать по радио, телевидению и т.д. Отдельных индивидов можно характеризовать по степени общественности их сознания на основе ещё одного критерия: чем больше социально значимых проблем и вопросов осознаётся и принимается данной личностью, тем выше степень общественности её сознания. Так осуществляется прямая и обратная связь между общественным и индивидуальным сознанием: определённые элементы индивидуальных сознаний становятся компонентами общественного сознания, формируя его, а каждое индивидуальное сознание само формируется в результате воздействия на него со стороны общественного сознания. При этом влияние индивидуального сознания на общественное особенно велико, когда данное индивидуальное сознание уже достигло относительной зрелости. Влияние же общественного сознания на личное особенно значительно в период становления последнего в ходе обучения и воспитания как форм социализации личности²¹⁵. Данный момент представителями второй из указанных в начале параграфа концепций гипертрофируется.

Общественное сознание нельзя представлять как сумму индивидуальных сознаний. Оно избирательно в отношении результатов деятельности последних: определённые элементы в общественное сознание из индивидуального входят, а другие (связанные преимущественно с личной и бытовой жизнью) – нет. Аналогично обстоит дело и с индивидуальным сознанием, в отношении общественного сознания оно также избирательно: что-то включает в себя, а что-то – нет. Например, отдельные люди могут не знать тех или иных научных положений, политических и религиозных идей, произведений искусства, относящихся к общественному сознанию. Поэтому соотношение содержания сознания одного человека и содержания общественного сознания в целом не может непосредственно характеризоваться понятиями части и целого, а также единичного и общего. Это соотношение выражается в их частичном совпадении и частичном несовпадении: общественное сознание и созна-

215 См.: Губанов Н.Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 52.

ние отдельного человека имеют перекрывающиеся и неперекрывающиеся поля. Притом для разных людей эти поля различны.

Наряду с этим, определённые моменты взаимоотношений индивидуального и общественного сознания могут характеризоваться при посредстве категорий единичного, особенного, общего. В целостной системе общественного сознания можно выделять относительно самостоятельные части, или сферы, которые соотносятся с индивидуальным сознанием как общее с единичным. Каждую такую часть, или сферу, можно назвать групповым, или коллективным, сознанием. Групповое сознание социальной общности охватывает то общее, что содержится в индивидуальном сознании членов этой общности. Так, классовым сознанием могут быть названы те общие и наиболее существенные идеи, взгляды, чувства, которые выражают главные интересы представителей данного класса и присущи большинству его членов. Профессиональным сознанием можно считать те знания, навыки, умения, принципы деятельности, этические нормы, которые отличают большинство представителей данной профессии. Национальное сознание представлено настроениями, чувствами, идеями и взглядами, присущими большинству представителей нации, выражающими их наиболее главные интересы и определяющими направления их деятельности²¹⁶.

Качественная специфичность общественного сознания обуславливается наличием системы общественной коммуникации. В результате взаимодействия имеющихся элементов общественного сознания, обеспечиваемого системой коммуникации, непрерывности существования общественного сознания и в принципе неограниченных возможностей вхождения в него новых компонентов из индивидуальных сознаний, а также использования обществом всей коллективной практики как источника и критерия истинности познания оно обладает гораздо большими возможностями в отражении объективной и субъективной реальности по сравнению с индивидуальным сознанием. Объективно-реальное существование системы коммуникации, в том числе и кодов, в которых зафиксированы результаты духовной деятельности людей, служит одним из условий обеспечения преемственности в развитии общественного сознания. Личное сознание каждого человека исчезает (перестаёт существовать) вместе со смертью последнего. Однако те его элементы, которые были выражены с помощью внешних кодов и включены в систему коммуникации, то есть стали компонентами общественного сознания, не исчезают навсегда, а могут воспроизводиться в сознании других людей. Благодаря этому общественное сознание су-

216 См.: Губанов Н.Н. Формирование, развитие и функционирование ментальности в обществе. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 52-54.

ществует и развивается непрерывно, пока существует само общество.

Онтологический статус общественного сознания состоит в том, что оно «соткано» из определённых элементов индивидуальных сознаний. И в этом смысле следует понимать идеальность общественного сознания, то есть как идеальность элементов индивидуальных сознаний, составляющих его. Исходным же в определении идеального, как показано Д.И. Дубровским, служит его определение в качестве субъективной реальности²¹⁷. Поэтому по своему онтологическому статусу общественное сознание, как и сознание любого отдельного индивида, представляет собой субъективную реальность. Сомнение в этом, выражаемое некоторыми авторами, представляется необоснованным. Оно затрудняло бы разработку проблемы взаимосвязи материального и идеального применительно к обществу. Логическая трудность, порождаемая указанным сомнением, заключается в невозможности представить себе идеальное (общественное сознание), не являющимся субъективной реальностью, ибо если оно не субъективная реальность, то, следовательно, реальность объективная (материальное), так как «третьего» не дано (ниже мы попытаемся объяснить, почему общественное сознание принимает видимость объективной реальности). Поэтому термин «объективное» применительно непосредственно к самому общественному сознанию можно использовать лишь как синоним терминов «адекватное» и «истинное», то есть знание, соответствующее объекту познания²¹⁸.

Когда выше отмечалось, что общественное сознание «соткано» из элементов индивидуальных сознаний, то имелось в виду, что как самостоятельная система, отделённая от индивидуальных сознаний, общественное сознание, даже как субъективная реальность, не существует. Когда вырабатывается понятие «общественное сознание», то при этом мысленно объединяются в систему компоненты индивидуальных сознаний. В реальности же такого *непосредственного* соединения нет. Есть лишь люди, объединённые системой кодов и коммуникации, каждый со своим сознанием. То есть, элементы индивидуальных сознаний взаимодействуют и объединяются в систему общественного сознания не непосредственно, а опосредованно – с помощью внешних кодов и системы коммуникации. Можно лишь предположить, что в отдалённом будущем, когда станут детально расшифровываться нейродинамические

217 Дубровский Д.И. Проблема идеального. М: Мысль.1983. 228 с.; Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследования // Психологический журнал. 1990. № 6. С. 3-15; Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 386 с.; Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Evidentis, 2007. 224 с.

218 Альжанов Р.Г., Губанов Н.И. К проблеме идеальности общественного сознания // Философские науки. 1983. № 3. С. 51-58.

коды психических явлений (сейчас в этом отношении сделаны только первые шаги) и будет возможным непосредственное соединение нервных систем нескольких или многих людей, может быть осуществлено «слияние» сознаний и создание общеличного сознания, материальным носителем которого будут непосредственно соединённые нервные системы множества людей в сочетании с элементами техники. Возможно, в результате этого возникнет качественно новый тип субъективной реальности и идеального. Американский философ Пол Черчленд предполагает, что в этом случае, возможно, люди научатся обмениваться информацией и координировать своё поведение с той же виртуозностью, как это делают полушария одного и того же мозга. Разговорный язык при этом, по его мнению, может просто исчезнуть, а наши библиотеки будут содержать не книги, а записи нейронной активности²¹⁹. Сейчас сказанное относится, конечно, больше к сфере научной фантастики, но происходящий в нейрофизиологии и электронике прогресс может сделать это реальностью.

Против признания объективности существования в качестве онтологического статуса общественного сознания говорит и такой мысленный эксперимент. Если попытаться представить, что всё человечество внезапно исчезло, то, на наш взгляд, можно заключить, что после этого на нашей планете никакого сознания бы не стало – ни личного, ни общественного. Если же попытаться стать на точку зрения представителей третьей из указанных в начале параграфа концепций, то можно заключить, что в этом случае на планете без людей остались бы внеличные формы общественного сознания. А согласно второй точке зрения, общественное сознание, раз оно существует независимо от индивидуальных сознаний, сохранилось бы в полном объёме и после исчезновения всех людей. Этот мысленный эксперимент особенно высвечивает необоснованность концепции о независимости общественного сознания от индивидуального.

§ 5.2. Кодово-семиотический механизм функционирования общественного сознания

Способом передачи информации от одних индивидов и их групп к другим в процессе формирования общественного сознания служат определённые внешние, или трансляционные, коды. Эти коды представляют собой межличностные и внеличные формы существования информации. Часть этих кодов может включаться в непосред-

219 See: Cherchland P. The Nature of Mind. Oxford. 1991. 620 p.

ственно существующую систему коммуникации. Другие коды могут сохраняться некоторое время в социальной памяти без приобщения к наличной системе коммуникации. Одни коды имеют конкретных адресатов, другие – нет. Некоторые коды могут «переживать» своё время. Так, различные тексты и другие предметы культуры, сохраняясь после исчезновения породивших их цивилизаций, «транслируются» к нам из глубины веков и вызывают у нас образы, более или менее аналогичные тем, которые были у создавших эти коды людей.

Для адекватного понимания вопроса о сфере приложимости понятия общественного сознания необходимо иметь в виду, что сознание выступает как единство объективного (относительно адекватного) содержания и субъективной (идеальной, психической) формы. В процессах практической и познавательной деятельности сознание находит внешнее материальное выражение, то есть опредмечивается, или объективируется²²⁰. При этом содержание сознания так или иначе представлено в результатах его опредмечивания. Есть два способа выражения идеальных образов вовне: модельный и собственно знаковый. При первом из них структура внешних кодов-моделей (например, рисунков, чертежей, схем, предметов материального производства) в каких-то отношениях непосредственно соответствует структуре идеальных образов. Последовательность возникновения кодов-моделей также соответствует последовательности идеальных образов субъекта. При собственно знаковом способе выражения структура идеальных образов в знаках внешнего кода (например, в словах) не представлена.

Ясное понимание процесса коммуникации и локализации в нём ментальных явлений требует определения категорий знака, образа и модели. Знак – это такое явление, которое, не имея структурного соответствия, или сходства, с другим каким-либо явлением, способно представлять или замещать его в определённых процессах²²¹. Передача информации здесь основана на знании участниками коммуникативного акта семантических значений используемых знаков. Значение знака – это та информация, которая существует в виде образа предмета, обозначенного данным знаком, и способная актуализироваться им при его воздействии на адресат. При знаковом способе внешнего выражения идеальных образов содержание сознания коммуникатора тоже представлено во внешнем коде, но лишь в том отношении, что последовательность и связь знаков кода

220 Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М: Наука, 1980. 358 с.; Лекторский В.А. Псевдонаучное знание в современной культуре // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 3-7.

221 Губанов Н.И. О специфике знака // Философские науки. 1981. № 4. С. 56-64. Губанов Н.И. О соотношении знака, образа, модели и кода // Категория образа в марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск: изд-во УрГУ, 1986. С. 41-48.

соответствуют последовательности и связям образов этого субъекта.

Для обеспечения ясности изложения дадим определения понятий образа, информации, модели. Образ – это всякое явление сознания, которое находится в отношении подобия с отражаемым объектом. Подобие есть соответствие характеристик образа свойствам и структуре объекта. Благодаря подобию образы содержат определённую информацию об объектах. Информация – это адекватное отражение объектов, которое может быть использовано для создания моделей других объектов и различных процессов и их последующей реализации. Сходство между образом и знаком состоит в том, что и тот, и другой могут замещать или представлять свой денотат, только образ сам по себе содержит информацию об объекте, а знак, взятый автономно, такой информации не содержит. Он может актуализировать информацию только в условиях знаковой ситуации. Модель – это материальная или ментальная система, обладающая подобием со своим оригиналом. Ментальные модели – это образы.

Итак, содержание сознания субъекта, передающего информацию, представлено во внешних кодах. Однако это не даёт оснований считать, что общественное сознание, или коллективное духовное, существует в виде предметов культуры. Сознание, как отмечалось, есть единство объективного содержания и субъективной формы. Содержание сознания в силу своей объективности может отделяться от субъекта и опредмечиваться. Субъективная форма сознания от личности неотделима. Поэтому то трансляционные коды – это не само общественное сознание, а его опредмеченное содержание, не имеющее в самих внешних кодах субъективного, то есть идеального, проявления. Эти коды могут быть охарактеризованы лишь как возможность возникновения при условии их взаимодействия с субъектом соответствующих актов сознания, но не как само общественное сознание.

Как справедливо отмечает В.В. Ильин, «текст сам по себе значения не содержит. Как физический объект текст – испорченная бумага. Она может стать носителем знания лишь в случае непосредственного контакта с реципиентом. Таким образом, знание – не в тексте, а во взаимодействии (усвоении и присвоении) субъекта с содержанием текста, в процессе дешифровки знаков, их интерпретации, символической, семантической атрибуции»²²².

Определяющим из двух способов внешнего выражения идеальных образов является знаковый способ. Модельная форма внешнего выражения образов базируется на знаковом механизме, поскольку

222 Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: изд-во МГУ, 1993. С. 108.

сами модели (чертежи, схемы и др.) формируются при посредстве особых знаков. Модель содержит информацию как непосредственно в своей структуре, так и в связи со значениями входящих в неё знаков. Это обязывает сосредоточить внимание на анализе знакового механизма коммуникации.

Трансляционные коды как системы знаков и моделей не являются ни общественным сознанием, ни его непосредственным материальным носителем. Таким единственным носителем сознания (индивидуального и общественного) выступает высокоорганизованная материя – нейродинамические системы головного мозга. Моменты идеального, как в некоторых внутриличностных кодах (нейродинамических системах головного мозга), в трансляционных кодах отсутствуют. Эти коды не имеют внутренней обращённости, субъективного проявления. Например, книга, изданная сто лет назад, равно как и в настоящее время, не есть форма общественного сознания и не содержит его в себе, как не держит в себе и идеального. Книга содержит в себе лишь возможность вызывать у субъекта при определённых условиях соответствующие феномены сознания. Содержанием общественного сознания является информация в виде идеальных образов, в книге же информации в таком виде нет. В ней имеется только материальное знаковое выражение идеальных образов, но не они сами. При написании книги идеальные образы писателя не переходят в неё, а выражаются в ней в виде системы знаков. Поэтому и содержанием книги является не общественное сознание и не знание, а лишь система знаков, которую следует считать не отражением действительности, а только её *кодовой репрезентацией*. Отражением же действительности являются значения знаков кода (идеальные образы: понятия, представления, восприятия, ощущения), локализованные в головах субъектов. Знания, отсутствующие в книге самой по себе, возникают (вызываются) под действием знаков книги только в голове читающего.

Когда, прочитав книгу, в обыденной жизни говорят, что её содержанием являются те или иные теории, то при этом к знакам книжного кода бессознательно добавляются смысловые значения, имевшиеся у субъекта. В самой же книге этих значений нет. Иллюзорный характер представления о том, что в книге самой по себе (или в любых знаках вообще) содержатся идеальные значения (мысли, представления и др.), легко обнаруживается, например, в том случае, когда книгу пытается читать человек, не обладающий значениями использованных автором терминов. Для такого читателя эта книга будет, как говорится, за семью печатями: он не может сказать, какие идеи и теории выражены в ней. Как справедливо отмечает А.М. Анисов, «синтак-

сические образования находятся в случайном отношении к семантическим значениям. Звучащая и письменная речь – это результат конвенции, частью стихийной, частью сознательной, принятой одной группой людей и неведомой для остальных человеческих существ, не знакомых с её правилами»²²³.

Чтобы не сложилось впечатление, что под действием знаков внешнего кода у человека актуализируются лишь те значения, которые у него уже имеются, необходимо отметить следующее важное обстоятельство. Код есть упорядоченная система знаков, находящихся в определённых отношениях и связях друг с другом. Значения у субъекта также связаны друг с другом, поскольку «в памяти индивида фиксируется не дискретное множество значений отдельных слов, а семантическая система данного языка, которая как бы очерчивает границы возможного употребления каждого слова. Семантическая система является интерсубъективной, общей для всех носителей данного языка»²²⁴. Что же происходит при восприятии знака и кода в целом? Знак только актуализирует значение, а код ещё и устанавливает новые связи между значениями, ставит их в определённые новые отношения друг к другу. За счёт формирования этих вновь устанавливаемых связей и отношений у адресата и возникает новое знание, в том числе и новые значения.

Общественное сознание, являясь субъективной реальностью, принимает видимость реальности объективной в силу того, что независимо от сознания данного человека существуют сознания других людей и потому ещё, что объективно-реально существуют система общественной коммуникации, в которую индивид должен так или иначе включаться, и трансляционные коды, в которых воплощена информация, добытая всеми поколениями людей, в том числе и прежними. Система коммуникации и коды и отождествляются нередко с носителями общественного сознания. У человека возникает иллюзия, что, имея с ними дело, он непосредственно имеет дело с общественным сознанием. В действительности же это материальные каналы передачи информации между индивидами и её материальные источники, за которыми стоят другие индивиды – истинные носители и творцы общественного сознания.

Трансляционные коды, как отмечалось, представляют собой системы материальных знаков и моделей. С их помощью мысли и чувства одних людей становятся достоянием других. Важно то, что мысли и другие

223 Анисов А.М. Типы существования // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 108.

224 См: Брудный А.А. Коммуникация и семантика // Вопросы философии. 1972. № 4. С. 42-53.

идеальные образы как таковые от одних людей к другим не передаются. Передаются лишь материальные знаки и модели. И если человек знает семантическое значение (смысл) используемых знаков, то они вызывают у него мысль, которая была у первого человека, то есть один человек не передаёт свою мысль другому, а *вызывает* её у него *в голове* посредством соответствующего материального воздействия в виде знаков. Если же другой человек значениями знаков, применяемых при коммуникации, не располагает, то он воспринимает посылаемый ему код просто как физическое явление («пустой звук»), и не сможет (по крайней мере, в данный момент) расшифровать заключённую в нём информацию и представить её в форме идеальных образов. Так бывает, к примеру, при слушании речи на незнакомом языке.

Механизм воздействия знаков на адресата при восприятии им информации заключается в том, что знаки *актуализируют*, пробуждают у него уже имеющиеся значения, то есть идеальные образы тех объектов, которые обозначены данными знаками. При передаче же информации от данного субъекта вовне его идеальные образы *выражаются* с помощью соответствующих знаков, но сами по себе эти образы в знаки не входят. Актуализация значений (образов) знаками и обратное их выражение вовне в виде знаков осуществляется благодаря наличию временной связи между отражением знака в *мозге* адресата и отражением в *мозге* обозначенного предмета. Нервное возбуждение, вызванное воздействием знака, приводит к активации нейродинамической системы, являющейся кодом значения, то есть образа обозначенного предмета.

Психологически актуализация значения и отнесение знака к предмету обозначения происходит в виде ассоциации, протекающей бессознательно: восприятие знака переживается как образ самого обозначенного предмета. Бессознательный характер актуализации значения служит, на наш взгляд, психологической причиной довольно распространённого убеждения, будто коммуникативный знак в самом себе содержит значение. Так, согласно А.М. Минасяну, «знак является единством идеального содержания и материального средства его выражения»²²⁵. Это приводит данного автора к выводу о том, что материальные предметы культуры сами по себе, без человека, обладают идеальной сущностью.

Аналогичной точки зрения придерживался К. Поппер, полагавший, что знаки на бумаге содержат объективное знание, образующее особый автономный третий мир²²⁶. Чтобы помочь лучше уяснить это положение

225 Минасян А.М. Диалектический материализм (учение о сознании). Ростов на Дону. 1974. С. 47.

226 Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. Работы / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. С. 450-451.

ние, К. Поппер предлагал следующий мысленный эксперимент: представим себе, что человеческий род исчез, а библиотеки остались. Книги из этих библиотек могут быть дешифрованы, скажем, пришельцами из космоса. Это, по мнению К. Поппера, свидетельствует об объективном нахождении в книгах знания²²⁷.

Пришельцы действительно могут дешифровать земной текст, но только в том случае, если он будет содержать какие-то понятные им знаки и изображения (графики, иллюстрации, чертежи, схемы, диаграммы), то есть если пришельцы уже будут обладать значениями некоторых элементов текста. Другим элементам текста значения будут приписаны.

Говоря о взглядах К. Поппера на процесс функционирования знания, интересно отметить, что его положение о нахождении в знаках значений противоречит его же положению о внепространственности и вневременности третьего мира. Логично было бы считать, что, если значения – как знание, выраженное в актах коммуникации, – находятся в знаках, следовательно, знание – как совокупность значений – локализовано в пространстве, а именно – в том пространстве, которое занимают эти знаки. Этот вывод был бы, конечно, неверным (так как значения локализованы в мозге субъекта), но он показывает противоречие во взглядах К. Поппера: то знание, по одному его выражению, находится в знаках, то оно, по другому его выражению, нигде не находится, существует вне пространства и времени. Значения, действительно локализованы в пространстве, но не в пространстве текста – системы знаков – а в пространстве мозга, именно соответствующих нейродинамических систем. И современная психофизиология как раз и начала решать эту проблему.

Мы ещё раз видим, как трудно избежать разных противоречий, если принимать положение о внепространственности ментальных явлений. К. Поппер, отмечая, что к третьему миру «относится содержание журналов, книг и библиотек»²²⁸, уже допускает пространственную локализацию знания, поскольку перечисленные им предметы пространственно локализованы. Отмеченное противоречие во взглядах К. Поппера аналогично противоречию во взглядах Р. Декарта, который, как отмечалось, считал, что, с одной стороны, душа не обладает пространственными свойствами, а с другой стороны, взаимодействует с телом в шишковидной железе, то есть в определённом месте пространства.

Положение о том, что знаки сами по себе не содержат в себе значений, последовательно отстаивает, критикуя по этому вопросу К. Поппера,

227 См.: Там же.

228 Там же. С. 440-441.

пера, А.М. Анисов. По его справедливому замечанию, «тексты сами по себе – мёртвые груды клякс на бумаге. Даже если в результате её функционирования удалось получить за приемлемый промежуток времени нечто достойное внимания, то это означает лишь, что нашлась комбинация синтаксических значков, которой можно приписать смысл, т.е. его там не было, он был сопоставлен значкам в тот момент, когда текст был прочитан... Изначально текст как физический объект лишён семантических характеристик»²²⁹.

Мы полностью солидарны с А.М. Анисовым в том, что само знание не содержится в текстах и других культурных продуктах, как таковых. «Оно целиком принадлежит ментальному миру...»²³⁰. Но мы не можем признать правильной его аналогию, согласно которой, «отношение знаний к текстам примерно такое же, как отношение мозга к мышлению... Разделяемая многими мысль о том, что в физических значках воплощены ментальные объекты, сродни не менее широко распространённой мысли, что в нейронах, синапсах и прочих структурах мозга скрыта тайна мышления. Эти точки зрения ошибочны»²³¹.

В буквенных значках, также как и в других трансляционных кодах, созданных людьми, действительно не содержится значений и каких-либо идеальных образований. Но совершенно по-другому обстоит дело с нейродинамическими кодами головного мозга человека и высших животных. *Это единственный пока из известных тип кодов, которые обладают способностью субъективного проявления, внутренней обращённости.* Содержащаяся в них информация переживается человеком или животным как образы и различные ментальные состояния. Нейродинамические коды головного мозга – это то место, где зарождаются ощущения и другие психические переживания – то, что можно именовать душой. Поэтому то расшифровка нейродинамических кодов – магистральное направление в исследовании проблемы «сознание и мозг».

Информационный процесс в трансляционных кодах целиком материален, он не содержит в себе идеальной (субъективно-реальной) компоненты. Информационный же процесс в нейродинамических кодах головного мозга как бы удваивается: он существует материально как мозговая нейродинамика функциональных систем; наряду с этим он имеет субъективное проявление, переживается субъектом как «чистая» информация об отражаемой реальности.

Притом, с точки зрения третьего лица мозговой информацион-

229 Анисов А.М. Типы существования // Вопросы философии. 2001. №7. С. 110.

230 Там же. С. 111.

231 Там же. С.111.

ный процесс чисто объективен, и сторонний наблюдатель никаких ощущений, мыслей и других ментальных явлений в мозге другого человека не обнаружит. Был прав Г. Лейбниц, который писал: вы можете вообразить увеличенный мозг и войти в него как в мельницу, увидеть происходящее там, но не обнаружить ничего, что напоминало бы мышление²³². С точки же зрения первого лица мозговой информационный процесс субъективен, то есть в самонаблюдении он переживается как ощущения, мышление, эмоции и другие ментальные явления. А материальный носитель этих ментальных явлений скрыт от первого лица.

Как конкретно осуществляется субъективное проявление материального информационного процесса, то есть, как материя становится чувствующей (ощущающей) и возникает ментальное, совершенно непонятно. Это – фундаментальная, нерешённая ещё, проблема философии и науки. Можно пока лишь предположить, что информационные процессы приобретают способность к субъективному проявлению, то есть порождению духа, в ходе эволюции при достижении ими какого-то критического уровня сложности.

Иллюзия о том, что идеальное значение содержится в знаке, дала о себе знать в языке, в частности, обусловила выражение: «Знак обладает значением». В отечественной литературе показано, что «знак не может существовать без значения», в то же время «оно не может находиться «внутри» материала знака»²³³. Разрешение антиномии «значение находится и не находится в знаке» может быть следующим: *значение, идеальное по своей природе, локализовано в субъекте (в нейродинамических кодах его головного мозга), но актуализируется оно знаком*. Оно является свойством не одного субъекта и не одного знака, а всей знаковой ситуации. Значение есть не просто образ предмета, взятый автономно, а образ, соотносённый в знаковой ситуации со знаком, обозначающим данный предмет. Хотя языковую практику перестраивать трудно, но следовало бы не говорить: «Знак обладает значением», а говорить: «Знак характеризуется соотносимым с ним значением», «Знак актуализирует значение», «Значение, соответствующее знаку» и т.п. Обладает же значением в буквальном смысле слова только субъект. Иллюзорный характер представления о локализации значения в знаке выявляется, как уже отмечалось, в случае, когда субъект имеет дело с незнакомыми знаками и воспринимает их просто как физические явления.

Изложенное позволяет предложить следующую схему односторон-

232 Лейбниц Г. Монадология / Соч. в 4-х т. Т.1. М.: Мысль, 1982. С. 415.

233 Нарский И.С. Проблема значения знака // Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Т.2. М.: Мысль, 1970. С. 56.

него коммуникативного акта: идеальный образ (или образы) у передающего информацию – кодовое преобразование (выражение образов) – система материальных знаков в канале связи (код-модель или код-немодель) – кодовое преобразование (актуализация значений и установление новых связей между ними) – идеальный образ (или образы) у воспринимающего информацию. Как видим, идеальные образы, составляющие индивидуальное и общественное сознание, присущи только начальному и конечному звеньям системы коммуникации, вне субъектов их нет. Таким образом, все явления общественного сознания локализованы только в головах людей – творцов и воспримников духовных ценностей. Полной идентичности образов у передающего информацию и воспринимающего её нет, но определённое подобие имеет место.

Сказанное показывает, что условиями функционирования того или иного конкретного содержания общественного сознания выступают два фактора: 1) восприятие определённым множеством людей кода (системы знаков), сохраняющего и несущего в себе социально значимую информацию; 2) наличие у этого множества людей значений знаков, которыми закодирована данная информация. Указанные два фактора могут быть квалифицированы как *возможность* существования того или иного конкретного феномена общественного сознания. При их совмещении эта возможность реализуется. Поэтому то внешний код сам по себе не может быть охарактеризован как явление общественного сознания.

Процессы приобретения значения знаков и получения информации данного конкретного содержания могут осуществляться по разным каналам. Например, значения речевых знаков (слов) естественного языка современный человек приобретает в процессе непосредственного обиденного общения и на уроках в школе, а содержание художественного произведения, скажем Ф.М. Достоевского, он усваивает по другому каналу – посредством чтения рукописи или многократно переизданной книги. В результате этого те мысли, которые были у писателя, допустим прошлого века, с какой-то степенью точности воспроизводятся современным читателем.

Благодаря тому, что человечество в своей непосредственной жизни в сознании людей хранит значения знаков, в которых фиксировались мысли и чувства деятелей культуры прошлого, возможно наше приобщение к их духовному миру и осуществление преемственности в процессе развития общественного сознания. Информация о значениях самих знаков тоже может быть материально зафиксирована в других знаках, но какие-то исходные значения должны сохраняться в живом

языке, общении и сознании людей. Без этого, как и без сохранения самих знаков трансляционных кодов, преемственность в развитии общественного сознания была бы невозможной. Например, произведения мастеров живописи прошлого понятны нам благодаря тому, что мы сохраняем значения знаков психических состояний людей, таких как выражения лица, выражения глаз, позы и т.д. В связи с тем, что значения подобных знаков известны практически всем людям, следует согласиться с Л. Фейхтвангером в том, что живопись есть всеобщий язык. В процессе развития общества значения знаков, используемых для формирования художественных образов, могут обогащаться и наполняться новым содержанием. При этом значения, которые были весьма актуальными при создании данного художественного произведения, в той или иной мере могут терять степень своей актуальности с изменением общественно-исторической действительности. В силу этого художественное произведение в другую историческую эпоху может получать новое истолкование.

На основе изложенного в данном параграфе можно сделать некоторые выводы. Онтологический статус общественного сознания (коллективного духовного) заключается в том, что оно существует лишь посредством множества индивидуальных сознаний. Фактором, непосредственно интегрирующим социально значимые элементы индивидуальных сознаний в сознание общественное, служит система общественной коммуникации. Общественное сознание идеально, и эта идеальность состоит в том, что оно есть субъективная реальность. Внешние коды как совокупности материальных знаков в системе коммуникации сами по себе качеством идеального не обладают. Идеальными являются лишь ментальные образы – значения знаков, то есть информация, воплощённая в определённых внутренних кодах (нейродинамических системах) и способная актуализироваться внешними знаками. Явления общественного сознания как совокупности значений коммуникативных знаков локализованы в головах конкретных людей, включённых в систему общественной коммуникации и являющихся либо творцами, либо реципиентами общественных идей, а во многих случаях и теми, и другими.

В последнее время весьма интенсивно обсуждается концепция расширенной психики²³⁴. Её авторами являются Э. Кларк и Д. Чалмерс. В их совместной работе «Расширенная психика» они пишут, что при определённых условиях компоненты нашей психики могут быть, как

234 См.: Сущин М.А. Где находятся убеждения Отто? О концепции расширенной психики // Вопросы философии. 2013. №8. С. 166-174.

они говорят, «расширены в мир» за пределы субъекта²³⁵. Работа привлекла внимание многих философов, психологов и специалистов по когнитивной науке, вызвав оживлённую дискуссию. Результаты этой дискуссии были частично отражены в вышедшей коллективной монографии «Расширенная психика»²³⁶. Э. Кларк и Д. Чалмерс были не одиноки в стремлении обосновать концепцию расширенной психики. Так, Д. Деннет в работе, посвящённой типам психики и интенциональности, высказал следующее предположение: первопричина более высокого интеллекта гоминид в сравнении с другими видами кроется вовсе не в большей вместительной способности их мозга (несколько большей, чем у близких нам видов, но меньшей, чем у дельфинов и китов), а в более эффективном умении выгружать когнитивные процессы, в том числе «наши мысли (т.е. наши мыслительные проекты и деятельность) в окружающий нас мир». Он способен «хранить, перерабатывать и по-новому представлять наши смыслы, направляя, усиливая и защищая процессы преобразования, которые и есть наше мышление. Эта широко распространённая практика выгрузки освобождает нас от ограниченности нашего животного мозга»²³⁷.

Сходные идеи о возможности перехода ментальных процессов за пределы нервной системы непосредственно в среду высказывали и другие исследователи²³⁸. Однако наиболее активно эту идею отстаивают А. Кларк и Д. Чалмерс. Свой подход они называют «активным экстернализмом». Они пишут: «Мы будем утверждать, что убеждения могут быть частично конституированы свойствами среды, когда те играют правильную роль в управлении когнитивными процессами. И если это верно, то психика расширяется в мир»²³⁹. Они обосновывают свою идею с помощью следующего мысленного эксперимента. Инга узнаёт от друга, что в музее современного искусства проходит интересная выставка и решает посетить её. Она задумывается на секунду, вспоминает, что музей расположен на 53-й улице, идёт на 53-ю улицу и приходит в музей. Теперь другая ситуация. Отто страдает от болезни Альцгеймера, и дабы упорядочивать свою жизнь, он, подобно многим пациентам с этой же болезнью, полагается на информацию, расположенную в среде. Отто всегда берёт с собой свою записную книжку, куда бы ни пошёл. Для Отто она играет ту же роль, которую обычно выполняет биологическая па-

235 See: Clark A., Chalners D. *The Extended Mind // Analisis*. 1998. Vol. 58. P. 3-18.

236 See: *The Extended Mind*. Menary R (ed.). Cambridge, MA, 2010.

237 Деннет Д. *Виды психики*. М., 2004. С. 140.

238 Gelder T. van, Port R. *Its About Time: An Overview of the Dynamical Approach to Cognition / Mind as Motion*. Gelder T. van, Port R. (eds.). Cambrdg, MA. 1995. 436 p.

239 Clark A., Chalners D. *The Extended Mind // Analisis*. 1998. Vol. 58. P.12.

мать. Сегодня Отто узнаёт о выставке современного искусства и решает посетить её. Он заглядывает в книжку и выясняет, что музей расположен на 53-й улице, идёт туда и приходит в музей. На основе этого Кларк и Чалмерс утверждают, что некоторые убеждения (т.е. ментальные факторы) Отто могут храниться в его записной книжке.

Данная концепция расширенной психики базируется на непонимании природы знака, значения и сущности коммуникации, представления о которых были изложены в этом параграфе. Ситуация с Отто не является уникальной: все без исключения люди пользуются справочниками, книгами, тетрадями, записками, визитными карточками, атласами, путеводителями, компьютерами, айфонами, шпаргалками и другими информационными средствами чтобы правильно ориентироваться в мире, давать верные ответы и совершать адекватные действия. Принципиальной разницы между Ингой и Отто нет: Инга помнит адрес музея, а Отто – нет. Но Инга не помнит или не знает массу других адресов (ресторанов, кафе, парикмахерских и т.д.). Она пользуется справочником. И в этом она ничем не отличается от Отто и других людей. Отто не помнит адрес музея, но помнит, что этот адрес помещён в записную книжку. Записная книжка Отто, справочник и другие информационные материалы Инги и других людей – это системы знаков, которые никакой психики, ментальности, мысли в себе не содержат. Эти знаки *актуализируют знания у Инги, Отто и других людей, если они обладают значениями знаков, возможно различающимися. И актуализируются они только в сознании этих людей и нигде более.* Так что психика никуда за пределы субъекта при использовании внешних кодов не выходит. Коды как системы внешних знаков служат не носителями ментальных явлений, а условием их «пробуждения», актуализации.

К сожалению, представители англо-американской аналитической философии не знакомы с нашей отечественной философией, которая давно уже раскрыла кодово-семиотический механизм коммуникации, природу знака и значения в трудах И.С. Нарского, В.С. Тюттина, Д.И. Дубровского, Н.И. Губанова. В свете работ отмеченных авторов дискуссии о «внешних убеждениях Отто» выглядят несколько наивными, устаревшими на 4 десятка лет, поскольку повторяют ошибку советского философа А.М. Минасяна и его последователей о том, что явления общественного сознания непосредственно локализованы в предметах культуры и сохраняются там в отсутствие людей; даже клинописный текст исчезнувшей цивилизации, как отмечалось, согласно А.М. Минасяну, содержит идеальные сущности²⁴⁰.

240 Минасян А.М. Диалектический материализм (учение о сознании). Ростов на

Мы подвергли ранее критике концепцию персонализма, растворяющую, на наш взгляд, ментальные явления в системе перцептивно-предметной деятельности и общественных отношений. Концепция расширенной психики растворяет ментальные явления в знаковых системах, которые сейчас используются людьми. Хочется надеяться, что учёт изложенных в нашей монографии аргументов позволит достичь консенсуса в вопросе о локализации ментальных явлений.

До сих пор, несмотря на большие усилия философов, психологов, нейрофизиологов, остаётся не решённой проблема, которую наиболее чётко сформулировал И.П. Павлов: «Каким образом материя мозга производит субъективное явление?»²⁴¹. То есть, как материя становится ощущающей, а затем и мыслящей? В англоязычной литературе эту проблему именуют «трудной проблемой сознания»²⁴².

Выход ментальных явлений за пределы мозга, вернее появление новой формы сознания и интеллекта как его части, возможны, по-видимому, только в случае создания искусственной информационной системы, которая по сложности должна быть сравнима с мозгом, станет способной решать творческие и нравственные проблемы, и превратится в личность. Допустимо, как предполагают сторонники движения «Россия 2045», использование искусственной системы для перемещения в неё духовного мира (т.е. душ) существующих людей. Средством, позволяющим судить, стала ли искусственная система обладать сознанием и превратилась в личность, может служить тест А. Тьюринга: если в результате неограниченно долгого (но не визуального) общения с компьютером и обсуждения любых тем у человека возникло впечатление, что он общался с человеком (не обязательно умным), то следует признать, что искусственная система приобрела сознание и стала личностью. Правомерен ли этот тест? Здесь сознание – сущность, а речь – явления. Если две системы явлений *полностью* совпадают, то и их сущности *одинаковы*. Следовательно, тест правомерен. В противоположном случае мы должны признать, что явления (речь) могут быть без сущности (сознания), а это противоречит принципу единства сущности и явления. Заметим, что здесь нами не решается вопрос о возможности создания полноценного искусственного интеллекта, такая возможность допускается условно.

Дону, 1974. Глава 1.

²⁴¹ См.: Павлов И.П. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. Т.2. Кн. 2. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1951. С.247.

²⁴² See: Chulmers D.Y. Fasing up tu the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. № 2 (3). P.16-38.

Заключение

Изложенное в работе позволяет сделать следующее заключение. Ментальные явления, или идеальное, представляющее собой мысленные образы, самосознание, эмоции, волю, обладает пространственной локализацией, но эта локализация в непосредственном переживании для субъекта элиминирована, как элиминировано и то, что органом мышления выступает головной мозг, в силу чего возникает иллюзия о внепространственности мысли и её самостоятельном (без материального носителя) существовании. Ментальные явления локализованы там же, где локализованы их нейродинамические коды, а именно – в пространстве головного мозга.

Мнение о том, что идеальный образ является своеобразным, локализованным во внешней среде, дубликатом объекта, построенным системой двигательных актов, совершаемых органами чувств и конечностями, является необоснованным. Операционально-эффекторная концепция локализации чувственного образа явно расходится с фактическим материалом науки, хотя при поверхностном подходе она кажется соответствующей тезису о роли практической деятельности в познании. О её неприемлемости говорят, в частности, следующие данные: наличие зрительных и акустических галлюцинаций после соответственно двухстороннего удаления глаз и двухсторонней перерезки слуховых нервов; осуществление зрительного восприятия также и в условиях неподвижности глазных мышц, вызванной большой дозой курарэ; возникновение ощущений и других психических феноменов в результате непосредственного раздражения головного мозга электрическим током; наличие локально переживаемых фантомных ощущений и болей после ампутации конечностей. Эти же данные показывают, что локализованы идеальные образы в головном мозгу, то есть там же, где локализованы непосредственные материальные носители этих образов.

Идеальное, составляющее чувственные образы, обладает четырьмя пространственными характеристиками: пространственной локализацией, пространственной проекцией, или экстрапроекцией, протяжённостью в трёх измерениях и пространственной структурой. В силу экстрапроекции чувственное познание обладает свойством предметности: чувственные образы переживаются не как состояния нервной системы, а как отображённые свойства внешних объектов.

Пространственная структура экстрапроекции чувственных образов, её видимая локализация в пространстве, протяжённость в трёх направлениях непосредственно даны личности и представляют собой

ментальное пространство. В условиях адекватного восприятия ментальное пространство в значительной степени совпадает с физическим пространством. Благодаря этому человек в целом правильно воспринимает пространственные характеристики внешнего мира, успешно ориентируется и действует в нём. Факт такой успешной ориентировки и деятельности, служащей определённой формой практики, и подтверждает положение об относительном совпадении ментального и физического пространства.

Формирование ментального пространства как активный процесс происходит за счёт внутреннего и внешнего источников и представляет собой взаимодействие перцептивных категорий, ожиданий и установок, выражающих состояние субъекта, с текущими по эфферентным нервам сенсорными данными, репрезентирующими свойства воспринимаемых объектов.

В условиях адекватного восприятия экстрапроекция чувственных образов порождает впечатление тождества образа и внешнего предмета. А это впечатление, в свою очередь, обуславливает наивно-реалистическую установку и не позволяет выявлять факт существования ментального пространства: человеку кажется, что внешние предметы даны ему непосредственно (а не с помощью образов, как есть на самом деле) и существует только внешнее, объективное пространство – пространство воспринимаемых предметов.

Факт существования ментального пространства выявляется в условиях неадекватного восприятия и при изменённых состояниях сознания, в частности, при сновидениях, иллюзиях, в том числе миражах, галлюцинациях. При иллюзиях, и особенно галлюцинациях, в том числе сновидениях, ментальное пространство значительно, а часто и кардинально, отличается от физического пространства. Это подтверждается фактом нарушения ориентировки и деятельности субъекта в окружающей среде. При психических и некоторых физических иллюзиях экстрапроекция образов соответствует положению воспринимаемых объектов, но структура проекции образа не соответствует структуре объекта. Поэтому при иллюзии предмет воспринимается находящимся на своём действительном месте, но не в том виде, который ему присущ на самом деле. При иллюзиях-миражах предмет воспринимается в относительно правильном или искажённом виде не в том месте пространства, где он реально находится.

При галлюцинациях (в том числе и сновидениях) ни экстрапроекция образов, ни пространственная структура проекций образов не соответствуют местоположению и структуре каких-либо находящихся вокруг человека объектов. То есть, в случае галлюцинаций соот-

ветствие пространственных параметров галлюцинаторных образов пространственным характеристикам объективной действительности, в которой непосредственно находится субъект, вообще отсутствует. Здесь ментальное пространство одно, а физическое – совсем другое. При миражах предметы воспринимаются в правильном, а чаще искаженном виде, не в том месте пространства, где они физически находятся. Здесь тоже ментальное пространство – именно перцептивное пространство – значительно отличается от физического.

Это то отличие их друг от друга, диссоциация ментального и физического, субъективного и объективного пространства, и выявляет факт существования ментального пространства. Отмеченное отличие, или диссоциация, фиксируется обычно не самим субъектом, находящимся в условиях неадекватного восприятия, а другим лицом, при психической патологии – врачом. Таким образом, изучение неадекватных условий восприятия и изменённых состояний сознания имеет важное значение для правильного понимания пространственной локализации и проекции ментальных явлений.

Для решения вопроса о локализации духовных явлений, относящихся к общественному сознанию, необходимо рассмотреть соотношение индивидуального и общественного сознания.

В соответствии с кодово-семиотическим подходом, общественное сознание есть совокупность индивидуальных по происхождению социально значимых идеальных образов и других ментальных явлений, находящихся внешне выражение в виде множества материальных знаков, объединённых в коды, подлежащие хранению и включению в систему общественной коммуникации. Эти коды способны вызывать у других членов общества, обладающих значениями коммуникативных знаков и имеющих доступ к тем или иным звеньям сети коммуникации, соответствующие идеальные образы и другие переживания, которые начинают выполнять регулятивную функцию не только в отношении отдельных людей, но и их больших социальных групп.

Способом передачи информации от одних индивидов и их групп к другим в процессе формирования общественного сознания служат определённые внешние, или трансляционные, коды. Имеются два способа выражения идеальных образов вовне: модельный и собственно знаковый. При первом из них структура внешних кодов-моделей (например, рисунков, чертежей, схем, предметов материального производства) в каких-то отношениях непосредственно соответствует структуре идеальных образов. Последовательность возникновения кодов-моделей также соответствует последовательности идеальных образов субъекта. При собственно знаковом способе выражения

структура идеальных образов в знаках внешнего кода (например, в словах) не представлена.

Определяющим из двух способов внешнего выражения идеальных образов является знаковый способ. Модельная форма внешнего выражения образов базируется на знаковом механизме, поскольку сами модели (чертежи, схемы и др.) формируются при посредстве особых знаков. Модель содержит информацию как непосредственно в своей структуре, так и в связи со значениями входящих в неё знаков. Это обязывает сосредоточить внимание на анализе знакового механизма коммуникации.

На основе такого анализа можно предложить следующую схему одностороннего коммуникативного акта: идеальный образ (или образы) у субъекта, передающего информацию, – кодовое нейродинамическое преобразование (выражение образов) – система материальных знаков в канале связи (трансляционный код-модель или код-немодель) – кодовое нейродинамическое преобразование (актуализация значений и установление новых связей между ними) у субъекта, воспринимающего информацию, – идеальный образ (или образы) у воспринимающего информацию субъекта. Полной идентичности образов у передающего и воспринимающего информацию нет, но определённое подобие имеет место. Как видим, идеальные образы, составляющие индивидуальное и общественное сознание, присущи только начальному и конечному звеньям системы коммуникации, вне субъектов их нет. Таким образом, все явления общественного сознания локализованы только в головах людей – творцов и восприимчивых духовных ценностей.

Список использованной литературы

1. Абрамян Л.А. Понятие реальности // Вопросы философии. 1980. № 11. С. 102-114.
2. Августин Аврелий. Исповедь. М.: Ренессанс, СП ИВО Сид. 1991. 488 с.
3. Августин Аврелий. Об истинной религии // Блаженный Августин Иппонийский. Творения. М.: 1997. С. 1-95.
4. Августин Аврелий. О граде Божием // Августин Аврелий. Еп. Иппонийский. Творения. Т. 3. Спб., Киев: 1998.
5. Августин Аврелий (Блаженный Августин). О количестве души // http://dugward.ru/library/avgustin/avgustin_o_kolichestve_dushi.html Дата доступа 27.11.2015.
6. Агаджанян Н.А., Смирнов В.М. Нормальная физиология. Гл.16. Сенсорные системы. М.: Медицинское информационное агентство. 2009. С. 391-424.
7. Алексеев П.В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. М.: изд-во МГУ. 1983. 344 с.
8. Альжанов Р.Г. К проблеме идеальности общественного сознания // Философские науки. 1983. № 3. С. 51-58.
9. Альтман Я.А., Дубровский Н.А. Пространственный слух // Физиология сенсорных систем. Ч.2. Л.: Наука, 1972. С. 406-416.
10. Альтман Я.А. Слуховая система // Физиология сенсорных систем. Л.: Медицина, 1976. С. 159-198.
11. Анисов А.М. Типы существования // Вопросы философии. 2011. №7. С. 100-112.
12. Аристотель. О душе // Соч. в 4-х т.Т. 1. М.: Мысль. 1976. С. 369-450.
13. Аристотель. Физика // Соч. в 4-х т. Т. 3 / Пер. с греч. М.: Мысль. 1981. С. 59-262.
14. Бабский Е.Б., Косицкий Г.И., Ходоров Б.И. и др. Физиология человека / Ред. Г.И. Косицкий. Изд. 3-е. М.: Медицина. 1985. 544 с.
15. Батуев А.С. Сенсорная система скелетно-мышечного аппарата // Физиология сенсорных систем. Л.: Медицина, 1976. С. 260-275.
16. Бериташвили И.С. О нервных механизмах пространственной ориентации высших животных. Тбилиси: изд-во АН Грузинской ССР. 1959. 346 с.
17. Беркли Д. Трактат о принципах человеческого познания // Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 18-478.
18. Боголепов Н.К. Гемиплегия // Большая медицинская энциклопедия. Изд. 3-е. Т.5. М.: Советская энциклопедия. 1976. С. 141-146.
19. Бом Д. Физика и восприятие // Специальная теория относительности. М.: Мир, 1965. С. 223-283.
20. Брудный А.А. Коммуникация и семантика // Вопросы философии. 1972. № 4. С. 42-53.
21. Брунер Д. Психология познания: за пределами непосредственной информации / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
22. Буранова Ф. К гносеологическому анализу предметности чувственного образа // Философские науки. 1976. № 6. С. 132-134.
23. Бурняшева Л.А. Духовное пространство в условиях трансформации

со-временного российского общества. Диссертация ... доктора фило-соф-ских наук: 09.00.11. Ставрополь. 2014. 344 с. // <http://www.dslib.net/soc-filosofia/duhovnoe-prostranstvo-v-uslovijah-transformacii-sovremennogo-rossijskogo-obwstwa.html> Дата. обращения: 02.08.2015

24. Бэкхерст Д. Философия деятельности // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 72-79.

25. Бэкхерст Д. Ещё раз о “Загадке человеческого я” // Вопросы философии. 2010. №8. С.88-96.

26. Бэкхерст Д. Психика, мозг и образование // Вопросы философии. 2013. № 11. С.50-65.

27. Васильев О.В. Топология пространства движения (философско- методологический анализ) // Вестник РФО. 2003. № 4. С. 81-84.

28. Введение в философию: Учебное пособие. Фролов И.Т. с соавт. 3-е изд. М.: Республика. 2003. 623 с.

29. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процес-сов // <http://psylib.org.ua/books/vekk101/txt20.htm>. Дата обращения: 06.08.2015.

30. Веккер Л.М. Психические процессы. Т.2. Мышление и речь // https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=17&ved=0CDQQFjAGOAqFQoTCNnftyH_scCF. Дата обращения 17.09.2015.

31. Веккер Л.М. Природа чувственного образа // <http://psylib.org.ua/books/vekk101/txt07.htm> Дата обращения: 06.11.2015.

32. Время / пространство // <http://sakai.spbu.ru/osp glossarytool/glossary.asp?id=AD4C438373AEFFEC15153A80C95EB6B6&sakai.tool.placement.id=ba094e29-a0e7-4176-887a-3b9>. Дата обращения 13.09.2015.

33. Гиндилис Н.Л. Человек в истории развития знания: античность // Фило-софские науки. 2003.№ 1.С. 89-99.

34. Гиндилис Н.Л. Человек в европейском средневековом знании// Фило-софские науки. 2003. № 4. С. 78-92.

35. Гольбах П. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // Избр.произв. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль. 1963. С. 24-281.

36. Готт В.С. Пространство и время // <http://physiclib.ru/books/item/f00/s00/z0000018/st005.shtml> Дата обраще-ния 15.09.2015.

37. Грицанов А.А. Пространство и время // Новый философский словарь. 2-е изд. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом. 2001. С.804.

38. Губанов Н.И. О специфике знака // Философские науки. 1981. № 4.

39. С. 56-64.

40. Губанов Н.И. Пространственная локализация и проекция чувственных образов // Философские науки. 1984. № 3. С. 73-81.

41. Губанов Н.И. О гносеологическом статусе малоизученных феноменов чувственного отражения // Философские науки. 1986. № 2. С. 87-96.

42. Губанов Н.И. О соотношении знака, образа, модели и кода // Категория образа в марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск: Изд-во Ур-ГУ, 1986. С. 41-48.

43. Губанов Н.И. Чувственное отражение: Анализ проблем в свете современной науки. М.: Мысль. 1986. 239 с.

44. Губанов Н.И. Философия. Тюмень: Академия. 2003. 320 с.

45. Губанов Н.И. Нищета философии постмодернизма // Философия и общество. 2007. №1. С.54-68.
46. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. О пространственных свойствах ментальных явлений // Вестник Ишимского государственного педагогического института им.П.П. Ершова. 2014. №3 (15). С.90-96.
47. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Субъективная реальность и пространство // Вопросы философии. 2015. №3. С.45-54.
48. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Объективно-нереальные ситуации: возможности создания и перспективы использования // Философия и общество. 2015. №1. С. 48-64.
49. Губанов Н.И., Согрина В.Н. Ментальный мир и пространство // Полигнозис. 2004. №1. С.3-9.
50. Губанов Н.И., Согрина В.Н. Основные формы бытия // Философия и общество. 2004. №4. С.45-61.
51. Губанов Н.Н. Формирование, развитие и функционирование ментали-тета в обществе. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. 214 с.
52. Гусельникова К.В. Сенсорные системы обоняния вкуса // Физиология сенсорных систем. Л.: Медицина. 1976. С.276-294.
53. Декарт Р. Начала философии // Избр. произв. М.: Госполитиздат. 1950.С.314-468.
54. Декарт Р. Метафизические размышления // Соч. в двух т. Т.2. М.: Мысль. 1994. С.12-204.
55. Демокрит // Антология мировой философии. Т.1. Ч.1. М.: Мысль. 1969. С.330-334.
56. Деннет Д.С. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. 2003. №2. С.121-130.
57. Дидро Д. Философские основания материи и движения // Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль. 1986. С.320-590.
58. Дмитренко Н.М. Категории объективного и субъективного. Автореферат канд. дис., М., 1976. 22 с.
59. Дубовской В.И. Гносеологические функции ощущения и восприятия// Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Т.2. М.: Мысль.1970.С.196-256.
60. Дубовской В.И. Знак и образ//Гносеологические проблемы диалектического материализма. М.: Высшая школа.1974.С.124-139.
61. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука.1971.386 с.
62. Дубровский Д.И. Информационный подход к проблеме «сознание и мозг» //Вопросы философии. 1976.№11.С.41-54.
63. Дубровский Д.И. Сознание и информация: к анализу проблемы
64. идеального//Философские науки. 1978.№6.С.46-59.
65. Дубровский Д.И. Расшифровка кодов (методологические аспекты) // Вопросы философии. 1979. №12. С. 84-96.
66. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа. 1980. 286 с.

67. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль.1983.228 с.
68. Дубровский Д.И. Стратегия перестройки и проблема сознания//Философские науки. 1987. №3. С.12-24.
69. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследования // Психологический журнал. 1990. №6. С.3-15.
70. Дубровский Д.И. Проблема духа и тела: возможности решения //
71. Вопросы философии. 2002. №10. С.92-107.
72. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+. 2002. 386 с.
73. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Evidentis, 2007.
74. Деннет Д. Виды психики. М., 2004.
75. Емченко А.И. Физиология анализаторов и учение диалектического материализма о чувственном познании. Киев: изд-во КГУ.1972. 272 с.
76. Законы проекции образов // <http://psychiatry.ru/lib/53/book/53/chapter/20>. Дата обращения 14.10.2015.
77. Зборовский Г.И. Психологическое время и пространство // http://www.pravo.vuzlib.su/book_z374_page_13.html Дата обращения 16.09.2015.
78. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: изд-во МГУ.1976. 239 с.
79. Зорина Е.В., Рахманкулова Н.Ф., Соколов А.В., Шостакова М.А., Яковлева Л.Е. Философия в вопросах и ответах: Учебн. пособие / Ред. А.П.Алексеев, Л.Е.Яковлева. М : Проспект.2004.336 с.
80. Иванец Н.Н., Тюльпин Ю.Г., Кинкульчина М.А. Психиатрия и медицинская психология. М.: ГЭОТАР-Медиа. 2014. 896 с.
81. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: Изд-во МГУ. 1993. 168 с.
82. Ильин В.В. Политология: Учебник для вузов. 2-е изд. М.: Книжный дом «Университет». 1999. 540 с.
83. Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М.: Политиздат. 1980. 124 с.
84. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат. 1991. 464 с.
85. Кант И. Критика чистого разума // Соч.в шести т. Т.3. М.: Мысль. 1964. С. 69-695.
86. Касавин И.Т. Философия науки: несчастная дочь, счастливая падчерица? // Эпистемология & Философия науки. 2006. Т.IX. №3. С. 5-12.
87. Касаткин В.Н. Теория сновидений. Изд.3-е. Л.: Медицина. 1983. 247 с.
88. Клик Ф. Реальное, перцептуальное, концептуальное время и пространство // http://www.pravo.vuzlib.su/book_z374_page_9.html. Дата обращения 16.09.2015.
89. Кондратова Н.А. Субъективная репрезентация жизненного пространства личности // <http://www.dissercat.com/content/subektivnaya-reprezentatsiya-zhiznennogo-prostranstva-lichnosti>. Дата обращения 04.10.2015.
90. Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. М.: Политиздат. 1979. 216 с.
91. Коршунов А.М. Теория отражения и активность сознания. М.: Знание. 1987. 64 с.
92. Костюк П.Г. Физиология центральной нервной системы. Изд.2-е.

93. Киев: Вища школа.1977.286 с.
94. Кротов А.А. Философия религии Мальбранша // Философские науки. 2003. №2. С.65-72.
96. Кротов А.А. Метафизика Мальбранша // Вопросы философии. 2003. №2.С.161-170.
97. Кузнецов В.Ю. Философия преподавания философии // Вестник МГУ. Сер.7. Философия. 2003. №5. С.73-85.
98. Кузьмин В.Ф. Объективное и субъективное. М.: Наука, 1976. 216 с.
99. Левкипп-Демокрит//Антология мировой философии в 4-х т. Т.Ч.1. М.: Мысль. 1969. С.321-346.
100. Лейбниц Г. Монадология//Соч. в 4-х т.Т.1.М: Мысль. 1982. С.413-429.
101. Лейбниц Г. Переписка с Кларком//Соч. в 4-х т. Т.1.М.:Мысль, 1982. С.430-528.
102. Лейбниц Г. Переписка с Николаем Ремонем//Соч в 4-х т.Т.1.М.: Мысль, 1982. С.529-568.
103. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 358 с.
104. Лекторский В.А. Псевдонаучное знание в современной Культуре // Вопросы философии. 2001. №6. С.3-7.
105. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд.2-е. М.: Мысль. 1965. 572 с.
106. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 1975. 304 с.
107. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М.: Приор. 2001. 428 с.
108. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека (введение в психологию). М.: Мир. 1974. 552 с.
109. Линецкий М.Л. Внушение и мы. М.: Знание.1983.168 с.
110. Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Соч. в 3-х т. Т.1.М.: Мысль, 1985. С. 77-582.
111. Лукацкий М.А., Остренкова М.Е. Психология. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа. 2013. С.156 664 с.
112. Любутин К., Пивоваров Д. Синтетическая теория идеального. Екатеринбург. 2000.
113. Манучарова Е. Голоса молчания // Наука и жизнь.1982. №1. С.78-85.
114. Мареева Е.В. О бессмертии души (Аристотель и современность) // Вопросы философии. 2002. №12. С.167-178.
115. Марилов В.В. Общая психопатология. 3-е изд. М.: Издательский центр «Академия». 2008. 224 с.
116. Марилов В.В., Марилова Т.Ю. Клиническая психопатология. М.: ГЭОТАР – Медиа. 2010. 608 с.
117. Мартынов Д.Я. Нептун // Большая советская энциклопедия. Изд-е 3-е. М.: Советская энциклопедия. 1974. Т.17. С.501.
118. Мартынов Д.Я. Плутон // Большая советская энциклопедия. Изд-е 3-е. М.: Советская энциклопедия. 1975. Т.20. С.54.
119. Матяш Т.П. Бытие и материя // Философия. Изд-е 14-е. / ред. В.П.Кохановский. Ростов на Дону: Феникс. 2006. С.90—129.
120. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования

ния. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. 2003. 456 с.

121. Меграбян А.А. Общая психопатология. М.: Медицина.1972. 288 с.

122. Мелюхин С.Т. Материя в её единство, бесконечности, развитии. М.: Мысль, 1966. 383 с.

123. Минасян А.М. Диалектический материализм (учение о сознании). Ростов на Дону, 1976. 286 с.

124. Мираж // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т.27. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. С.567.

125. Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого Я. Изд. 2-е. М.: Политиздат. 1976. 288 с.

126. Мишанкина Н.А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. № 297. С. 7.

127. Молчанов В.И. Конституция пространства. Пространство и тело // Вопросы философии. 2011. №10. С.155-166.

128. Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат, 1974. 240 с.

129. Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. №8.С.101-112.

130. Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. М.: Прогресс.1981. 232 с.

131. Нарский И.С. Проблема значения знака // Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Т.2. М.: Мысль.1970. С.52-68.

132. Нартова-Бочавер С. К. Н 28 Психологическое пространство личности: Монография. — М.: Прометей. 2005. 312 с.....»

133. Незнанов Н.Г. Психиатрия. Гл.8. Расстройства ощущения и восприятия. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. С.93-101.

134. Никулин Д.В. Пространство//Новая философская энциклопедия. Т.3. М.: Мысль. 2001. С.370-372.

135. Норман Г.Э. Карл Поппер о ключевых проблемах науки XX

136. века // Вопросы философии. 2003. №5. С.96-102.

137. Ньютон И. Оптика. М.–Л.: Госиздат. 1927. 211 с.

138. Ольхов П.А. Философия преподавания философии: провинциальные резоны//Вестник РФО. 2003. №2. С.67-71.

139. См.: Павлов И.П. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. Т.2. Кн. 2. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1951.

140. Пенфилд У., Джаспер Г. Эпилепсия и функциональная асимметрия мозга. М.: изд-во иностр. лит.-ры. 1958. 432 с.

141. Петров С. Понятия за объективно и субъективно. София: Наука и искусство, 1965. 218 с.

142. Петров С. О вторичных свойствах // Философские науки. 1969. №2. С.148-158.

143. Петров С. Один аргумент презентационизма и практика //Философские науки. 1973. №3. С.115-123.

144. Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа: Операциональный аспект. Свердловск. 1986.

145. Платон. Тимей // Избранные диалоги. М.: Рипол классик. 2002. С.161-248.

146. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. работы / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1983. 480 с.
147. Поппер К. Квантовая теория и раскол в физике / Пер. с англ. М.: Логос. 1998. 192 с.
148. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход/Пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС. 2002. 384 с.
149. Пространство и время // <http://www.kulichkovvk.ru/fil/lek/prostranstvo/index.html> Дата обращения 29.07.2015.
150. Пучинская Л.М. Субъективность восприятия и вызванный потенциал. М.: Наука. 1987. 146 с.
151. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Пер. с англ. Киев: Ника Центр. 1997. 560 с.
152. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. Статьи / Пер. с англ. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, Республика. 2000. 464 с.
153. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М.: Прогресс. 1985. 344 с.
154. Рожко К.Г. Принцип деятельности. Томск: изд-во ТомГУ. 1983. 211 с.
155. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 364 с.
156. Рычков А.К., Яшин Б.Л. Философия. М.: Владос. 2002. 384 с.
157. Садовский В.Н. Карл Поппер и Россия. М.: Эдиториал УРСС. 2002. 280 с.
158. Саппес П.К. Является ли зрительное пространство евклидовым? / Пер. с англ. // Реферативный журнал ИНИОН АН СССР. Общественные науки за рубежом. Серия 3. Философия и социология. 1979. № 4. С.26-30.
159. Серов Ю.М. Общественное и индивидуальное сознание. М.: Изд-во МГУ. 1964. 186 с.
160. Согрина В.Н. Основные формы бытия. Тюмень: Академия. 2001. 31 с.
161. Сомьен Д. Кодирование сенсорной информации в нервной системе млекопитающих. М.: Мир. 1975. 416 с.
162. Сеченов И.М. Впечатления и действительность // Избр. произв. Т.1. М.-Л.: изд-во АН СССР. 1952. С.442-458.
163. Сеченов И.М. Предметная мысль и действительность // Избр. произв. Т.1. М.-Л.: изд-во АН СССР. 1952. С.460-486.
164. Сеченов И.М. Участие органов чувств в работах рук у зрячего и слепого // Избр. произв. Т.1. М.-Л.: изд-во АН СССР. 1952. С.85-92.
165. Сеченов И.М. Физиологические очерки // Избр. произв. Т.1. М.-Л.: изд-во АН СССР. 1952. С.93-187.
166. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат. 1972. 303 с.
167. Спиркин А.Г. Философия. М.: Гардарики. 1998. 816 с.
168. Спиркин А.Г. Философия. М.: Гардарики. 2001. 816 с.
169. Субботин А.Л. Первичные и вторичные качества // Новая философская энциклопедия. Т.3. М., 2010. С.218.
170. Сушин М.А. Где находятся убеждения Отто? О концепции расширенной психики // Вопросы философии. 2013. №8. С.166-174.
171. Тамар Г. Основы сенсорной физиологии. М.: Мир. 1976. 426 с.
172. Титаренко А.И. Нравственный прогресс. М.: Наука. 1979. 284 с.
173. Толстоухов А.В. Глобальный социальный контекст и контуры эко-бу-

дущего // Вопросы философии. 2003. №8. С.49-63.

174. Тютин В.С. К проблеме образа // Вопросы философии. 1959. №6. С.137-148.

175. Тютин В.С. Отражение и информация // Вопросы философии. 1967. №3. С.41-52.

176. Тютин В.С. Категории «форма» и «содержание» и их структурный анализ // Вопросы философии. 1971. №10. С.88-98.

177. Тютин В.С. Теория автоматического опознавания и гносеология. М.: Наука. 1976. 190 с.

178. Уваров Л.В. Символизация в познании. Мн.: Наука и техника, 1971. 127 с.

179. Уёмов А.И. Свойства, системы и сложность // Вопросы философии. 2003. №6. С.96-110.

180. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука. 1966. 452 с.

181. Ю. Урманцев. Пространство и время // Философская энциклопедия. 4. М.: Советская энциклопедия. 1967. С.392-397.

182. Ушаков Г.К. Галлюцинации // Большая медицинская энциклопедия. Изд. 3-е. Т.4. М., 1957. С.562.

183. Халин С.М. Познание и метапознание (Проблема типологического единства). Тюмень: изд-во Тюменского государственного университета. 1998. 248 с.

184. Халин С.М. Идеальное как особая форма движения материи (Онтологическая гипотеза) // Философия в современном мире: диалог мировоззрений. Материалы VI Всероссийского философского конгресса. Нижний Новгород, 27-30 июня 2012 г. В 3 томах. Т. II. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. 2012. 467 с.

185. Хасхачих Ф.И. Вопросы теории познания диалектического материализма. М.: Высшая школа, 1967. 232 с.

186. Хрестоматия по ощущению и восприятию. М.: изд-во МГУ. 1975. 400 с.

187. Хубер П. Иосиф Бродский: к вопросу возникновения автономного субъекта поэта // Вопросы философии. 2003. №7. С.56-66.

188. Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философия. М.: Весть. 2003. 368 с.

189. Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философия. М.: Изд-во СГУ, 2012. С.143-144.

190. Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философия. Изд-е 4-е. М.: изд-во СГУ. 2012. С.147-148.

191. Цыганков Б.Д., Овсянников С.А. Психиатрия. Гл.12. Патология восприятия. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. С.104-130. 496 с.

192. Чуприкова Н.И. На пути к материалистическому решению психофизиологической проблемы. От дуализма Декарта к монизму Спинозы // Вопросы философии. 2010. №10. С.110-121.

193. Шибутани Т. Социальная психология. / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1969. 536 с.

194. Щедрин Т.Г. Коммуникативное пространство русского философского сообщества (опыт философского архива) // Вопросы философии. 2003. №8. С.106-118.

195. Щёлкин А.Г. Диалектика индивидуального и общественного сознания//Философские и социологические исследования. Л.: Изд-во ЛГУ. 1977. С.18-30.
196. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. М.: Госполитиздат. 1961. С. 32–340.
197. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат. 1961. С.343-626.
198. Юлина Н.С. К. Поппер и Д. Деннет: два взгляда на «архитектуру сознания» // Вестник РФО. 2002. №4. С.140-143.
199. Юлина Н.С. Д. Деннет: самость как центр нарративной гравитации, или почему возможны самостные компьютеры // Вопросы философии. 2003. №2.С.104-120.
201. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск: ООО «Попурри». 1998. 720 с.
202. Bennet M. , Hasker P. Philosophical Foundations of Neuroscience. Oxford, 2003. 342 p.
203. Adrian E.D. Consciousness / Brain and conscious experience / Ed. By J.C. Eccless. Springer-Verlag. Berlin-N.Y. 1966. P.238–246.
204. Bridgman P. Dimensional analysis. N.Y. 1922. 322 p.
205. Bridgman P. The intelligent individual and society. N.Y. 1938.
206. Cherkland P. The Nature of Mind. Oxford. 1991. 620 p.
207. Chulmers D.Y. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. № 2 (3). P.16-38.
208. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol.58. P.3-18.
209. Dennett D. Consciousness Explained. Boston. 1991. 480 p.
210. Dennett D. Darwins Dangerous Idea. Evolution and the Meaning of Life. London. 1995. 318 p.
211. Hartman N. Der Aufbau der realen Welt. B. 1940. 386 s.
212. Hartman N. Grundzuge einer Metaphisik der Erkenntnis. B. 1949. 412 s.
213. Hartman N. Philosophie der Natur. B. 1950. 296 s.
214. Gelder T. van, Port R. Its About Time: An Overview of the Dynamical Approach to Cognition / Mind as Motion. Gelder T. van, Port R. (eds.). Cambrdg, MA. 1995. 436 p.
215. Kolher I. Uber Aufban und Wandlungen der Wahrnehmungswelt.Sitzber: Oster. Akadem. Wiss. 1951. 306 s.
216. Krech D., Grutchild R., Livson N. Elements of psychology. N.Y. 1969. 408 p.
217. Livson N. Elements of psychology. N.Y. 1969.
218. Malebranche N. Oeuvres completes Ed. par. A. Robinet. T.XII. P. 1965. 248 p.
219. Perry R.B. Present Philosophical Tendencies. N.Y. 1912. 368 p.
220. Popper K.R. Objective Knowledge. An evolutionary Approach. Oxford: Clarendon Press. 1972. 402 p.
221. Popper K.R. Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge. London and Hanley: Routledge and Kegan Paul.1972. 486 p.
222. Stratton G.M. Vision without inversion of the retinal image // Psychological Review. 1897. №4. P. 341-360.
223. The Extended Mind. Menary R (ed.). Cambridge. MA. 2010.
224. The New Realism. N.Y. 1912. 318 p.

Н.И.Губанов, Н.Н.Губанов

МЕНТАЛЬНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: 8 (495) 708-3000

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен

Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»

Отпечатано в типографии

Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Дизайн и верстка Т.А. Брик

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60x90/16. Тираж экз. 1000 Усл. п. л. 9

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка(по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ;
- * размещение в **РИНЦ, НЭБ, eLibrary**.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 708-30-00
e-mail: etnosocium@mail.ru